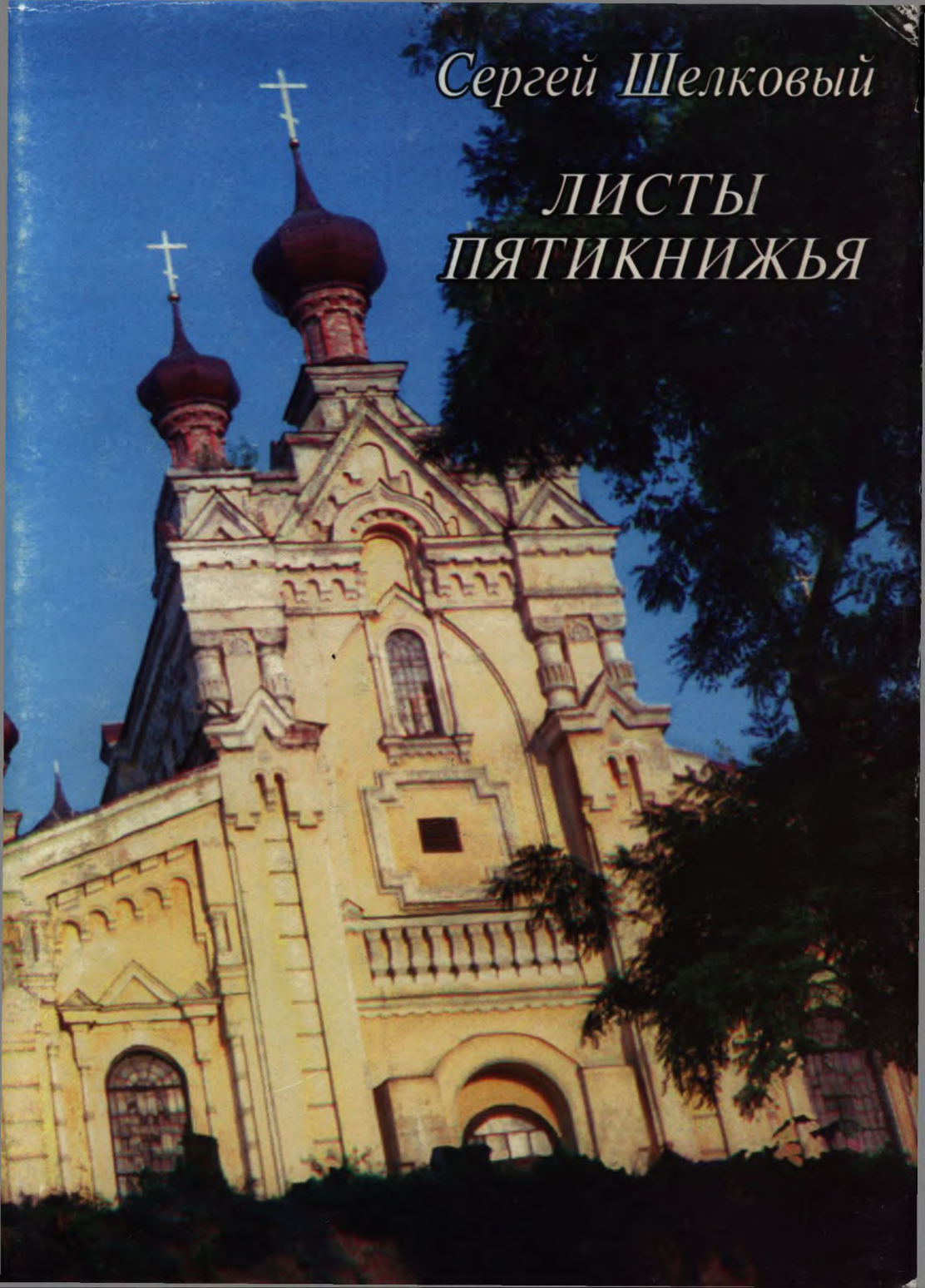


Сергей Шелковый

*ЛИСТЫ
ПЯТИКНИЖЬЯ*



Сергей Шелковий

ЛІСТЫ ПЯТІКНИЖЬЯ

Сергей Шелковый

Листы пятикнижья

стихи

*Александру Белоусенко
с уважением и добрым
пожеланием — автор,*



Харьков "Майдан"

1997

май 2007.

В новой поэтической книге Сергея Шелкового — стихи из пяти его предыдущих сборников, вышедших в Харькове, Киеве, Москве, и стихотворения последних лет. Многие его произведения, хорошо известные читателям русской поэзии, отмечены зрелостью таланта, мудростью пройденного пути. Книги Сергея Шелкового высоко оценивали такие мастера, как Борис Чичибабин, Евгений Рейн, Юнна Мориц.

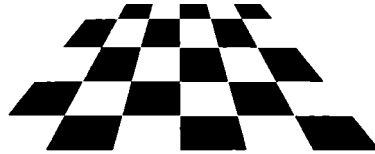
Ш 4702010202 — 3
97

Без объявлен. ББК 84Р7 — 5

ISBN 5-7707-9394-X

© Шелковый С.К., 1997

Из книги
"Всадник-май" (1985)



ОТРОЧЕСТВО

Лежать в траве и пить теплынь полыни —
Своя земля, как колыбель, мягка.
И пахнет солнце разогретой дыней,
И в синей выси ярки облака.

Вдыхать всей грудью чистый запах хмеля
От дальних подсыхающих стогов...
И сердцем знать — от этой колыбели
Всего три взмаха крыл до облаков.

За то спасибо, Теплый Плес
Под синеокою Полтавой,
Что прадед смог дорогой правой
Тащить судьбы воловий воз.

В тоске не сгинул и в вине
И, злыдни подперев плечами,
Не сдался доле...
И ночами
Молился звездной вышине...

Спасибо, жизнь, за три восьмых
Моей великоросской крови
И пять восьмых моих любовей
Из белых мазанок босых.

За поцелуи алых мальв,
Укрывших стены рушниками,
За бунчуков козачьих пламя
И чернокосую печаль,

За тишь венков и плавность бус
Моей поющей мовы дивной,

Где сквозь озерных слов глубины
Белеет Киевская Русь...

В душе светло и одиноко,
Как ясной осенью в лесу,
И все свое с собой несу
Почти без горечи упрека.

Над поредевшей голой чашей
Спокоен край небес и пуст.
И в алых каплях колкий куст -
Шиповник,
Сто сердец дарящий.

Так кто же я,
Зачем живу на свете? -
Как страшен нерешаемый вопрос...
Качнутся звезды,
И родятся дети,
И станет скудной глиною погост.

Но станет глина
Буйными цветами,
Мы ляжем на вечерние цветы -
И свод планет
Разверзнется над нами
И вновь воскликнешь,
Как от боли, ты:

“Зачем довлеешь надо мною,
Небо?
Мой дух живой тебе равновелик.

Зачем, зачем..." —
Отважно и нелепо
Лепечет сердце...
И молчит язык.

ЗАМОРОЗКИ

Пахнуло льдом. В поникших листьях
Плодов казнимых голоса.
Старуха, кадки вымыв чисто,
Сечет капусты телеса.
Небес аляповато сладко
Остекленела бирюза.
В медовом падалиц остатке
Заледеневшая оса.

Ребенок мой,
Чумазий, и родной,
Я светлостью твоей не умиляюсь.
Я просто знаю —
Это счастья малость,
Нечаянно полученная мной.

И что-то есть
Важнее, чем покой,
И что-то есть
Огромнее, чем вечность,
Когда ко мне влезаешь ты на плечи
С конфетою смешною за щекой.

РОДСТВО

Единокровный,
Неизменный брат,
Пурпурно-черно-золотой Рембрандт...
Вот дочь моя,
Четырехлетний мастер,
С недетской страстью сжав в руке фломастер,
На клетках канцелярского листка
Зажгла, как капли крови,
Три цветка,
Что жгучей ворожкой
Травы-разрыва
Роднят крамольно нас и неизбывно...

Друг, ты не жалуешь собак,
А я, признаться, с ними дружен —
Так иногда бывает нужен
Щенячьей нежности пустяк.

Взгляни, когда они косят
Агатом пристального глаза,
Взгляни — и угадаешь сразу,
Насколько прав и виноват.

Да, я огромных псов люблю
И их щенков на лапах толстых,
В которых силы благородство
Чистопородное ловлю.

Должно быть, людям не указ
Собачья преданность и верность,
Но чем-то мне близка безмерность
Влюбленности их детских глаз.

И я в упрек не ставлю псам
Зубов жемчужную бесстыжестъ —
Без них бы ни за что не выжить
Таким доверчивым глазам...

Но все же, все же их исток —
В том веке бронзовых орудий,
Откуда с нами вышел в люди
Не пленный, но влюбленный волк.

НОЧЬЮ

Ребенок кашляет во сне -
Спешу, поправлю одеяло.
Для счастья этого не мало,
Совсем не мало — верьте мне.

Когда уйдем мы налегке,
Судьбу винить нам не пристало,
Коль сын поправит покрывало
На остывающей руке.

Прости невольный эгоизм,
Мой ласково сопящий ангел.
У всех судеб одна изнанка:
Как ни считай — одна лишь жизнь...

Но ты — и плоть, и суть моя.
Потом, когда меня не будет,
Вдыхая мир счастливой грудью
— Вдыхай! А выдох буду я...

ХРОНОЛОГИЯ

Под белой липой девушки смеялись,
И пели пчелы гулко, как шмели...

Столетия свистящим ветром мчались,
Секунды плавным облаком текли.

Во млечном опушенье атмосферы,
Подобье тополиного зерна,
Плыла планета, хромосомой веры
И генами любви порождена.

Свирепые века ничем кончались -
Лишь алые цветы красней цвели,
Лишь ярче с неба звезды улыбались
Зрачками золотыми, как шмели.

Сминая грани плоти человеческой,
Мятежно билась странная душа,
А жизнь была, как ливень, быстротечна,
Как пенный майский ливень, хороша.

Когда же стебли наших душ сломались,
Вослед иные зерна проросли...
И снова, снова девушки смеялись
Глазами золотыми, как шмели.

Дедово было — стало отцово,
Было отцово — ко мне перешло:
Слово-дубрава и озеро-слово,
Ясного теса на круче село.

Пахарю птицы звенели и небо,
Бортнику пели тугие стволы -
Будто бы вызрели зерна для хлеба,
Вызрели звуки для чистой молитвы.

Дедово было, было отцово -
Стало опорой моей навсегда:

Слово-кольчуга и колокол-слово,
Белого камня кремля-города.

Вызнало плавность гончарной работы,
Мудрую, точную мощь кузнеца
Слово — наследье бескрайнего рода,
Прадеда весть, наставленье отца.

*

Кровная речь, колыбельное слово,
Неопалимые небеса,
Давняя песнь,
Где добры и суровы
Мамины, тихой лазури глаза...

Дано тебе счастливым быть —
Вослед обиде улыбаться,
И шумной славы не добыть,
И трудным словом оставаться.

Есть у земной судьбы права —
Судить твой дар,
Жестоко, здраво...
Но чище слов
Споет листва,
Но выше славы
Встанут травы.

Сизифов зимний день
Вташу под крышу,
Все той же вечной лестницей взойдя...
Но не ропщу -
Ведь я за дверью слышу

Твой голос,
Ясноглазое дитя.
Войду —
И мне в прихожей улыбнутся
Два сброшенных,
Два красных сапожка,
И милосердно
Губ моих коснутся
Судьбы дыханье
И твоя рука...

ОТ МАЯ ДО СЕНТЯБРЯ

И в небесах, и в трамвае —
Всюду светло в сентябре.
Астры крестьянка сгружает
В цинковом звонком ведре.

Влажно сквозь круглую марлю
Светится нежный товар.
Вспомню — от самого мая
Полон цветами базар.

Экая сласть — потолкаться
В гуще базарной весны,
Сбросить копеек под двадцать
С крепкой хозяйской цены,

Слыша над сапом рублевым,
Над суетой пятаков
Плеск лепесткового слова,
Алое пенье цветков...

Еду в осеннем трамвае —
Рынок на вираже.
Вспомню — от самого мая
Что-то цветет на душе...

РАДИО

Был хлеб, случалось, даже сахар
В тот пятьдесят начальный год,
Когда из ржавчины и праха
Уже отстроили завод.

Там, у щербатого барака,
За рельсами,
До глаз чумаз,
Пацан копает в куче шлака
Железный клад литейных клякс...

Давали хлеб, а то — и сахар,
Но, приисков чугуновых бог,
Услышать радио без страха
Я все еще никак не мог.

Мне в жирно-жестком баритоне
Была панически слышна
За мной готовая в погоню
Война,
Нешадная война.

Она ли в воздухе витала
Или бродила между шпал?..
Иль просто сил мне не хватало? —
Мы все жевали что попало,
Что тот железный год послал...

Помнишь, бабушка, в июне
В темных сумерках светлы

Белолистые петунии,
Известковые стволы?

Помнишь? — Звоны чайных ложек,
В дверь веранды дышит сад...
Тонкий, колкий, словно ножик,
И влюбленный...
Внука взгляд.

Там судьбе моей светила
Нежность бескорыстных глаз,
Там столетьем лето было
И казался годом час.

Там плескались в светотени
За штaketником цветы.
В явь мою и в сновиденья,
Добрый друг, входила ты.

Никогда лихого срока
Не признаю...
Ты живи
В том июне, у истока
Бескорыстнейшей любви.

Там в саду, над старой грушей,
Как два облака, парят
Наши любящие души —
Восемь лет и шестьдесят...

Где-то в полночи страшно пропело —
Взвыли встречные поезда.
Показалось —

На Землю летела,
Небеса разрывая, звезда.

Ты лицо искаженное вытер —
Тихо...
Лишь, отставая от нас,
Мчался поездом дальним Юпитер,
Исполинский задымленный глаз.

Шел громадой немой, без сирены,
С тяжким грузом руды и угля.
Здесь,
Внутри искривленной Вселенной,
Лишь один пассажирский —
Земля...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Июль ничем не омрачая,
Шли дни, прозрачны и длинны,
И снились краткими ночами
Огромные цветные сны.

Звенели молодо трамваи,
И в небе окна чердаков
Дробились солнцем,
Повторяя
Спектральные обводы снов.

И липы город оведали
Улыбкой непорочных уст,
И яркий рынок был завален
Шарами хрусткими капуст.

Но зыбкой тенью сожаленья,
Не слышно,
Словно тайный тать,

Скользил навстречу день рождения...
Который? —
И не сосчитать...

СТАРЫЕ МАРКИ

Так где же он , тот отрок прыткий,
Что на пустырь через забор
Спешил —
Куском смолы на нитке
Удить тарантулов из нор?

Что в школьном кафельном подвале,
Где смутно пахло табаком,
На ромбы Африк и Австралий
Менял добытых пауков,

И, вечерами впившись в марки,
Наутро ахинею нес
Про острова,
Про сверху жаркий
И ледяной внутри кокос?

Где он?..
Немногое осталось -
В пузатой тумбе под столом
Притих обидевшийся малость,
Давно не лиственный альбом.

Там иногда в зубчатом небе
Года плывут наоборот,
И снова черный гибкий лебедь
Навстречу медленно плывет...

ПРЕЖНЕЕ ИМЯ

Где лиловые поляны
Околдованно-дурманны,
Там тимьяном пьян закат,
Словно тыщу лет назад.

На поляне чебрецовой
Юный Лель ласковобровый,
Мил листам, соцветьям люб,
Нежит дудочку у губ.

Он поет — и нескончаем
Скрип песков под молочаем,
И не ведает конца
Шорох ведьмина кольца,

И прохладный дух грибницы
Колокольцам брызжет в лица...
Там, у леса на краю,
Юность узнаю свою...

Там, под елью, в колыбели,
В кои дни погодком Леля
Знал я говор диких трав
И ветвей замшелых нрав,

Там июльскими ночами
Листья жестом привечали,
Да шептало в шерсть зверье
Имя прежнее мое...

УДАЧА

Откровенье — по майскому городу шаг
В дни любовного птичьего писка.

Розовеет в лохматых зеленых пучках
Благородным соцветьем редиска.

Льется солнце и ярким узором горит
На сермяжном казенном халате,
И лоточница, чуть приподнявшись, парит
Над весами —
В изысканном платье.

Утонченная леди мусолит рубли,
Серебро высыпает на сдачу...
Глядь —
И 5-й трамвай из-за шара Земли -
Ну не день,
А сплошная удача!

ТУРИСТКА

Кто рядом с белой плавностью церковью
Зажег цветок твоих лазурных джинсов —
Рублев Андрей или поэт Андрей
Такой находкой чудною разжился?

А впрочем, нет — фантазиям предел
Положен.
Тривиальна обстановка —
Ты отпускница от житейских дел
Со льготной профсоюзною путевкой.

Но от тебя ко мне -
Уж не вини -
Блеснуло, как разряд,
Как джиу-джитсу:
Медовый колокольный звон сродни
Замедленной твоей походке в джинсах.

Земля парит,
И пахнет пряно
Вином апрельская вода,
И прутья старого гнезда
В развилке темного каштана

Еще мокры..
Но за окном
Средь голых веток-непристойниц
Опять воркует пара горлиц
О возвращении своем.

Опять
У волглого гнезда
Грудной счастливый говор птичий...
Как нежен
Вечный их обычай,
И будет так
Всегда, всегда...

ЗАЛИВ

Ветер юный, вольный, ходкий
Поутру меня свистал,
Уводил в отцовской лодке
В заповедные места.

Рябь гуляла по лиману,
Но живой полуовал
Тростникового султана
Ветер плавно огибал.

Здесь, в папирусном заливе,
Преломляясь, как слюда,
Билась глубже, и ленивей,
И загадочней вода.

Здесь, горя огромным оком,
Ярсь радугой спины,
Лесу рвал горбатый окунь
Из зеленой глубины.

Шел упругими кругами,
Выгибая гривы лук,
Хрящеватыми губами
Закусив каленый крюк...

И растаяла неделя,
Как малиновый рассвет...
Запах озера и хмеля
То ль приснился, то ли нет.

Лишь мелькнут сквозь дым вокзальный
Блеск весла и дрожь листа -
Отчий край, как юность, дальний,
Сокровенные места...

СЕЛО СКОВОРОДИНОВКА

Когда над зеркалом воды
Сошлись, шепча, русалки-вербы,
Над слободой Сковороды
Зажглись огни бродяжьей веры.

Под крышей пел сверчковый алыт,
И ударяла в сердце нежно
Все та же вещая печаль,
Все та же тихая надежда...

И спали хаты и пески.
И минул год, и сто, и двести,
Но, как и прежде, высоки
Над Слобожанщиной созвездья.

И льется с неба по ночам
В людскую душу, как и прежде,
Неизлечимая печаль,
Неисцелимая надежда...

Мчится по снегу к метро на свиданье
Пресовременнейшее создание.

Льдинкой скользит европейская мода,
Мода весьма недалекого года.

Брючки банановее банана...
Но до чего ж ты российски румяна!

Словно крестьянское спелое утро,
Словно реликтовый воздух над хутором.

Как озаряет нездешние тряпки
Взор луговой — повторенье прабабки.

Ласковый мехом собольим и куньим,
Взор приворотный древлянки-ведуньи.

Ах, как плывет вдоль заснеженных зданий
Свет ворожбы, луговое создание!

ПОМОРЬЕ

Выстроить жизнь, словно лодку сработать,
Сладить ладью золотого сечения!
Кто говорит, что отвагой и потом
Не постигается откровенье?

Вытесать весла из тверди дубовой,
Слышать волны содроганье ладонью,
Чуять, как кровь твоя снова и снова
Силу толчками к предсердию гонит.

Выковать якорь, тяжелый и грубый
Коготь железный, —
Лохматой пенькою,
Как пуповиной, поморские судьбы
Связаны с отчей холодной землею.

В этом краю уплывающих лодок,
В мире, что камнем и льдом покорежен,
Кормчий — не тот, кто удачлив и ловок,
Тот — кто до смертной пучины надежен.

Темным ли тучам, насытившись, каркать? —
Души достались пучине небесной...
Сядут на полузатоленный карбас
Белые птицы — поморские песни...

Брат! Нам наследство отцово осталось —
Парус холщовый да якорь железный.
Выдюжить жизнь!
Будто вывести парус
Из ледяной непрощающей бездны!

Когда весной гроза пройдет
И вслед на землю хлынет солнце,
Какая мощь
В аорте бьется!
Какое слово
В горло бьет!

И пусть не превратится в звук
То просветление подсознания -
Несказанное
Несказанно
Наполнит светом плоть и дух.

Как ярко семицветна весть
О неземной над нами власти...
Душе еще нужней,
Чем счастье,
Предчувствие,
Что счастье есть...

ВСТРЕЧА

Застывшим солнечным оврагом
Сквозь голый зябкий краснотал
Октябрь ступал —
Неслышным шагом
Свой день последний отмерял.

Светился день,
Сухой, пригожий,
Летучей нитью повитой.
И пахло в воздухе рогожей
И чистой льдистою водой...

И вниз по склону буерака,
Навстречу мне крутой тропой
На пару с корешем-собакой
Малец с уроков шел домой.

Крушил школяр девятилетний
Репья усохшие кусты,
Шуршали —
Моды предпоследней,

На вырост, с напуском, —
Порты...

Так свойски радостная псина
Светила влажным языком,
Так ранец с глянцем дерматина
До звона в пульсе был знаком,

Как будто бы не четверть века
По небу моему прошла,
А только лишь качнулась ветка,
И из-за вербного ствола

Я сам спешу себе навстречу...
И тот же солнечный овраг,
И тот же мальчуган беспечный
В добротных чучельных штанах...

ПЛАЧ ИЗ КАМНЕЙ

Темна и спутана трава,
И у разбитой водокачки
Кричит полночная сова,
Стеная, жалуясь и плача, —

Не день, не год война молчит,
Но птица из немых развалин
По-вдови горестно кричит
Под тусклой лунною медалью.

Взмахнут над битым кирпичом
Ее ватиновые крылья,
В спиртовом воздухе ночном
Цементною ловее пылью -

И вновь из-крошева камней,
В бурьян обрушенного зданья

Еще слышнее и больней
Ударят по сердцу стенанья.

И тихо я на плач иду.
Траву руками раздвигаю,
Сквозь птичью смертную беду
Людское что-то различая.

И вот она — невдалеке,
И силуэт ее бесплечий —
Дитя в старушечьем платке
Зимы военной человечей...

ЛЕТО ПО СТАРОМУ КАЛЕНДАРЮ

Где легкость шеи с легкостью ключицы
Сливается замедленно и плавно,
В предплечии, в предкрылии родится
Твое дыханье, тайною представ мне.

Где узел русой тяжести рассыпан,
И осень на плечах горит и плачет,
Весь дом, как воздух, невесом и зыбок,
И свет нездешних сумерек прозрачен.

Закатное окно теплу раскрыто,
И лето в календарь ушло старинный...
И две недели молится из скита
О наших душах, слитых воедино.

Осенних чар и летних повстречанье —
Две первые сентябрьские недели...
Проста ночная музыка венчанья —
Вздыхают звезды, клапаны свирели.

Над водой закатной,
Густо-чайной,
Над озерной тишиной былинной —
Чайка,
Уронившая нечаянно
Крика серебристую пылинку...

Вот и май прошумел, всадник-май пролетел,
Ставит легкий июнь ногу в стремя —
И забот-то всего, и всего-то и дел,
Что спешит быстроногое время.

Будет княжий июнь, будет царский июль,
Будет август,
Властительно светел...
Ну и вся-то печаль, что убийственной пуль
Пролетает за всадником ветер.

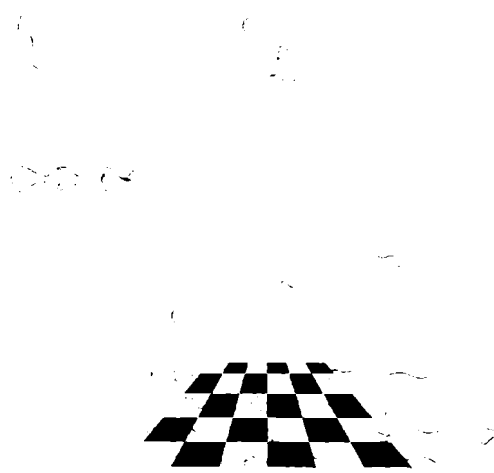
Острый ветер времен,
Меткий ветер судеб
Тих и вкрадчив, как сумерки мая...
И все крепче вино,
Все душистей твой хлеб,
Все безжалостнее понимание.

ПРИЗНАНЬЕ

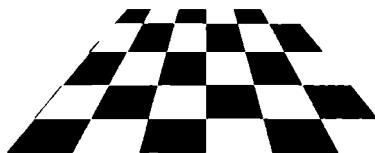
И в час,
Когда темным-темна тоска,
Мне светит имя Русь —
Живое слово.

Моя опора,
Ты не горсть песка —
Глубинный пласт терпенья векового.

Земля моя,
Не знают суеты
Слова большие,
Как большие воды...
Травую стану —
Да услышишь ты
Признание в чистом голосе природы.



Из книги
"Три времени судьбы" (1989)



ПОСЛЕВОЕННОЕ

Я плоть от плоти ваш пацан,
Послевоенные задворки,
Набивший гильзами карман
И в доме прячущий осколки.

Круги чумазые макух
Шершавят губы и сегодня.
И светит круг,
Даренный вдруг
Небрityм дядькой на подводе...

Разбитых зданий ржавый хлам,
Где бьет сквозняк холодный в спину,
Бугристый рыжий котлован
С бренчаньем урок про малину,

В конце худых очередей
Ржаного клейкие довески
И от завода и людей
Машинный запах,
Крепкий, резкий... -

Все это въелось, словно дым
Костра из серого бурьяна,
Как шрама давние следы —
Вещественно и необманно.

Послевоенный жесткий мир
Околицы,
Мазутной глины,
Твой дефицитный рыбий жир
Сквозь жар и горечь скарлатины

Вдруг снова торкнется в душе
Не просто хилым витамином,

Но взрослым правом быть уже
Твоих лишений гражданином.

И повторяется наизусть
Твои дощатые временки
И ледяной цементный бюст,
Покрытый густо серебрянкой,

И марта стылая волна,
Когда старухи в грубых шалях
"Не дай же Бог опять война!" —
Под черным рупором рыдали...

А над разрухой — майский взрыв:
Там солнце строго восходило,
Над жженым щебнем осветив
Медово юные стропила.

СТЕПНАЯ ВЕСНА

Над степью чумацкое небо крутое,
Светлы под луною и хата, и воз.
Я дымом полынным взлечу над стрехою
И вижу всю землю свою из-под звезд.

Как ломит мне грудь ключевое дыхание,
Когда, расправляя крыла по ночам,
К вам, вешние травы, лечу на венчанье,
И к вашим, затоки, склоняюсь очам!

И кровь мне, и боль — твоя гордая доля,
Седых ковылей и волхвов сторона.
Блеснут, шелохнувшись, под пылью и солью
То русича шлем, то хазар стремяна...

Столетия курганная глубь поглотила,
Несметное в пепле легло и в золе,
Но снова всплеснется весенняя сила,
Бессонной волной проходя по земле.

Так сызнова Днепр в понолуние светел,
Что виден сквозь сон посеченным в бою...
И в белых садах возрождается пепел,
И давнюю думу пою, как свою.

ПЕСНИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Было время — ты пел и играл на гитаре
(Пальцы, не позабывшие, тянутся к струнам),
Проходил в даровом августовском загаре
По задворкам разбитым, но дерзким и юным.

Рифмы радиоточек “народы-восходы”
Не жалели на марше казенной обуви,
И за старый пятак продавали газводу
Из фанерной, заваленной крабами, будки.

Победившей страны малолетняя поросль
Поднималась, русявой круглясь головою,
Голосами звеня,
Коллективно и порознь,
По-над гарью, поросшей зеленой травой...

А ты пел под гитару — я помню, я слышу —
Озаряясь негромкой, но искренней силой,
Самым давним аккордом хмельного дядь Мишу
От безногой тоски эта тишь уносила.

Не гремит он давно деревянной тележкой,
А лицо его, осоловелое, злое,
В ту минуту светилось почти безмятежно,
И осталось такое, доньине такое...

Кто там, кто там
Созвучью другому навстречу
Вторит медью солдатского иконостаса?
То учитель —
Военные твердые плечи,
Темногрозные очи родителя Спаса...

Репродуктор твердил неустанно и гордо
О крутом, о невиданно тысячном росте...
Ну а пальцы все помнят четыре аккорда,
Словно стынут в изломе
Срашенные кости.

И суровые люди особого сорта,
Необманной души столбовое сословье,
Все идут по истертым ступеням аккорда,
Все идут,
Одарив несмиренною кровью,

Наделив неумной тревогою века,
Наградив иссеченною отчей землею...
И судьба —
Стань она даже трижды калекой —
Этот дар никогда не затмит над тобою...

ГОРОД

Этот город знаком мне до камня,
До цветка, до железки знаком —
Крутолобый, с большими руками,
С яркой клумбой — нагрудным значком.

Мы товарищи без снисхождения -
Он, как старший, учителем был
И соленого долготерпенья,
И сознания собственных сил.

Мы соратники без умиления —
Нам не нужно неискренних слов.
От сурового летосчисления
Между нами скупая любовь.

От хромающей, послевоенной,
Горевой погорелой поры
Не забылись разбитые стены,
Зараженные блатом дворы,

Искореженный лом арматуры,
Что помалу растаял окрест,
Иванов, возвращенный де-юре
Из навек замороженных мест...

Этот город знаком мне до ветки,
До развилки корявой ветви.
Здесь, вне плана восьмой пятилетки,
Мой невидимый храм на крови -

Непреклонная в резкости юность,
Всем неправдам отверстая грудь
И отчаянной веры сутулость —
Будь что будет, но все-таки будь!..

Громкий город с большими руками,
С поседевшим в работе виском,
Тихий книжник с очками-кругами
С полуночным в ресницах песком,

Друг железный мой, каменнокожий!
Подыши мне в лицо, подыши
Этой, на откровенье похожей,
Смесью смога и нежной души...

УТРО РАБОТЫ

И вот он шагает, весомо, красиво,
В коричневой шляпе австрийского фетра,
И брючная ширь тридцать три сантиметра
Колышется, вроде морского залива.

И вот он идет, боевого сложенья,
В двубортном сукне довоенного кроя,
И дрожжи судьбы продолжают брожение,
И солнце встает над Холодной Горой.

Закваска времен закипает не все,
И полнится крепнущих дней ощущение...
А я его поступь с балкона рисую,
А он все идет, не сбавляя движенья.

И вижу я сверху,
Как летчик в кабине,
Саженные, ватой подбитые плечи,
И век наш,
На строгой его середине,
И ржавых развалин калечное вече...

Но мой карандаш на шершавой бумаге
Рисует не полусожженные стены,
Не чадную свалку в соседнем овраге,
Не древо измен до седьмого колена.

И даже не бога в героической фуражке
С кавказским,
Прицельно прищуренным оком
Я вижу...
Лишь дымный завод нараспашку,
Лишь утро отца в его шаге широком.

И в сильном, гудящем до полночи шаге,
Во взмахе руки, неизменно тяжелой,

Все длится мне время голодной отваги,
Мгновение соли крутого помола.

Суровыми днями завещано что-то,
Крепившее те несогбенные плечи... —
Неискоренимая треба работы,
Движение надежному смыслу навстречу.

РОЖДЕНИЕ

Дом стариков под ребристую крышей -
Издали верностью теплятся мне
Непозабытые, непозабывшие,
Очи живые в открытом окне...

Знаю, что снова увижу на склоне
Здесь, только здесь, начинавшихся дней
Эту аллею грачиных колоний,
Строй патриарший седых тополей.

Вымытый въезд из булыжного камня,
Взятый зеленым гнездовьем в полон,
Стены и заросли родины давней,
Полные гулких, зовущих имен.

Не умолкали деревья и птицы,
Гнезда цвели среди клейкой листвы,
Не уставали минуты светиться
Под перезвоны гортанной молвы.

С жаркой веранды плетеные кресла
Из белокорых текучих лозин
В сад выносили — к читальне небесной -
Под красноплодные ветки бузин.

Все оживало, все будущим было -
И осязаемой мыльной рукой

Некая мама дитя свое мыла
За горделивою первой строкой...

Не было прошлого в мире без тени,
Кроны-громады баюкали высь...
Жизнь раскрывалась,
И чувство рожденья
Непостижимее было, чем жизнь...

ПЕРЕДНИК С МАЛЬВАМИ

И снова солнца ход неспешный,
И надо мной опять парят
Румяным маревом черешни,
Как будто тридцать лет назад.

И у дощатого забора.
Как в очень давний день босой,
Обильно пахнут помидоры
Листом,
Обрызганным росой.

На крыше кухни и сарая
Дождями обтрепало толь,
И дремлет
У калитки рая
Дворняга с именем Король...

Там Марфин с мальвами передник,
И там, у кухонной стены,
Я — внук, стригун,
Любви наследник...
Уже последний собеседник,
Кому те дни еще видны...

ДВОЕ

Как пахла склянка синего стекла —
Серебряную крышку открывали
И крошки чая бережно ссыпали...
Какая благодсть в воздухе плыла!

И льнуло к пальцам старое стекло,
Шершавилось узорами травленья...
Все это и поныне — не виденье,
Хотя Бог весть когда уже прошло...

Их двое —
Мной любимых стариков,
Которых нет
Шестнадцать лет и десять...
Пусть память не измерить
И не взвесить —
Но не засыпать глиной и песком.

И время вновь зависнет надо мной,
Двух верных душ заботу излучая, —
То хрупкою стеклянной синевой,
То пряной ностальгией
Горстки чая...

БАТЬКОВО СЕРДЦЕ

“Отыскался след Тарасов” —
Сто двадцать тыщ войска
Поднял старый, поднял разом
На сечу-геройство.

Злые души, каты-ляхи,
Дьявол упокоит —
Хрипло волки-сыромахи
Над панами взвоят...

Скалясь, Черт несет Тараса
Судьбине навстречу,
Запеклась в груди, увязла
Боль нечеловечья... —

То не белый стан Софии
С птицами-крестами,
Не казнимый лик Андрия
С черными устами,

То Остапа зов предсмертный:
“Батьку,
Чи почуешь?...”
Ой, поминки — огонь несметный,
Пламень, вдетый в упряжь...

Скалясь, Черт несет Тараса
По степи кровавой,
Да никто не знает часа —
Ни грешный, ни правый,

Ой, не знает кручи старый,
Где Днестр колобродит,
Где палач гвоздями яро
К дубу приколотит...

Батьку, батьку, брат казацкий,
Грозный сын Украины!
Смерть и муки — ката цацки —
Душу не украли!

Нету ей колесованья,
Нет костра и дыбы —
На века
Души сказанье, —
Сердца кремьень-глыба!

ХАРЬКОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Крепость стоит на высоком холме
Над неширокою рыбною речкой.
Башня тесовая желтою свечкой
Высится в сумеречной полутьме.

В створе обитых железом ворот
Тускло блестят бердышами казаки,
Сонно волна шевелится во мраке,
Лодку о лодку у пристани трет.

А за рекою рыбак Харитон
Подслеповато склонился над зыбью —
Светится сивой чешуйкою рыбьей
Старец, чьим именем град наречен.

Впрочем, то светит сединами внук
Деда Харько, что владел окунями,
Что несусветно далекими днями
Сладил курень у лесистых излук.

Хату поставил да ульев пяток,
Да просмолил неуклюжую лодку,
Да застолбил на столетья высотку —
Этого града и крепि исток...

Башни растут на зеленом холме,
Медленно движется время пословиц,
Время еще небесплодных перловиц,
Перлы родящих на мокрой корме.

Смутное время дымами грядет,
Гарью горчит преразбойное время,
Но все ветвится казацкое семя —
Крепкий, упорный, сметливый народ.

Крепость из теса не ведает сна,
Пучит сторожкие очи в бойницы —
И коль десятого зла не страшится,
Выстоит и перед сотым она!

ПОЛЫНИ КРОВЬ

Нам древний путь корней неясен,
Нам даль
Лишь в отзвуке дана,
Но витязь-вяз
И лучник-ясень
Из своего взойдут зерна.

И от своей взрастут зернины,
От буквиц азбуки живой,
Грустноголосые осины
С русоволосой головой.

Нам терпкий долгий шлях неведом,
Но ты храни в крови,
Полынь,
Завешанное дедом деда —
Степной костер,
Звезду и синь...

Храни, сухая ветка, думу
Об устье неба за холмом,
И душу,
Нежную угрюмо,
Неистребленную умом.

Полыни кровь —
Дремучий запах,
Зола терпенья и судьбы...
Пред ней тихи на твердых лапах
Широкогрудые дубы...

ШАРУКАНЬ

Здесь когда-то была Шарукань,
Стрелоглазых кипчаков столица —
Черной гривы соленая рвань,
Обоженные всадников лица.

Но бесчетные ветры прошли
Над воинственным конным народом,
И курганы травой поросли
Над когда-то железным оплотом.

И рассыпавший стрелы колчан
Стал зелеными стрелами луга,
И шербатая хорда меча
Ржаво вскрикнет под лемехом плуга...

Глухо вскрикнет полслова всего
На одном из наречий
Забывших —
И уже не припомнить его
Никому
Из всех тысяч убитых.

Лишь вдали,
У холма на плечах,
Помня все, что с рождения видел,
Замер с тайною в мертвых очах
Покосившийся каменный идол...

Какое благо —
Босиком
Бродить две долгие недели
И стать без умысла, без цели,
Без паспорта лесовиком.

Брести чащобою травы
В белесых выгоревших шортах,
Встречая лишь стрекозий шорох
Да лепет лиственной молвы.

И что за благо —
Цвет-чабрец
В бутылку ставить у подушки,
Червоный чай хлебать из кружки,
Лоснясь, что твой дикой купец...

О поднебесных толковать
Необязательных предметах, —
О зодиаке, о приметах, —
И в чайник мяты подсыпать.

Припоминать, что в эту ночь
Земля минует рой Персея,
И август, метеоры сея,
Коль пожелал бы — мог помочь.

И все созвездья так близки,
Когда выходишь из-под крыши!
И тянет — приподняться выше,
Хотя б уж только на носки...

КОРМИЛИЦА-ОСЕНЬ

Поутру в тонком инее озимь,
Но, пока за оврагом зима,
Копит впрок домовитая осень
Разноцветные закрома.

На работу — с рассветного срока,
Черный чебот слюдою льда
Захрустит...

Пробежит крутобока,
Краснощека да молода.

Крепкогрудой звенит молодежию
Из глубин отягченных садов,
Плодовитых забот не боится,
Материнских кормящих трудов.

Багрянеют ядреные брюквы —
И от запаха стонут хлева.
Блещут во поле смуглые руки,
Плещут светлые рукава.

А когда предзакатной осиной
За межой загорается лес,
Распрямляет кормилица спину,
Чтоб, вздохнув, оглядеться окрест.

Проплывают осинником лоси —
Рдеют листья на ветках рогов...
Пахнет солнечным холодом осень,
Плотью яблочных пирогов.

ПОЕЗД

Низкое солнце за поездом мчится,
Темную зелень закатом пронзая, —
Глаз настигающего очевидца,
Замкнутый круг вековых признаний.

Где-то на вогнутом дне объектива
Скачет закатною просекой древней
Всадник, склоненный над конскою гривой,
Алым облитый в разрывах деревьев.

Не обогнать нам ни солнце, ни время...
Лишь на сетчатке огромного ока
Век наш блеснет — колесо или стремя —
Искрой-мгновеньем бескрайнего срока.

БОЯНОВА ГОРА

На зеленой горе —
Князя клёнов замок,
Окон вырезы — словно кленовый лист.
Там в чашобе олени скликают самок,
И олени тропы сбегают вниз.

На второй на горе —
Дубовы палаты.
Окон вырезы — словно дубовый лист.
Секачи хрипят, щетинные латы,
И петляют кабаньи тропы вниз.

А на третьей горе —
Ореховы башни.
Окон вырезы — словно орехов лист,
Там медведи урчат про медвежьи шашни,
И тяжелый след ковыляет вниз.

А на дальней горе -
Из хвороста хата.
То курень Бояна и нищ, и ветх.
Да уж светом убогая книжность богата —
Порассыпаны буквицы зернью злата,
И Бояновы птицы
Взмывают вверх...

БЕССОННИЦА

Острый клюв у стрелы, как у птицы,
Хвост пернатый —
Охотничья статья.
Над Каялою ночь. —
И клонится
К сонным седлам кочевная рать.

А в боярышнике,
В буераке,
Ворожит соловьиная трель —
И не спится стреле в сагайдаке,
Хищной птице разбойных земель.

Ржавый клюв
У безжалостной птицы,
Ей самой ненавистная статья.
Не уснуть ей...
Но вновь не родиться,
Но собой, потаенной, не статья...

ЗЕРНО

Надежды лепет, смех огульный,
Мольбы и гнев —
Зря все, зря...
Цветет крапива и багульник,
И всходит судная заря.

Растает снег, и камень стает,
Пребудет только лишь одно —
Сквозь смертный трепет прорастает
Листом пронзительным зерно.

Так и душа...
Беззвучно плача,

К полынным глинам припадет.
Да будет так.
И не иначе... —
Да вспыхнут листья в свой черед!

ЧУДО О САТУРНЕ

Сатурн увиделся зеленым —
С настольною на небе лампой,
Над клеверным волнистым склоном
Зеленые глазища ламы...

Еще причудился прохладным,
Как утренняя речка летом,
Из глины высверкнули ладно
Два зимородка над рассветом...

Еще —
Его трава похожа
На школьный двор среди каникул,
Где сонный пес с простецкой рожей
Беззлобно на мальчишку цыкал.

И вот — среди июля, что ли, —
Пригреешься с лохматым дурнем, —
И пусто, солнечно...
И воля!
И зелено —
Как на Сатурне...

ПЕРЕД ОСЕНЬЮ

Витают хмель плодов падучих
Меж яблонь в воздухе садов
И тащит сеть линей дремучих
Из сонных вызревших прудов.

Среди осок в прибрежной жиже
Рыбацкий чавкает сапог,
У самых ног в испуге дышит
Зеркальный тяжеленный бок,

А крепкий парень светло-русый,
Каленный солнцем, словно мавр,
Легко швыряет рыбин в кузов,
Хватая их под щеки жабр.

И грузовик, по брови пыльный,
Кляня колдобины дорог,
Увозит на горбу обильный,
Пропахший озером оброк.

И едешь, стоя у кабины,
Заросшей просекой лесной,
Листву орешин и осины
Чуть задевая головой.

И, выехав из тени к свету,
На спелые холмы глядишь,
Но чуешь: теплый лепет лета
Уже таит раздумья тишь...

И видишь — третьих трав укусы
Еще свежи,
Но за холмом,
Вдали, уже взмахнула осень
Атласным лисьим рукавом...

СТАРЫЙ ПЕС

Зазывы утиного кряка
Слышны далеко над водой,

И ящериц ловит собака,
Прибрежной шурша лебедой.

Завидую — как беспечален
Стареющий трепаный пес.
И даром, что хвост измочален,
И розовый шрам не зарос,

И даром, что умную морду
Корежит у губ седина,
Что костью хребтовой твердой
Уже не хрустит старина,

И даром — репейное поле,
Собачья бездомная быль
Насыпят на ссадину соли,
На зубы — скрипучую пыль...

Не сыт,
А зато не стреножен,
Куском да пинком не пленен,
И злым дням назло — все не гош он
На корм для лохматых ворон...

Вот гнутые месяца рожки
Всплывут из полночной воды,
И вздрогнет дворняга сторожко
Под боком у колкой скирды...

ВИНОГРАДНИК

Снова в стылом осеннем солнце
Лилипутов игольчатый писк —
В винных ягодах сладко пасется
Белощекая стая синиц.

Винограда подмерзшие кисти
В примороженных вялых листьях
Зреют трудно, как поздние мысли,
В остывающих этих садах.

Из садовой лучинной лачуги —
Дух антоновки здесь и хлам -
Вижу радость лукавой пичуги
И по-птичьи радуюсь сам.

Солнце льдистое косо встало -
Бледно, словно в последний раз...
Между стекол уснул устало
Многоцветный павлиний глаз.

Суета мотыльков отлетела —
Отлюбили огонь мотылиц.
Вот и вызрела изабелла -
Фиолетовый мед синиц.

ШКОЛА

То были дни, когда плащи "болонья"
Сверкали ослепительно престижно,
Когда на школьном многотрудном троне
Царил М.И., властительный булыжно.

То дни, где ботанички глаз сощурен,
И зычный голос возвещает пылко,
Как чествует генетику Мичурин
Отечественной грушей по затылку.

И там на полутемной перемене
Над прахом вейсманизма-морганизма
Сияют чудно девичьи колени —
Нежнее разложения света призмой.

Там химией пахнёт из кабинета,
Потресканным фаянсом старой ступы,
И там в подвале хлебные котлеты
По ценам удивительно доступны.

Там наши ежедневные богатства —
Директорские дьявольские брови,
Драчливое соперничество-братство,
Престранные ревнивые любви...

И что-то зреет в отроке угрюмом —
Глубинней самолюбия и блажи,
Как будто легким рифмам,
Трудным думам
Нагадан путь... —
В стокрылом экипаже.

УРОК ГЕОГРАФИИ

Сена, Рона, Луара, Гаронна,
Восклицательный знак — д'Артаньян,
Ослепительность моветона —
Пена кружев и колотых ран.

Цвета сливы шелка кардинала,
Стрелы глаз и остры, и легки,
И улыбчивы пастью алой
Златозубые кошельки.

Сена, Рона, Гаронна, Луара —
Тропы славы впадают в Париж!
И от каждого шпаги удара
Ты над книгой счастливо вопишь.

Сверхурочны в трудах и аккордны
Мушкетерские дьявол-клинки...

А наутро географ холодный
Даст вопрос о впадение реки.

Брызжут искрой подвески алмазно,
Бьет подковой оседланный конь...
"Не в Париж? — ты дерзишь. — А напрасно,
Ну, тогда уж, конечно, в Гасконь!"

У ОЗЕРА

Полдень.
Дрожащие веерно крылья.
Горизонтальный сапфировый хвост.
Над первобытным лугов изобильем,
Словно гипноз,
Трепетанье стрекоз.

Странность пришельца в летательном жесте —
Вот, к лепесткам наклоняясь едва,
В зное стеклянном
Застыли на месте
Внегалактические существа...

Кто-то у линз Андромеды туманной
Губы кусает,
Завидуя мне —
Пенью лесной приозерной поляны,
Лепету летних
Малиновых дней.

ПРИЛЕТ

В жарком мареве солнцестоянья
Опустились на луг марсиане —
Ярко-русые, словно древляне,
Синеокие, словно поляне.

Мириады в листве шелестели —
Искры крохотных крыльев блестели...
Вдоль шмелиной невидимой трели
Мы в упор друг на друга глядели.

И среди разогретого луга,
Средь гвоздики и дикого лука,
По глазам,
По сердечному стуку
Мы узнали,
Узнали друг друга...

ЦИКАДА

Зверь-цикада, химерное тело,
Я однажды увидел днем,
Как природа кушунственно смело
Упражнялась в уродстве твоём.

Но, когда загустеет вечер,
Поднимается в синий свод
Голос твой,
И тревожный, и вечный,
Неумолчных, бессонных нот.

Что-то трудное вымолвить надо,
На пределе дыхания — суметь...
Полуночная боль цикады —
Песнь того,
Кто не может петь.

Как рванулось Стожарами небо
К запрокинутой голове,

Как давно я мальчишкою не был
В перепутанной ветром траве!

Или юной безудержной песне
Ни за что не сносить головы
И забыл я, как бродят созвездья
Среди зарослей млечной травы?

ЛЕТНИЙ ДОМ

Думы с утра высоки и легки,
Словно из юности что-то воскресло...
В домике летнем живут пауки —
В рамах оконных,
Под ручками кресла.

По деревянным трехгранным углам —
Под потолками —
Блестит паутина,
И отзываются всем сквозняками
Слабым дрожаньем чешуйки хитина...

Что-то случилось здесь раньше со мной —
То ли из сумерек слышалось пенье,
То ли укропом, политым луной,
Пахло мальчишества стихотворенье...

Так и вселилось в запущенный дом
Это, казалось, ушедшее,
Время —
Тихо бормочет в углу с пауком,
Сушит на полках укропное семя.

А за открытым со скрипом окном
Вспыхнет небесно
Наивный цикорий,
Не позабывший

Ни духом, ни сном
Детской любви, аллергии и кори...

Старый ялик к осине причален,
На корму осыпает багрец
Время терпкой осенней печали,
Время плача древесных сердец.

Время ропота лиственной сени,
Опадающей к мокрым корням,
Час любви безответной
Осенней,
Обращенной к умчавшимся дням.

Снова в лодку, на дно, на скамейку,
Еле слышно слетает листва,
Будто дальнее пенье желейки,
Затихает вода у моста.

Потухают осинника свечки,
По пустому, в две жерди, мосту
Перейду
Отзвеневшую речку,
То ли год,
То ли век перейду...

Девятилетний, загорелый
Наследник,
Худенький пострел,
Как над футболкой свежебелой
Загар твой солнечен и смел!

Светись! —
Со мной моя тревога —
В немирном мире убережь
Взор синий,
Рвущийся в дорогу,
Святую хрупкость юных плеч...

Лето, лето
Живая планида моя,
Населенная спелой-преспелой
Горячей травой!
Я уже записал в золотые друзья муравья,
И, о риске забыв,
Увлечен голубой стрекозою.

А игрун,
Несуразно-изящный кузнечик-урод!
Смехота,
Но почти что уронишь слезу умиления,
Как без слуха, без голоса
Ладно по струнам снует
Этот вывих певучий, скрипучее стихотворенье,

Так вот в мире большом
Всякий малый по-своему прав,
Без боязни ветрам отдавая дыхания звуки,
Бескорыстно вплетая слова в песнопения трав,
Ни обиды не ведая,
Ни самозванства докуки.

Так бы вечно дышать
Под просторами отчих небес,
Где цветные луга необманным лепечут приветом,

Да еще за холмом
Веет речью древлянскую лес —
Родниковой водой и крушинным листом
разогретым.

КОНЕЦ АВГУСТА

Вот и астры дед принес с базара —
Белые, лиловые цветы.
Вот и время редкостного дара —
Раненной под сердце красоты.

Вот и отблеск раннего ущерба,
Верный знак,
Что август обречен,
Затаенно стынувшего нерва
Еле-еле уловимый звон...

Стали мы на лето смертней за ночь,
Летний воздух вытек из горсти...
Тихий деда мой,
Иван Иваныч,
Не грусти, мой старый, не грусти!

Ты не мни в руках лозу корзинки...
Разве ж новость — этот скорый суд?
Завтра снова
Сходим, деда, к рынку —
Там сверкают склянки, миски, крынки,
Там июльский шпажник продают!

РОЩА

Тот август — наш,
Где молодость и ветер

Смеются, обнимаясь на бегу,
Где дремлет академик Кёппен Петер
Под хвоей на высоком берегу...

Скорей —
Над крымской рошей кипарисной
Стремительно темнеют небеса,
И светляково, ласково-капризно,
Сияют твои юные глаза.

Скорей —
Пока полмесяца не встало
Из-за турецкой пристальной воды,
Укроем встречи тайное начало
От синей мусульманской бороды.

И над щербатой ветхою плитой,
Над тем, кто эту рощу посадил,
Кто побережье Рейна золотое
На терпкий караимский Крым сменил,

Над прахом обрусевшим и сановным —
Скорей —
Родимся и умрем опять,
И возвратим себя друг другу снова,
Пока луне не время засиять.

Скорей —
Дурманной хвое кипарисной
Так внятна правда неустанных тел...
А чинный дух...
Да вспомнит он о жизни,
Когда с тоски на Рейн не улетел.

Как вырваться за грань того, что было,
Как вырваться за грань того, что есть?
Ничто не внятно,
И ничто не мило,
Ничто не будит выцветшую честь...

Кто привечал смиреннейшее время,
Кто с ним пивал замусоренный чай,
Тот не поймал на вянущее темя
Ни яблока, ни терний невзначай...

Но больно — с вопрошающей душою —
Ей не понять,
В каком таком хмелю
Ее живое золото большое
Рассыпано по жалкому рублю...

Она опять, иронии не слыша,
Все рвется ввысь —
К огням над головой.
Все горче зов, изломанней и выше —
Навек остаться звездной и живой...

Видится Бунин, сухой и прямой, —
Странника трость благородного дерева,
Та, что орешником тонким хотела бы
Хоть на весну
Воротиться домой...

НЕГАТИВ

Ночное небо.
Нечто в нем,
Крамольно близкое, таится...
Так взятый в руки Дантов том
Зияет бездной за страницей...

И снова, с кем-то взгляд скрестив,
Впиваюсь в огненные знаки —
В небесно-звездный негатив
Пробитой буквами бумаги.

И не разъять любовь и страх.
В упор
Сквозь линзу синей стужи
Гляжу до судорог в глазах
В огнисто-аспидную душу.

ТРИДЦАТИЛЕТЬЕ

И это не печаль
И не веселость —
Я просто знаю осень наизусть,
Где яблоко, сорвавшись,
Наколосось
На иглистый шиповниковый куст.

И пусть я вижу,
Как плоды и дети
Окрепши...
Пусть пора тепла прошла —
Звенит,
В густых вихрах тридцатилетья
Запутавшись,
Осенняя пчела...

Бессмертным слыть,
Любимым быть...
Кто не желал в душе признанья?
Но есть иное —
Выше! — званье:
Земное назначенье — жить!

Есть гордость —
В самом смутном часе
Упорство духа ощущать,
И в тверди стен прочесть печать
Священной, чем в иконостасе.

О всех отличий барьши!
Лишь тень вы грозного мгновенья,
Когда пылают в столкновенье
Стихии неба и души.

БОР

Я там, где иволги снуют,
Где знойно вызревают сосны
И вертикально и соосно
Стволами звонко в небо бьют.

Какая дерзкая мечта
Дана деревьям, людям, птицам —
Отвека к истине стремится,
Чье имя — высь и красота!

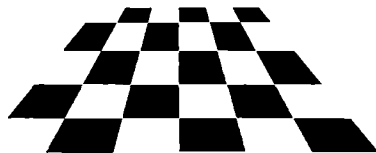
И там, где иволги свистят,
Где сосны яро вертикальны,
Я вновь, счастливо и опально,
Брожу, как год и век назад.

И снова чую вещий зов
Гудящего на воле леса —
Взлет одолевших силу веса
Солнцестремительных стволов.

Какие сильные черты
Даны деревьям, людям, птицам —
На высоте Земли родиться
Во имя новой высоты...



Из книги
"Митовник, сто сердец дарящий"
(1990)



НЕИЗБЫВНАЯ СТАЯ

ВО ЗДРАВЬЕ

(Вступление к поэме)

*Итак, молитесь Господина жатвы,
чтобы выслал делателей на жатву свою.
(Матфей 9:38)*

Я верю в Дух,
И в Сына, и в Отца,
Поскольку существо их человечно.
Нет, мне раздумье не сотрут с лица
Десятилетия властности заплечной.

Нет, книжность Ярослава не сомнут
Столетия бесправья и страданья.
Я верую, как прежде, в твердый труд,
В соленое упорство созиданья.

У жизни сатанинское чутье
И ангельски-мужицкое терпенье...
Пространство светло-русое мое
Достойно и любви, и возрожденья!

С надеждою и болью, Русь моя,
Я соль и пыль со щек твоих стираю.
Темны твои овражные края,
Но свет твоих холмов не знает края...

И новый Сергей в Радонеж войдет,
И сызнова узнает мир Рублева,
И, выплатив сполна безумью счет,
Народ мой Слово в Дело облечет!
И крылья Троицы
Окликнут это Слово...

ОТРЫВКИ ХРОНИКИ

Оглянись в повоенное время —
Там над полусожженной землею
Прорастает репейное семя,
Рвется-силится встать над собою.

Там, в отечестве скудного хлеба,
Искалеченных ясеней руки
Тянут пальцы к правительству неба
У железнодорожной излуки.

Там облезлая сивая лошадь
Тащит фуру с собачьею будкой,
Оглашая базарную площадь
Нотой гибели —
Воющей, жуткой...

Там, ухмылками наглы и юрки,
Матерщинным хрипя перебором,
Пиво хлещут отпетые урки
Под зловонным базарным забором.

Как их бесовы пасти хохочут
Над слезами предсмертного плача!.. —
Значит, живы и Каин, и кочет,
Значит бодр и Лаврентий, тем паче,

Значит, правит Иосиф всеправный,
Свою липкую славу лелея
И атлас простилая кровавый
К занемевшей груди Мавзолея...

Его серые губы смеются,
Под табачными прячься усами,
Его пальцы в суставах не гнутся,
Мировыми играя часами.

Ссохлись кущи, затинились реки,
И хрипят пневмонийные груди.
И ложатся в суглинок навеки
Победившие
Русские люди...

Катит полночь скрипучею фурой
Через долгую черную площадь,
И, дрожа верноподданной шкурой,
Жилы рвет бессловесная лошадь...

Оглянись в молчаливое время,
Где лишь радио — с пеной у зева...
Въелось насмерть когтистое семя
В полкраюхи лихого посева,

Въелось семя родящее в память. —
Пьет ее,
К небесам прорастая.
И летит сквозь колючую заметь
Птиц-имен
Неизбывная стая...

ТЕРНА БРАТ

Сплетаясь с дикой яблоневою веткой,
Шиповник августовский заалел...
Не донесли затерянные предки
До дней моих
Надел свой и удел.

Не завещали самобранной шашки,
И свитка уплыла в густой пыли,
И сквозь соцветья вышитой рубашки
Татарники лихие проросли.

Остался только зов тягучей крови,
Ни разу вслух не названный завет...
Искристо-золотой сквозняк в полове,
На сваленном кресте
Разбойный след...

И у холма терновый дым когтистый,
Да терна брат —
Колючий хрусткий куст,
Алеющий то бусиной мониста,
То каплей крови
Из казацких уст...

ПРИ ДОРОГЕ

В 33-м году на икону
Положили, младенца, тебя
И у шляха полынном лону
Возвратили...
Уже не скорбя...

Ибо мать и сестра не вставали,
Батьку в глину снесли,
За овраг...
И все хаты давно порубали
На баланду костлявых собак.

Положили тебя в придорожье
В слобожанской соленой пыли,
Чтобы Бог
И случайный прохожий
Над тобою склониться могли.

Чтоб седая душа Украины
Над тобой зарыдала на миг,
Неповинно казненному сыну
Заглянув в нерассказанный лик...

Средь полыни-травы
Богоматерь
Постелили тебе в головах,
Отчий шлях — самобранную скатерть,
Горький шлях — ветром веянный прах...

Небом правишь ли, кривда земная?..
Средь степи
В людоедском году
Смотрит слепо Мария немая...
Поднимаю, дитя, поднимаю.
И по веку глухому иду...

ДОПОТОПНАЯ ПЕСНЯ

Левкоев дух.
Мышей летучих
Изломанный бесшумный лет.
За лесом Ной сплетает плот
Под синим взором звезд колючих.

И я сплетаю стебли роз,
Шиповниковых диких веток, —
То к краю леса напоследок
Вязанки песен я принес...

Мой плот — венок лесных цветов —
От поднебесного потопа
Не защитит...
Погибнем оба —
Всевышний зорек и суров.

Жаль мига жизни,
Жаль, не скрою...
Но песня — вечности оплот.

Кто выбран петь, подобен Ною,
Который избран строить плот.

Смерть неминуема? Так что ж?...
Жизнь —
Неизбежней, неизбежней!
В ней всякий миг живей, чем прежний,
И каждый возраст в ней хорош.

Так странно, так понятно мне —
Душа с годами все моложе.
И зорче взор ее, и строже,
И в каждом дне —
Родник на дне.

Магеллановы гуси над миром летят,
Черно-белые звонкие птицы.
Сильным крыльям четыре столетия подряд
В неустанном полете не спится.

Неусыпны их очи над скальной землей,
Над тугим ледяным океаном.
Неподкупною стаей
Летят надо мной,
Над Россией, над Афганистаном.

Все опасней, все круче планета круга
Со времен Магеллановых странствий,
И все множатся блики — удары крыла
В неразрывном едином пространстве.

Все тревожней и резче над нами кричат
Дальнозоркие вещие птицы —
Если срублен железом под Киевом сад,
В Скандинавии смерч разразится...

Если гильзы чадят средь афганских камней
Под Гератом и под Кандагаром,
Значит краткие жизни днепровских парней
Пропадают,
Сгорают задаром...

А к нему,
Кто вернулся без ног до колен,
Кто в глаза смотрит ранено-зыбко,
Как прорвусь через сеть перекрученных вен
Со словами, что вышла ошибка?..

Не вернуть двадцать тысяч убитых солдат,
Не возвысить сусальным обманом...
Кругосветные вестники с плачем летят
Над Союзом, над Афганистаном.

И надгробные звезды
В оградах молчат
На земле без огня, без алтына.
Помертвевший отец
За ночь вырубил сад,
Что посажен в рождение сына...

И снова глянет на меня
То утро солнечно и резко,
Где ветер плещет занавеской —
Льяною гривою коня,

Где, босиком вскочив в седло,
Взлетев на белый подоконник,
Девятилетний беззаконник
Рванется дерзко и светло

За дальний шлях...
И ни за грош
Летит над красной мальвой сада
И над песчаником ограды.
А как летит — и не поймешь...

Поди в траве его найди...
А смотришь — к вечеру вернулся,
К молочной кружке носом ткнулся.
И гладит бабка по шерсти,
И выцветшей лазури бусы
Вздыхают тихо на груди...

ВЕЧЕРА КУПАЛЫ

Вот подстаканник опять зазвенел —
Вьются в металле зубчатые листья
И виноградные тучные кисти —
Переплетенье растительных тел...

Вот и опять тридцать лет над тобой
Память ладонью намыленной смыла.
В кронах вздохнуло, загомонило,
Тридцать смертей отменяя,
Листвой.

Снова сквозь сад темно-синий идешь,
Внука в махровом несешь полотенце.
В сердце стучит
Шестилетнее сердце...
Ярок небесный над яблоней ковш.

В эти Купалы-Петра
Вечера
Нет и полмысли еще о разлуке —
Все еще в силе работные руки,
Для казака шестьдесят — не пора.

Веет от вишен смолою литой,
Пахнет заваркой с веранды огнистой.
Экий ты, деда, большой да плечистый,
Щедрый
Чуть хмурой своей добротой...

Слышишь,
Осталось от дюжей руки,
От светлякового сада пространства
То сокровенных минут постоянство,
Что не рассыпать уже на куски.

Чуешь,
Не глина в очах, не песок —
Тридцать погибелей враз отмечаешь,
Ломтики яблок в стакан нарезаешь,
В золотобокий крутой кипяток.

О Хронос и Харон, хрипучие прозвания...
Безрадостной реки холодная вода.
Гребец глухонемой приходит на свиданье —
И лодка, и весло
Готовы для труда.

Старательный Харон,
Могильщик неприветный,
С карающим веслом в натруженных руках...

А яркий махаон
И парусник стоцветный
Остались на других, зеленых берегах...

Там белое весло и лодка голубая,
На жарком берегу вовсю цветет паслен.
Прощаясь дрожью крыл,
Над нами пролетая,
Так долго машет вслед
Искристый махаон...

ЗАВЕТ

Земля угрюмых великанов,
Страна растерзанных дорог!
Из горьких глин твоих курганов
Слепил меня
Твой грозный Бог.

От тетивы степного лука
Дарил долготерпенье жил
И тягостную плавность звука
В гортань горячую вложил.

Он дал мне кряжистые плечи
И стать, широкую в кости,
Чтобы камни кривды человеческой
Я мог без жалобы нести.

Он жаловал мне резвость волчью,
Неутомимый жадный ход,
И выучил —
Татарской ночью
Искать чутьем безлунный брод.

И Он в душе моей тревожной
Оставил слез твоих печать,

Чтоб и в булыжной тьме острожной
Не разучился я прощать...

И напоследок,
На дорогу,
Перекрестив от бесных вил,
Велел сурово у порога,
Чтоб одного я не забыл:

Как неуступчиво, как трудно
Болезнь Отчизной предстоит,
Чтоб искупленье
Неподсудно
Зажечь средь горестных планид...

Почти наивно —
Говорить
О сокровенном откровенно...
И суть лишь в том,
Чтоб неизменно
Самим собой при этом быть.

Почти что глупо —
Доверять
Судьбы сердцебиенье слову...
И смысла нету здесь иного,
Как лишь посметь собою стать.

АРСЕНИЮ ТАРКОВСКОМУ

I
Цветным, певучим
Праотцовским краем,

Бродяжьей отвагою музык,
Судьбой и книгой, где неиссякаем
В крылатой силе кровный наш язык,
Вы истинны...

Мой звездочет и лирник,
Все чудится смородинная ночь,
Григорий-странник,
Царственный эмпирик,
Слепому миру избранный помочь...

И шлях уснул, и спит громада воза,
Костром и солью пахнут чумаки,
А в сердце так остра Плеяд заноза!
Да нету, чтоб достать ее, руки.

И над клейменным звездопадной искрой
Вселенная склоненная светла,
И небом,
Как ладонью материнской,
Касается сыновьего чела...

II

Полынь горчила,
На ветру роптали
Сеченные копытом ковыли,
И плугу крылья синие ковали,
А стрелам клюв острили ковали.

Я вас люблю, космическое сердце
И юные июньские века,
Вас, жаркий горн и уголь страстотерпца,
И кованая, как стрела, строка...

ДЕРЕВЬЯ СРЕДЬ КАМНЕЙ

К ЖИЗНИ

Дай мне нежную дочь
И сильных сынов,
Дай живых мне,
Нежных и сильных стихов,
Дай небесных ливней
Напиться всласть.
Дай в далеком году
В одночасье пасть...

И оставь себе, жизнь,
Дочь мою и сынов,
В струнах строчек
Несколько вещей снов
И мальчишечью жажду
Последнего дня...
Нужно ль больше мне
Или от меня?..

ДВОР ПО УТРАМ

Вдруг, словно кровь мне отворило,
Толкнет, всплеснется в жилах сила,
И в будке ржавой спрячет сор
До крыш залитый солнцем двор.

Смеются у подъезда дети,
Омегой и альфой метя
И пряча листья сентября
Под переплетом словаря.

В пальто до пят и в камилавке,
Яга разнежилась на лавке —
Ей странный голос молодой
Оставлен сгорбленной судьбой...

А ты, душа, за сизарями,
При взмахе перышко теряя,
Взлетаешь к небу — на карниз,
И все в тебе — и сор, и высь.

И ты не ищешь отсебятин:
От известковых голубятен,
От ярких утренних дворов —
Не перечеть живых даров!

Взлетай...
Настанут кои лета,
И станут нестрашны приметы,
Когда затасканный хитон
Напялит ревностный Харон.

Всю ночь во тьме плакучей птицей
Над Летой злою
Тень кружится.
А утром, ярким, как и встарь,
Опять влетит во двор почтарь...

На улице Пушкинской водоворотом торговля:
Лотки из досок, кутерьма огурца-помидора.
И это похоже на некую рыбную ловлю,
Где каждый берет, что клюет — без каприза-разбора.

На улице Пушкинской — улице бывшей Немцкой —
Студентки, сбежавшие с лекций, в упор волооки.

И отсветом зыбким от утренней казни стрелецкой
Чернеют их волосы и розовеют их щеки.

На улице тесной извечно копают чего-то,
Асфальты лениво и рельсы занудно меняют —
На улице Пушкина так бестолкова работа,
Как лишь на Руси бестолкова работа бывает.

И все же я чую времен и пространств сопряжение,
Когда через Пушку бегу ежедневно на службу,
Когда ударяет мне в грудь атомарность движенья
И дарит свою суматошную бодрую дружбу...

Еще я люблю эту чуть кособокую Пушку,
Крещенную летнею пылью и зимней водою,
За то, что когда меня спишут в утреску-усушку,
Она будет той же — цветистою и молодою.

Она не иссякнет — трех станций метро будет мало
Бегущим к прилавкам-лоткам, к коммунальным
жилищам...

Лишь храм Усечения главы Иоанна Купалы
Останется кротким над старым снесенным
кладбищем.

Быть может, лишь там, где истертые дряхлые
святцы
Листают в прохладе рукой восковою костляво,
Два звука шагов моих начисто не испарятся,
Два звука, парящие — слева от входа и справа...

А с этой дороги, растоптанной и многоцветной,
А с улицы Пушкинской, нами исхоженной вволю,
Сотрутся следы мои вмиг беготнею победной —
Развеется след, только я не почувствую боли...

А только б хотелось, чтоб, встретясь в подземном
вокзале

Иль там, наверху — на лазурной небесной опушке,
Две наших души, как и прежде, друг другу сказали:
“Увидимся в восемь — у нашей кофейни на
Пушке...”

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Ливень тысячью маленьких лиц
Отсверкал,
Вдохновеньем пронизан.
На асфальте под мокрым карнизом
Скорлупа голубиных яиц.

Значит, выпрямят вскоре крыло
Те птенцы, что проклюнулись к грозам...
Треугольным каштановым розам
После ливня до дрожи светло.

Как легко им от тяжких росин
Этим белым причудам каштана,
Что с блестящей листвы на сметанный,
На молочный глядят магазин!

Отворим же стеклянную дверь,
Ибо дождь громогласный отходчив,
Поспешим из укрытья молочной
В тот июнь,
Где так ярко теперь,

Где твои после ливня уста
Озаряются юной улыбкой,
Откликаясь на солнечно-зыбкий
Переплеск грозового листа...

МОРОЖЕНЩИК

Жара.

Ну, не было бы рифм...

Но в сонном знойном колыханье

Увязли напрочь — хоть умри —

Всех слов биенье и дыханье.

Но на скрещенье двух дорог,

Как будто вызвонив побудку,

Пугнув кругами гиблый смог,

Прохладно отворилась будка.

Здесь жаркий лоб мой охладил

Мороженщик Мафусаил,

Лелея вечную слезу

На перламутровом носу.

Он, склеротической рукой

Взмахнув средь городов и весей,

Серебряный товарец свой

Подбросил гирькой равновесья

На атомарные весы....

И вот на уровне молекул

Опять затикали часы

И вновь запел рояль-калека.

Судьба не дарит скипетр,

Но —

Заметь, как на него похоже

Мафусаила эскимо.

И да поможет, да поможет...

ТЕТРАДЬ

Ты снова узник вязкой ночи,

И губ не корчь —

Не угадать,
Казнь или жизнь тебе пророчит
Под аспидным крылом тетрадь.

И вот
Взмахнет страницей чистой —
И зноем лоб овеет твой,
Как черный угольщик Мефисто
Подкладкой алой плащевой.

И взмах другой...
В подкрылье белом -
Прохлада спекшимся губам,
Роса ресницам обгорелым,
Перо рукам...

Мне муторно с недобрыми людьми.
Я весь мой век не в силах ладить с ними.
Что толку называть лихое имя
Да звать Фемиду с пышными грудьми?..

У тетушки повязка на глазах.
А голос лихоимца плавно-сладок.
Во всех бумагах у него порядок
И нет остатков пищи на усах.

И очень часто он в крутых чинах,
Которые взывают о почтенье...
О прочем же — возможны разночтения
В иных пространствах,
В разных временах...

И, стало быть, — живи, забудь про дурь,
И жалуй шельмеца ежеминутно...

А если на душе до рвоты мутно,
Так это, пишут, от магнитных бурь...

Эти выцветшие марки,
Этот в центре зоопарка
С дивной нимфою фонтан!
Педсовета предписанья
И ответные дерзанья,
Не записанные в план...

Это лютое упрямство,
Неэвклидово пространство
Неуклюже быстрых рук;
Книжка в бронзовом тисненье,
Где трубящего оленя
Горловой упрятан звук...

Этот над страстями Крузо,
Выше крыши и Карузо,
Вопль восторженной души;
И еще с телеэкрана
Не футболят на все страны
В мокрых майках крепыши.

А за линзой с глицерином
Крутят новую картину
Про свинарку с пастухом.
Там средь синих гор Кавказа,
Не споткнувшись аж ни разу,
Скачут соколы верхом!

Лет в 11-12
Ни за что не догадаться
Про планиды поворот...

Только лишь цветные тени —
Рифмованья, сновиденья —
Мечут кубик наперед...

Эти выцветшие марки
И китайский чай-заварку
С краснодарским пополам;
Эти запахи и звуки —
Звоны, шорохи и стуки —
Я забвенью не отдам.

Ибо многое оттуда,
Как весенняя простуда,
Как тисненный переплет,
Не сдалось и не исчезло —
Сохранив коренья, чресла,
Колосится и живет!

ИГРИЩА

Увы, окутал дым учителей -
Насыпал соль в усы, шиньоны, баки...
Но звонки зовы сверстников-друзей,
Их сговоры дворовые и драки.

Сидячие притворства позабыв,
Исполненные протокольных бдений,
Доныне чую
Гончих ног порыв,
В укусах йода сбитые колени.

О, частый пульс футбольного мяча,
О, игрища, сродни высокой драме!
Вопящий: "Мимо!" Шура Каланча,
Облитый неподдельными слезами...

О, тонких ног мажорная возня,
И точностью, и остротою паса
Гармонии
Учившая меня
Задолго до октав Торквато Тассо!

Там был в цене вольнолюбивый нрав,
А робкий духом не был там в почете,
И, кто был прав, а кто чуть меньше прав,
Почти бесспорно отражалось в счете...

Усталые наставники мои,
Ваш синус регулярно повторяя,
Душой я там,
Где вольные бои, -
В вечнозеленом, безнадзорном крае!

Закатный час...
Никто ему не ровня
В соединенье неба и души...
Сквозь мертвые глазницы колокольни
Снуют юноголосые стрижи.

Закатный свет сквозь гулкие проемы,
Где в потолке
Лишь голые крюки,
Струит, струит раздумье окоема —
Умолкшие столетий языки.

Струит чуть слышно отзвуки наречий,
Что с конными и пешими прошли
Вдоль этой зоркой памятной речки,
Над мятым подорожником в пыли...

Не говори, что ни полслова нету,
Что скифская разрублена гортань
И что сармата-кровника заветы
Не упадут косым лучом на длань...

Не говори, что ни ползвука нету
От бронзовых, от медных языков:
Заката час — стрижиный голос лета —
Царит над оскудением крюков...

Молчи,
Гляди, какая высь и нега —
Извечных птиц привольнейший бросок
Сквозь эти окна на все страны неба —
На север, юг,
На запад, на восток...

Охалка белых астр в стеклянной вазе,
И ворох книг потертых на столе,
Вы знаете о полуночном часе,
Когда бывшее кажется светлей,

Когда со мной из дней ушедших други,
Безмолвно возгораясь,
Говорят...
И лист бумажный слепо глядят руки,
Как лист кленовый
В давний листопад...

Люби меня,
Пусть я и не достоин
Твоей русоволосой красоты.

Я не спасу.
И стать другим не волен,
Но стать вольна моим спасеньем ты.

Прости мне вековечность заблуждений,
Прости всю неуступчивость мою —
Гордыня,
Самовластный нищий гений,
Подавится и яблоком в раю...

Звени мне ворожбою золотистой,
Мой хрупкий ангел
С гибелью в очах.
Не нам с железным взором атеиста
Соломенный выстраивать очаг,

Не нам копить холодные монеты
На сретение порченных родов...
Люби — не будет лучшего совета
На стенах все познавших городов.

Сквози мне тягой позабытых магий,
Зови скорее неба оборот —
Придет и май,
За свалкою в овраге
Для нас колючий терен зацветет,

И за три дня набухнут рек затоки
Лягушечьей и щучьею икрой...
Да не прервутся между нами токи,
Искрящие от первородных Трой!

Да повезет бессильной нашей власти —
Оставить средь травы цветок огня...
Зови меня, зови глубинней страсти,
Люби —
И, судит Бог, спасешь меня...

Где улыбалась ты? Где мы встречались
В то загорелое звонкое лето?
Был зоопарк, как усадьбы участок
При небоскребе университета.

Там, на задворках ученого зданья,
Негородские овражисты чаши,
Клики зверей, летунов щебетанье —
Млекопитающи, животворящи!

В сонном пруду лебедей изобилье,
Тусклое золото мелочи рыбьей.
Шатким мостком мы овраг проходили,
Заполоненный смородинной зыбью...

Ласковоглазое юное лето
Птицей мелькнуло, не в силах вернуться,
Только в чащобах смородинных где-то
Те же пичуги, что раньше, смеются.

Если случится, сбегу я от будней
К тропам, где ты улыбалась когда-то, —
Пусто...
У редких кондитерских будок
Лишь школяры да в отгуле солдаты.

Вспомню — покажется тоньше и чище
Монстр носорожий — свояченик зебры —
В серых не чищенных век сапожищах,
В лобных натеках воинственной лепры...

Ты молода и странно хороша,
Ты
Вспыхнула мне искрой в Вифлееме...
Но вот уже не стоит ни гроша
Звонящих клятв мятущееся время.

Там, на золе уставшего огня,
То ящерицы греются, то змеи...
Наверное, ты не простишь меня.
Но, слава Богу,
Я прощать умею.

СТАРАЯ КОНУРА

Пел ветер — очи с поволокой —
Качался в ветках бузины,
И хмель бузинный кособокий
Глотал из влажной глубины.

И затопила дни апреля
Волной встающая теплынь,
Стволы сквозь кожу зеленели,
И вдоль ветвей сочилась синь.

И меж стеклом и ставней дачи,
Проснувшись,
Трепетал мотыль.
И в круге конуры собачьей
Роилась солнечная пыль.

Был заселен скрипучий ящик,
Ледащий, траченный паршой,
Бездомной чьей-то,
Немудрящей,
Но вдрызг лучистою душой...

ОСЕННИЕ ИГРЫ

Клекот дворовых команчей
В желтых листьях дрожал.
Что ж ты в окне, мой мальчик,
Скрипку к плечу прижал?

Тополь пылал у школы
За отворенным окном...
То ли грустит виола
Под паутинным смычком?

То ли звучит, витая,
Кроткий клavier листвы,
В нотах далекой стаи
Звукопись синевы?..

То ли теплыню с улиц
Музыка и судьба
Длинных ресниц коснулись,
Ясного детского лба?

Клич за двором все выше —
Песнь могикан остра.
Скажут глаза неслышно:
“Осень — моя сестра...”

Племя промчится лихо,
Словно по кромке ножа.
Выдохнут губы тихо:
“Скрипка — моя душа...”

ИЗ ОКНА НА ТРЕТЬЕМ ЭТАЖЕ

Солнце, ноябрь.
Из натопленных горниц
В кроны раздетые глянув

Чуть вниз,
Встретишь на ветках
Лишь пепельность горлиц
Да травяной колокольчик синиц.

Зябкое солнце
Осенних морозов,
Вязы светлей
Без опавших одежд —
В них и пронзительной ясности проза,
И неутраченность
Рифм и надежд.

Трепет молчанья,
Сменившего гомон,
Крыльев студеного воздуха взмах...
С тонким колечком
Озябшее горло —
Нежная горлица
В голых ветвях...

АЙВА

Веет зимою.
Ненастная осень
Клены полощет шершавым дождем.
Купим айвы и про сдачу не спросим —
С дюжиной солнц холода переждем.

Пахнет айвой.
Растекается запах
Летней, упругой, плодовой крови,
Тихо крадется на лиственных лапах,
Призрак тепла окликаая: "Живи!"

Воздух жилища вплетается зыбко
В пряную дрожь золотой бечевы.

Веткою плещет,
Зеленою, гибкой,
Лист, прилепившийся к боку айвы...

ЗИМНЯЯ ТОРГОВЛЯ

Вечерний город холодом пропах,
А все же на углу —
Почти задаром —
Толстуха с дымной "Примою" в зубах
Торгует мандариновым товаром.

И светят из промозглой темноты,
Где стынет и психует продавщица,
Округлые румяные плоды,
Наивные приветливые лица.

А в низкой арке,
Где ценитель вин
Толкует сипло о футбольном классе,
Горит в тарелке лампа-мандарин,
Тоскуя о лазурности Абхазий...

Уже грачи гортанно стонут,
И трелью трубчатой скворцы
Зовут из приземленных комнат
К паренью листьев и пыльцы.

Уже грачи кряхтят гортанно,
Латая хворостом гнездо,
И желтый скворчий клюв трехгранно
Остервенел на верхнем до.

О, крыльев свадебные взмахи
И призенная дрожь пера,
Сирени влажные рубахи,
Свеженадетые с утра,

О, переулкa хмель зеленый,
Киноафиш ковбойский бред...
И отроческий взор,
Влюбленный
В лазурный, — в пятый ряд, — билет...

КОЛЕСО ИЛИ СТРЕМЯ

БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ БАЗАР В ХАРЬКОВЕ

Еще и в октябре цементные прилавки,
Торговые ряды с названием Благбаз,
Не гасят колера воскресной ранней давки
И хмелем бьют в ноздрю,
И цветом брызжут в глаз.

И в сини октября приезжие казахи,
На выбритые лбы надвинув малахай,
Бараньи кожухи набросив на рубахи,
Улыбками зовут в плодоносящий рай.

Они забыли вкус ордынского булата,
Но степью и конем всё веют за версту...
Их яблоки крепки, как зубы азиата,
Округло золоты, как груди жен Бату.

Где яблоки свежи, как воздух Алатао,
И льдистою водой до хруста вспоены,

Там, за снегами гор, большие земли Мао
О рисовых пирах большие видят сны...

Но до Алма-Аты еще с полмира поле —
В железе Жезказган,
В угле Караганда,
И, словно красный внук золотой ордынской воли,
На желтой Сыр-Дарье дымится Кызыл-Орда.

И вновь стада кобыл, носительниц кумыса,
Пылят...
И пыль сладка кочующей душе.
Промчат они Джамбул, ворота в стан киргиза,
Проскачут Мынарал на рвотном Балхаше.

И вот, когда табун к подножью Алатау
Примчится, раскалясь тюльпанами ноздрей,
Обобранных садов пожухлые заставы
Вернут меня опять на рынок в октябре...

Здесь снова я стою у россыпи прилавка,
За миг промчась зрачком по смуглым временам,
И вновь к стене ларька худая жметесь шавка,
Улыбкою прикрыв бездомной доли срам.

Здесь снова тминный дух и хруст соленых кадок,
И от капустных куч уже кряхтит земля,
И перец то пекуч, то крупно-ал и сладок,
И кипень хризантем — за штуку два рубля.

Бурлит-кипит Благбаз и торжище справляет,
Все радужней его залапанный кристалл!
И бойкий инвалид коляской щеголяет
Из трех велоколес и двух автозеркал...

И тут же над хурмой кавказца взор орлиный,
Иссиня-огневою, отважно-хитрый глаз.

И впору поспешать из Азии полынной
Туда, где скромненько вширь,
Но славен ввысь Кавказ...

Сельский двор,
Полный солнечных бликов,
Твои колеры так лихи —
Красногивы средь желтых тыков
Темно-рыжие петухи.

Дым над крышей...
Как дым отлетели
Времена...
Не научит родня
Длинным песням на ветхой свирели
Отбеленного ветром плетня.

БЕССЛОВЕСНЫЕ

А когда судьба посмотрит хмуро,
Из-под крыши к лугу убегу —
Помолчать с кобылою каурой,
Что жуёт траву на берегу.

Возвращусь — и белою приметой
К небу вспрянет аист с колеса,
Ляжет умный пес у табурета
И посмотрит преданно в глаза...

Отчего-то верил я с мальчишек —
Как бы не царапала беда —
В то, что на земле добра излишек
Каждому найдется и всегда.

Ибо у живой земли в запасе —
Сколько мы ни злись и ни греши —
Лучшая из лучших ипостасей
Трудной человеческой души...

То ли терпеливый ум работы
Знают корни злаков и берез,
То ль нутром мальчишечью заботу
Крепко помнит ясноглазый пес.

Но когда нам в смуте, в непокое
Други бессловесные близки,
Это наше, истинно людское,
Смотрит нам доверчиво в зрачки...

Раковинами и книгами
Дом мой заполнен.
Русоволосыми играми
Детство ведет в полон.

Ветхой шурша обложкою,
Дом открывает дверь.
Бабушка, сказ хороший мой,
Невоскресимый теперь...

Глаз твоих вечны истины,
Руки сухие легки.
Два наших имени — искренние,
Радостные стихи.

Жду. Если доброй тенью
Вздогнет притихший сад,
Три на веранду ступени
Все же не заскрипят.

С глянца ракушек мраморных
Пыль не сотрет рука.
Мертв, заблудясь меж рамами,
Хрупкий огонь мотылька...

Квохчет обыденно курица,
Влажно черна, как погост,
Грядка... Твои настурции —
Капли пронзительных слез.

Бьюсь. Ошибаюсь мерою...
Громок ли голос мой, тих —
Верю в судьбу, ибо верую
В твой первозданный стих.

Иволга лимонная живет
Средь индейских сосен краснокожих,
И туда ее бесшумен лет,
Где озерный камышовый ковшик,

Где прогретым водам мошкара
Крыльями вызванивает игры...
Летних дней медвяная пора,
Медь коры,
Теплы и терпки иглы.

Крепость солнца с алкоголем хвой —
Полдней зверобойные настои...
Иволга соломенная, спой
Про свои ковровые покои.

ЛЕСНИЧЕСТВО

Из ледовитых полнолуний,
Из зимних вырвавшись тенет,
Средь юной зелени июня
Тропа песчаная мелькнет.

Блеснет и побежит на север,
Где ночи бледные нежны,
Где леший — чудской хмари деверь —
Точает лодку из сосны,

Где водит кряква за собою
Семерку дымчатых комков
Вдоль неизвестных громобою
Озерных чутких берегов,

Где зреют вековухи-рыбы,
На илистом качаясь дне,
И валунов крутые глыбы
Молчат о мамонтовом дне...

Лесник пахучих стружек горстку
Смахнет корявою рукой...
И вплоть до Пскова, до Изборска
Чащобный лапчатый покой...

Казань,
Морозная Казань —
Корицей из пекарни тянет,
И стылый воздух ноздри ранит,
И конь-битюг дрожит, как лань.

И все же целый день брожу
Среди кремлевских снежных башен,

Где шпиль вороною украшен
И где в сугробах тонет шум.

Какая лютая зима!
И волжский лед тяжел до стога.
Сквозь стужу
Алым сердцем трона
Просвечивают терема.

ПОДМОСКОВЬЕ

Горит рябиновою чаркой
Крутое чрево снегира
Сквозь ярко-белый,
Сине-яркий
Ядреный воздух января.

Сквозь опушенных веток сети,
Сквозь их березовую вязь
Глядят три луковки, как дети,
Под колокольной золотясь.

Ледышка-электричка катит
Равниной снежною к Твери.
Моргает вслед
Седой, как прадед,
Кассир с платформы "Снегири"...

СУЗДАЛЬ

Когда июль пойдет на убыль,
Откроет взору вещий Суздаль
Пустынных храмов белизну.
И монастырские покои
Над обмелевшею рекою
Беду припомнят и вину.

А в древнем переплеске "Суздаль"
Аукнется
Осляби удаль
И даль, и лента синих уз,
И приозерный ветер свежий,
И жаркой печени медвежьей
Дымящийся багровый кус...

Пахнёт рудой болотных копей,
Смолеными шестами копий,
Блеснет сосною коновязь...
И бусурманы твякнут стрелы,
И, от раздоров почернелый,
Падет под стремя мертвый князь...

И снова, снова ночь настанет,
И поперек гортани встанет
Обломок ханского ножа.
Старо ордынское преданье
О межусобном зле-обмане,
Да глубоко легла межа...

И минет месяц-долгожитель
Спасо-Евфимьеву обитель,
Слетит на купол Рождества.
Здесь, за белеными стенами,
Кровавыми хворают снами
Века, лишённые родства...

Сгустясь, навевает сумрак усталь,
Качнет на синих шлемах Суздаль
Созвездий кованую сеть.
Здесь, средь осин, — помину место...
Сюда душа придет невестой,
Здесь ей вовек не умереть...

НОЧНАЯ ПРОСЕКА

Если бы лунный надкушенный грош
Не укатился за озеро крыжня,
Если бы Старой Медведицы ковш
Не зацепился за сосны неслышно,

Если б над просекой крылья совы
Не заматались в разбойничьем мраке,
Жутко касаясь пером головы
Рядом со мною бегущей собаки,

Если б не это бродяжество в ночь
Вместе с ледащей дворнягой Дунаем,
Если б не тени разлапистых порчъ,
Что на рассвете едва ль замечаем...

Чур меня!
Я и не знал бы о том,
Как ясноглазы огни-домочадцы,
Как хорошо — в человеческий дом
Из темноты
Наконец постучаться...

Бывает день — обычный и счастливый.
Потом он в нас предчувствием живет.
Тот день, когда лиловой каплей слива
В теплынь травы, ласкаясь, упадет.

Да, просто день,
Когда роняют ветки,
Чуть слышно вскрикнув, под ноги плоды,
Когда на травах в паутиной сетке
Твоих шагов качаются следы.

Обычный день умеет осчастливить,
И перед всем, что омрачило нас,
Касанье трав,
Плодов лиловый ливень
Бывают правы в этот краткий час...

Выносив джинсы от голубизны
До белобрысого, ватного цвета,
Скоро уйдет загорелое лето
Сквозь разогретую пряность сосны.

Отгулеванив на хрустком песке
И на речном округленном теченье,
Лето в иное уйдет измеренье —
Яблоко в сумке,
Душа налегке...

А за рубашкою спрячет тетрадь,
Где неокончены в рифму заметки,
Где меж листьями
Полынная ветка,
Чтоб, через год воротясь,
Дописать...

ГУРЗУФ

Гурзуф, извилистый Гурзуф —
По жилам разогретых улиц
Бежит веков мускатный дух,
Каймою зноя чуть обуглясь.

Раскосый хан отлопотал
Гортанным кликом минарета,

И стал автобусный вокзал
Смешеньем драмы и балета.

Но, если б ты укрыться мог
От чебуречного потопа
За скалы, где лишь птиц свисток
Да под ногами моря ропот, —

Там мишуру отпускников,
Их пестротканый шум скоромный
Сменяет занавес веков
Небесной благостью искомой,

Медведь-гора, склоняясь, пьет,
И взор ее, дремуче старый,
Влюблённо медвежат пасет,
Носящих имя Адалары.

ПОЛДЕНЬ КРЫМА

Белое полдня злато,
Терпкие трели цикад,
Горы цветного агата,
Оцепенев, молчат.

Пряною плотью жаркой
К небу взбегает Крым —
Волны, дельфины, барки
Рябью искрят под ним.

Древней галеры остов,
Юной лазури плеск —
Царственный полуостров,
Дарственная небес.

Солнце всезнаньем люто...
Мудрость вкусив стократ,

Горькую моря цикуту
Пьет златолобый Сократ.

Я солнце страстью ящериц люблю,
Я чую просветленье беспричинно,
Когда июльский зной мне дышит в спину —
Шершаво,
Словно в парус кораблю.

Так славно вить слепого ливня нить,
Соцветья лип сбивая на крапиву.
Душа, душа... — Насквозь солнцелюбива,
И жить не устает, и рвется жить.

А завтра... —
Там другой июль кружит,
Пьяня иные губы без причины.
О, пусть на жаркий камень, знак кончины,
Гибка, быстра, не ведая кручины,
Смарагдовая ящерка взбежит...

ДЕД АНДРЕЙ

Пудовую шишку атласского кедра
Беру за трояк у добытчика-деда.

Нетрезвым смеясь и единственным глазом,
Товар разложил он у белой турбазы.

Как орден небесной атласной подушки,
Изыскана тяжесть атласской игрушки.

Да как же ты взял поднебесную кассу,
Добытчик замшелый и одноглазый?

Не делится Нельсон секретами фирмы,
То что-то мурлычет улыбочиво, мирно,

То снова про бабку-отраву бормочет
И смертью кланяется, что нет уже мочи...

Ну что ж, прибрала она деда Андрея,
Что сизой щетиной дразнил брадобрея,

Остались пары алкоголя и риска,
Торговый пятак под свечой кипариса...

И в зимы страна золотистого дыма
Приходит ко мне из далекого Крыма.

О белая юность, у старой турбазы
Смеешься с разбойником одноглазым...

УТРО ЯСОНА

И Геленджик зеленым глазами
Глядит на розовеющий причал,
И чайки с крючковатыми носами
Колючим южным голосом кричат,

И светят мелом
Сквозь инжира ветви
Проснувшиеся хаты рыбаков,
Вдыхая йод едва просохшей сети,
Соленый привкус греческих веков...

Ясона ради,
Ясной были ради,
Оставив весла, встав во весь росток,

Мой верный кореш, Шурик Андреади,
Орлиным носом смотрит на восток.

Там солнце над горою разгорелось,
Такое же, как тыщу лет назад,
Когда Ясона-морехода смелость
С глубинами венчалась наугад,

Когда смолкала бури панихида,
И поутру,
Вдоль бронзовой руки,
Клевала та же глупая ставрида
На голые блестящие крюки...

Гляди, гребец,
Напарник мой нерослый...
Не ты ли вдоль понтийских берегов
Пронес закваску терпкого упорства,
Кедровый дух смоленого "Арго"?

Яснее, резче
Птичий профиль смуглый
И жилистое юное плечо,
И черных глаз пылающие угли,
С тех пор непотухавшие еще...

АЛЬПИНИСТ

Острый камень — черный Каин...
Тих и мертв снежнейший барс —
Горный ангел Хергиани
Оступился только раз...

Вниз неслоь, на камни, тело.
А душа на полпути
Ввысь рванулась

И взлетела —
Чтобы все-таки взойти...

СИНДБАД

Вечный Синдбад,
Пешеход, мореход,
Рьяный погонщик седого верблюда!
Шалый Меркурий —
Небесный твой код
Над головами оседлого люда.

Был ты наездником злого осла,
Был ты ловцом голубого пассата.
Соль океана,
Пустыни зола
Выели краску на полах халата...

Экая жажда запретных земель,
Страсть, завитая крутою пружиной!
Сжатая,
Будто бы взрывчатый хмель
Синей бутылки всесильного джина.

Очи сливовые, дуги сурьмы...
Что тебе все обещания счастья?
От задубевших ступней до чалмы
Создан Синдбад
Для скитальческой страсти...

Вечный Синдбад,
Мореход, звездочет!
Разве же нет между нами магнита?
Вот мы спешим, как и ты, на восход,
Факел из дюз
Каббалически бьет,
Будто бы чрево бутылки открыто...

ПОХИЩЕННЫЙ РЕЦЕПТ

Тигриные когти и буйвола сердце —
Вот зелье — и старцу, и воину впрок...
Скрипит одряхлевшей обители дверца,
Чьи петли стократ пережили свой срок.

Тигриные зубы да буйвола печень —
Обрывки тибетских похищенных тайн...
Расстрига, бродяга, живуче увечен,
Вспахал костылем Бухару и Китай.

Кремнисты пути деревяшки беспутной.
Семь лет под лохмотьями шалой судьбы
До отчъей обители пасынок блудный
Пергамент хранил — сургучи да гербы.

Тигриные кости и потрох бычачий
Сушить, истолочь, на медах настоять...
Рецепт несравненного толку, тем паче
Что в рваном углу багровеет печать.

Премудрые крысы шуршат среди хлама,
И призрак скрипит дровяною ногой,
И чу! — Колокольчик тибетского храма
Щебечет с акцентом равнинные гаммы —
Звенит под кирпичной келейной дугой...

Только там,
За каймой окоема,
За крутой сумасшедшей чертой,
Дети блудные, будем мы дома —
Под своей неизбежной звездой.

Только там —
Наше взрослое время,

Непокорная наша судьба,
Начиненное порохом семя,
Ойкумена высокого лба...

Но лишь здесь
Голубые улитки,
Истомленная ливнем трава
Оживляют спиральные слитки
Галактического вещества...

Но лишь здесь
Три сосновых ступени
Под босою ногой заскрипят,
И давно отлетевшие тени
Тронут зябкою дрожью колени,
Покачнут вспоминающий сад...

Не понапрасну, не случайно
Душе внимательной дана
Вослед земной исконной тайне
Иная, дальняя —
Без дна.

Как млечно стонут в почве соки —
Земная благость ни за грош —
И бьют от корня в лист высокий,
И к сердцу рвутся от подошв.

Но вновь, сквозь мрак планетной розни,
К аорте луч метнет Сатурн —
И в чуткой лимфе вздрогнут оси
Юпитеровых гулких лун.

Вскипит магнитное железо
В крови кружащейся земной,

И выступают из пореза
Роса и сок
Травы иной.

Не понапрасну, не случайно,
Не сон, не блажь,
Не бред, не срам —
Но дивно, но необычайно,
Но тайно выстроенный храм!

Я помню лето вдохновенья,
Забыв про зимы немоты,
Я знаю власть великой тени
Над своевластьем суеты.

И то, что мне напели ветры,
Не поразвеют в забытье
Зрачок граненый геометра
И рифмы гончее чутье.

Я верно, стал тысячегласен,
И, как листва, тысячелик.
И оттого мне кровно ясен
И юный век,
И век-старик.

Но ближе мне тот возраст строгий,
Когда с дозорной высоты
Я вижу травы вдоль дороги
И в травах звезды и кресты...

Но ближе мне тот трезвый полдень,
Когда с дозорного холма
Мне видится, на что я годен
Отдачей сердца и ума.

И нет во мне самообмана —
Продлись, земная жизнь моя,
Насколько можешь. —
Неустанно
Вдыхая небо бытия...

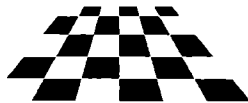
ПОГОНЯ

Дрожит над степью Зодиак —
Звериный, птичий, рыбий Пояс.
И режет грудью влажный мрак
Мой гончий зверь —
Полночный поезд.

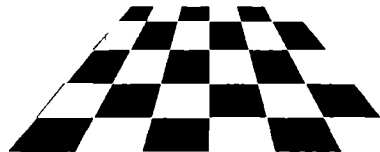
Из тьмы меж Курском и Орлом
Вослед ему скулит собака,
Но наклонясь железным лбом,
Он мчит вдоль нерва Зодиака.

Бурьяны спят.
Луна молчит,
Вдыхая сонно млечным пузом,
Лишь он, стальной кентавр, стучит
По стыкам рельс горячим пульсом.

Лишь он несется по степи,
И снова мне сквозь чад вагона
Стучит в виски: "Не спи, не спи!
Не спи — бессонницу копи,
Погоня звездная — бессонна..."



Из книги
"Врата" (1993)



ЗЕМНАЯ СОЛЬ

Я делал то, что мог,
И был самым собою.
Пред жирным не вилял, пред злым не егзил.
Я охрой золотой и кистью голубою
Грунтованный картон марал что было сил.

Я жил за годом год. Лета сменялись быстро.
Куда трудней брели с худой сумою дни.
Был хищным низкий лоб холопьяго магистра,
И Господа я звал: "Спаси и помоги..."

Оборони мой край — пронзительного цвета —
От храмов у Днепра отброшенный в скиты.
На целом свете глаз христоролюбивей нету,
Но и нигде не ржут столь лакомо скоты..."

Я делал то, что мог.
Но что я мог поделать?
Отравлены давно все птицы и слова.
Молитву осмеют властители и челядь.
А голова не впрок, коли душа мертва.

Смысл жизни заключен лишь в ней одной.
Так в самовластном сне стихотворенья
Умoeшьcя, очнувшись, но виной,
Виной всему — клеймо предназначенья.

Так в легком теле звука тишина,
Как истинная суть его, таится.

Огромная июльская луна
Открыла в книге нужную страницу.

И темный ветер дальше пролистал
Полынные страницы и ржаные.
Кто не спешит, тот слушать не устал. —
И он еще поймет слова иные.

И он еще поднять сумеет взор,
Увидеть мозг и сердце полнолуныя.
И некий хрупкий, мозаичный вздор,
Разбившись, прозвучит уже не втуне...

Всему виной — царапина любви.
Пространство не меняет этой кожи.
Соль музыки растворена в крови.
И клинопись шумерская — о том же...

Вернулся я, а тополи срубили.
Как горек тополинный мертвый рот!
Один лишь брат, свидетель сна и были,
Остался жив, корявый, у ворот.

Один — но во плоти два века живо.
Вот так вдали, сестра моей души,
Две тыщи гефсиманских лет олива
Молчит в саду в седеющей тиши.

Наплывы комля и ветвей горбатость...
А в тусклой мельхиоровой листве
Тень запаха, чуть ладанная радость
О скорбном неухоженном родстве...

Вернулся я — с вершины Елеонской
Мне виден бег строптивного Донца.

Овечий топот дробный, крупный — конский —
Слышны... Но не узнать уже гонца.

Порубленное, прорастая криво,
Лишь смутно помнит белый летний дом...
Там окна в сад, там лица незлобливы,
Лепечут голубь, тополь и олива
В июле синем, в полдне золотом.

Что ломиться в прогнившие двери?
Что по воздуху бить топором?
Меж людьми не осталось доверья,
И бессилен
Безогненный гром.

Жаждают молнии грешного крова...
Вам, пинающим в душу меня,
Возвращу
Неизбывное слово:
“Я молюсь. Но не минуть огня...”

*Соберите мой воск поутру...
Арсений Тарковский*

Босым обойду его травную пойму,
В крови растворяю его взора звезду.
Я всю его жизнь полюблю и запомню
И дальше с живыми глазами пойду.

Спасибо, Господь, —
Не слепец, не калека, —
На знойном пути полдуши опая,

Я не утерял своего Человека.
И солью земною спасется земля.

Коснемся сокровенно рук друг друга,
И да не будет мыслей — овладеть
Той тенью, чье сиянье так упруго,
Чья бестелесность — воздух, глина, медь.

Окликнешь ли живой водою взора —
Благодарю. И не хочу желать
Пустого слова, скуки уговора...
Всегда меж нами наша благодать.

Всегда меж нами то, что необманно:
Пыланье рук и притяжение душ.
Но ты не тронь во мне т о г о тумана —
Владеть небесным человеку рано.
Не тронь. —
Земного отблеска не рушь...

О грешная земля, клейменная обидой,
Твои колокола давным-давно молчат...
Лишь в мусорной избе над чашкою разбитой
Бормочет дряхлый волк
Про розовых волчат.

Клокочет сивый вепрь с обманным лисьим взором
О правде позади и где-то впереди...
Но только с даровым про завтра разговором
— Порвет — не подступай,
— Зажрет — не подходи!

О русая земля, заклтая собою!
Полмира под кривой, размашистой дугой,
Понтийской пены рай над детскою губою
И магаданский ад — мороженой ногой ...

Я б выдохнул на миг
Размах твой беспокойный,
Но тотчас твой огонь гудит в прорехи жил,
И снова ты мне шлешь и рубища, и войны -
Как будто я их вновь смиренъем заслужил.

Уж все роды мои досыта повидали
Распевных нив твоих железное зерно,
Владык твоих ночных
Щербатые медали,
Где в каждом лунном лбу — родимое пятно...

Уж всех моих родов
Калечные колена
Калились на твоих Ивановых очах.
Но ты опять зовешь.
И мерзлое полено
Швыряешь в свой тугой колдующий очаг...

Услышанное не вернется в хаос,
Увиденное явлено на свет.
Лазурно море. Бел и крепок парус.
И верится, что смерти вовсе нет.

И мы с тобою, будто бы впервые,
Приходим к этим ярким берегам,
Где ветер в соснах,
Где мы вновь живые,
Где скудость вервий сброшена к ногам.

Истоптанное веком, не стеная,
Поднимем и отмоем добела...
Ты помнишь то венчанье веток в мае?
Как и здала та музыка плыла!...

Мы есть.
И ни обрушенный Икарус,
Ни отпылавший ливнем лед комет —
Ничто, ничто не возвратимо в хаос.
Мы избранны и явлены на свет.

ПАСХА

Со львом крылатым Марк и с ангелом Матвей
И труженик Лука с волом ширококрылым... —
О купол, удержишь! О влажный ветер, вей!
Когда идет апрель, то жизнь еще по силам.

И век-нечеловек насытый глаз-агат
Скосил на синеву, отпрянув от прицела...
На нас вина и грех, но Бог не виноват,
Что Пасха к нищете и к смуте подоспела.

Пасхальное яйцо рубиново горит
Над папертью в руке калечного подростка.
Пробьется бытие сквозь окаянный быт,
И брызнет белизной церковная известка.

Но в храме паствы нет, достойной взлетных стен,
И нету в нас стыда — лишь страх и лицемерье.
Недаром мертвый дух великих перемен
Нам жаловал сполна презренье и доверье.

И зол, безбожен храм, когда душа пуста...
Дай воздуха, Господь, удушливым трущобам.

Как солон в купол путь! —
Там у крыла креста
Парит чумака Лука с волом широколобым...

Кто рядом — чужд и нем,
А тот, далекий, кровен
Гортанью ключевой, аортовой игрой.
И странный Зодиак — Весы иль жгучий Овен —
Уже не исказят крыла исконный крой.

Кто рядом день-деньской —
Не избран и не сужен...
Поденной чашки край зазубрен и шершав.
А с вами, кто вдали,
Делю бродяжий ужин —
Астральный свой припек и соль земных приправ.

На хлопковом листе, на кожистой ладони
Живой воды глоток и шарик кровяной
Протягиваю вам,
И о зеленом лоне
Серебряным "ау" вы делитесь со мной.

И если дождь пойдет, листва шуршит знакомо —
Шиповник, алыча, кизил и барбарис...
Под каждой из ветвей мы снова вместе дома,
Зернистый Осип мой,
Арсений мой,
Борис...

И рыдать не смогу,
И смеяться уже не сумею.

Мерзлой птицей о землю разбилась моя ворожба...
Заклинанья сожгу и молитвенный пепел развею —
Да останется в сердце
Лишь судного воя божба.

Нет, не вымыть из ран
Кристаллической каменной соли,
Что и ночью, и днем
Обреченное тело грызет.
Снова распят Господь
На морозе сивушной юдоли,
Но блудница Мария к холодным стопам не падет...

Где в холопских глазах
Нету совести, нет покаянья —
Там безверья гульба
И безногого трона хвальба...
Над обрывом стою,
Над раскисшей ползучею гранью.
И уже между туч
Вестью грома сверкнула труба.

Шмель на малине, на тополе горлица.
Старая хата застенчиво горбится.
В зелени двор.
Средь лебеды, лопуха, подорожника
Да осенит меня, Отче, безбожника
Синий твой взор.

В этих краях бессловесно натруженных
Не был я век на вечерах и ужинах. —
Дай же им днесь...
Выучил крепко иные законы я,
Что же так просится в душу исконное,
Цветшее здесь?

Что же щемит у предсердия прежнее —
Солнечно-смуглое, зелено-нежное?
Боже, прости.
Нет их давно на земле скудно-ласковой
Тех, кто крестил меня травною сказкою —
Глина в горсти...

Ты бы послал хоть на час своих ангелов —
Ягод набрать из малиновых факелов
Вместе со мной,
Весть бы подать о чете моей суженой
Из белооблачной жизни заслуженной
Послеземной.

Ты бы простил мне печаль и томление,
Это невзрослое стихотворение —
Зова порыв...
О, как по имени кликнуть мне хочется
Тень, что качнула вишневую рощицу,
Плач затаив...

Мне бы всплыть из сурьмы океана,
Приподняться над капищем глин...
Воздух осени жив,
И пространна
Золотистая плазма былин.

И коль века железного росчерк
Грудь холма не успел пропороть,
Остается в несрубленной роше
То, что душу связует и плоть...

Мне бы всплыть над могилой и тяжбой,
Ощутить сквозняком над собой

Чистый голос, лазурный, протяжный,
Вознесенный осенней трубой;

Рассказать, как грехи святотатства
Не опознаны веком в упор,
Как растрочен на пьяное братство
Храмов белых
Багряный кагор...

Мы говорим о несоединимом,
Когда приходит время окликать.
Врожденный трепет быть не может мнимым.
Но долго ждать. О, долго надо ждать.

Письмом белея, выплывет бутылка —
Устала синь стеклянного цветка.
Повеяло прохладой у затылка,
Но брызнул зноем август у виска.

И брызнул соком, бронзовым и млечным,
Великолепно-крутолобый плод.
Молчание — вот истина о вечном,
Которое без жалости войдет...

Мы вспоминаем, что мы есть такое.
Шуршит листвою тяга зыбких слов.
И тянет клюв зерно предродовое,
И жадно пьет нездешний воздух снов...

И все яснее: жизнь не удалась.
И не могла удалться в срамном веке...

Но и над этой смутой — Божья власть,
Что взором движет глыбы в Баальбеке.

И днесь, и присно взмах Его ресниц
Ломают циклопические плиты. —
Где хмель сосков лохматых кобылиц,
Где войлок ваш белейший, чингизиды?

Который раз батыйщина умрет,
Пожрав себя и свой приплод жестоко...
А Он все видит — тверже скорбный рот
И строже взор, — без ханжества упрека.

Я просто мальчик в давнем синем дне,
Но некий хмель крепчает в слабых венах,
И тянутся во сне от лун ко мне
Предчувствия о многих переменах.

И яблоко в ладони все круглей,
Все тяжелее и правдоподобней,
А вольный дух июньских тополей
Любим ноздрями, слышим костью лобной.

И пальцы в шрамах — быстрая рука
При ярком свете так неосторожна!
А ночь — близка, нежна... И у виска
Все шепчет, шепчет:
“Жизнь твоя возможна...”

И вот за дюжиной смертей
Мне приоткрылись жизни двери.

И пыльный зной земных путей
Я вечностью прохладной мерю.

И те, кому бывал я мил
Так трудно, не попад и редко,
Мне машут тенью прежних крыл —
Теперь калиновою веткой...

И кривды срам
И злобы стыд
Без суесловия встречаю. —
Густеет полдень,
Шмель гудит
В лиловом солнце иван-чая...

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

(из Миколы Зерова)

И тогда прокричал петух...

Рой свечек, теплый чад. С высоких хор
Звучит напев безверья и печали.
Круг палачей и стража в синей стали,
Синедрион и кесарь, и претор.

То наших судеб скомканный узор,
То нас предупреждает воплем кочет,
И во дворе для нас костер клокочет,
И слуг гудит архиерейский хор.

И темный свод евангельских историй
Звучит, как низка тонких аллегорий,
О наших жадных подлых временах.

А за дверьми, на кладбище, в притворе
Ребенка голос, щебетанье птах
И в смутном воздухе безжизненные зори.

Наша правда крива и гугнива —
На плечах ее рваный наряд,
У нее половецкая грива
И шляхетский неласковый взгляд.

И волошской крови Мономахи
Растворялись средь наших словес,
И чингизы, и свойские ляхи
Пили синь из днепровских небес.

Что там взмучено в омутах-душах,
Что утоплено в странных глазах?.. —
Может, в сказах плеснуло минувших,
Да не тикает в новых часах.

Косоротое кровосмешенье,
Ветровая степи нагота
Нарекли нашей правдой смятенье,
Ум железа
И тень от креста.

Как юрод, эта правда глумлива —
Тащит по полу драный наряд...
Лишь в зрачке
Что-то до смерти живо... —
Словно гуси со стоном летят.

*И Шуберт на воде...
О. Мандельштам*

И Моцарт чуял зов за рамкою клавира,
И Мандельштам летал над рошею стиха.

За мускулом зрачка — иная данность мира,
Доподлинно жива и в паузах тиха...

Нездешний этот луч, небесный бег пунктира,
Неуловимо быстр и ласково упрям,
Искупит семь грехов скудеющего мира
И хаос освятит и вызлатит бедлам.

Ты прав, что прежде губ уже родится лепет.
Какой-то новый век задуман впереди.
Мы не посмеем знать, кто наши ноздри лепит,
Пока не подан знак
Извне и во плоти...

ЖУКИ-ОЛЕНИ

Пионерского рапорта лжегосударственный пыл.
Активистов румяных напыщенная вереница.
С кумачовою грудью плеяда наставниц-кобыл:
Ноги в кедах китайских, распахнutorотые лица.

Сколь несносен я им и себе самому незнаком,
Сколь убогой сумятице верных шагов непокорен!
Вскормлен жижей компотной, перловым жлобом-
черпаком,
Карбонарием мечен и смутую порчен под корень...

И когда нас под флаг барабанное утро ведет,
В черепахе прибудной отрядной сгушается ужас —
Под фанерною тумбочкой синей страдалица яйца
кладет,
И морщинистой шеей, и битумным панцирем
тужась.

Размягчает мозги лазаретно-карболовый быт.
Серебрянкой замазаны шрамы цементных горнистов.

— Оторвусь! — Чем сильней их казенное тело свербит,
— Улечу! — тем натужнее взор их бараний неистов.

Убегу — за шершавым забором в лесу я уже не один.
Там дубовую кровь пьют жуки, рога носцы-олени.
Атакующих лбов напряжен густо-красный хитин,
Что бодает ладонь и прохладою входит в колени.

Улечу и на лагерный час и на целую жизнь убегу —
Как хмельны эти соки в кленовых и вязовых жилах!
Бык вишневый молчит, опьянев, — ни шушу, ни гугу...
Только я-то все знаю о взлетных подпочвенных силах.

Библейская дождливая погода.
Конец апреля в пепельном Крыму.
Гагаринского княжеского рода
Гранитный замок —
В розовом дыму.

Мокры стволы коричневой сиеной.
Обильной влагой согнуты кусты.
Но ярки бело-розовою пеной
Иудиного дерева цветы.

Гранитный замок —
Англицкой повадки—
Под сенью твердых рыцарей в гербах.
Неустрашимость носогубной складки
И клятвы вкус на каменных губах...

Кучук-Ламбат. В разбитых смутных фресках
Земля кровосмешения жива.
И тут же Карасан, гнездо Раевских —
Татарские резные кружева.

Конец апреля.
Ждут землетрясения.
Твердят, что змеи прячутся в ветвях.
А древний берег, как стихотворенья,
Ждет перламутра в кряжистых сетях...

Останусь, ибо вы со мною,
Друзья певучие мои,
Смычок и скрипка... Элои!
Ты дал им свежести и зноя.

Дождемся снова дней, когда
Полна пионами веранда.
В июле, в месяце бельканто,
Вкусна прохладная вода.

Вернуться бы и день прожить
В плетеном кресле на террасе...
Здесь вместе на закатном часе
Мы станем ноты ворошить.

Смычок — соломенный игрок,
Кузнечик, выучивший гаммы...
Закат набрызгал амальгамы
На деревянный наш порог.

Звук — мотыльковая душа.
Так раз в году стихотворенье
Взлетит, Господнее даренье,
Искрясь и крыльями шурша...

Пыльцой осыпав воскресенье.

На выбеленных скалах Тарханкута,
На вздыбленных крутых известняках
Мне чуется горчащая цикута
На зном пересоленных губах.

Здесь эллинского слова переплески
Сберег под кручей виноцветный Понт,
И помнит жаркий мак турецкой фески
Горбатой арки скальный мастодонт.

Здесь черные бакланы на уступе
И дикий голубь в капище пещер
Хранят молчанье
О гранитной ступе,
О тех веках, перетолченных вкупе,
За чьей душой шуршит
Уже шумер...

ВРАТА

Когда на сердце маета,
Войди в суровые врата
Израненного храма. —
Две большеглазых тишины
Одна в другой отражены
Извечно, от Адама...

Одною правдою полны
Две человеческих глубины,
Две мглы — небес и духа.
И там, где век глумливый ржет,
Лишь эта данность не солжет,
Что невесомей пуха.

Легка звезда над головой.
Но каменных зениц конвой

Казнить ее не властен.
Нет, не солгут ее уста —
Горит свеча, и ждут врата,
И ты к огню причастен.

Да, жить. Подняться и идти,
Хотя на вздыбленном пути
Псы и псаря не сыты.
Но там, где хоть одна звезда
Жива,
И для тебя врата
Останутся открыты...

ПО ПУТЯМ ТВОИМ

Глазу больно и воздуху знойно,
Когда силишься жадным лучом
Мозг Природы
Раскрыть непристойно,
Любопытствуя, что в нем почем...

Да тебе ли сверстать ее части —
Взор полночный,
Улыбчивый рот?
Вот, лишь дрогнет ресницей всевласть, —
Как младенцу, охватит запястье,
Сквозь прореху времен уведет...

Дышать, бродить по белу свету
И не бояться опоздать. —

За позднюю премудрость эту
Не жалко молодость отдать.

Добраться к озеру средь зноя,
Уснуть на хвое средь стволов...
А ты, озябшая, со мною,
Ты, молодость тревожных снов,

Ты, время смутного завета,
Когда так ломок звон в крови,
Когда душе спасенья нету
От холода и нелюбви...

Медведица, Кассиопея —
Есть верность звуков и имен.
Так на лазури скарабея —
И явь твоя, и вещий сон.

Но вот и зыбкая усталость
Влилась кровинкой в миражи...
Одно вне гибели осталось —
Самодвижение души.

За малую зацепку эту
Легко последний вздох отдать.
Летит душа по белу свету,
И ей не страшно опоздать.

Все!
Наконец домой вернуться
С тропы бродяжьей и случайной,
Линялым усом окунуться
В расплав крепчайшей гущи чайной.

Лаская груз фамильной чашки,
Под перезвоны разговора
Кольнуть клыком,
Чуть одичавшим,
Глазурь забытого фарфора...

Как дышат разноцветной плотью
На полках царства битв и граций,
Как жадно губы переплетов
Тебе навстречу отворятся!

И чисто вскрикнет половица,
Живую тяжесть принимая,
И озарится гладь страницы,
От счастья тихая, немая.

И дрогнув эхом, повернется
Чуть-чуть иною гранью время,
И что-то сдвинется, качнется...
А надо всем
И надо всеми:

Щемящий свет дочерней тайны,
Свечение детской млечной кожи,
Глаза,
Что все необычайней,
Все больше на твои похожи...

Углем, маслом, темперой, гуашью,
Золотом, растертым на желтке,
Я опять рисую очи Ваши
В деревянном зимнем закутке.

Мой чердак — высокое жилище.
А Твоя, Мария, красота —

Хлеб душе,
И подлинная пища
Для доски иконной и холста.

Говорят, я — тот еще волчина,
Битый молью бука и медведь...
Но во мне томленье и кручина —
Каждый час в лицо Твое глядеть.

Нет, не жребий мне — остепениться,
Не судьба — нажить товарный вид.
О железный скат не голубь-птица,
Стражник-ворон полночь стучит...

Он долбит, погибель мне пророча,
Но над ним — другие голоса.
Вновь, Мария, в стыни зимней ночи
Летние Твои рисуя очи,
Вижу Сына Твоего глаза...

Густой электризованною влагой
Лилово тяжелеют небеса.
Воздушной дрожью,
Чувственной тягой
Бежит по саду близкая гроза.

И ты спешишь,
Пугливых роз вязанку
Поспешно вносишь в захмелевший дом...
Малинный лист,
Серебряный с изнанки,
Трепещет на ветру предгрозовом...

21 ИЮЛЯ 1991 Г.

*Хорош ли праздник мой, малиновый
иль серый...*

Арсений Тарковский

Хорош ли праздник мой иль скуден и поспешен,
Но помню я, что общий звездный знак
Дарил нам щедро горсть тугих черешен,
Смородинный июль дарил за так.

Я помню: море было виноцветно
Задолго до того, как плыл Ясон.
Глубинней, чем серебряно иль медно,
Окрашен неделимый ток времен.

И сок пространства в реках и деревьях,
Ветвась, дробился, но не иссякал,
И в желтых плитах, ноздревато-древних,
Укрылся в нише
С амброю фиал.

Хорош ли праздник мой — мне лучшего не надо.
Я помню то, что не хочу забыть.
Зной на ключицах, а у лба прохлада.
На жаркой скрипке буйствует цикада,
Стрекочет, не смолкая, — жить да жить.

Живая, влажная земля
И поселянский запах дыма...
Трава, пригорки, тополя —
Все это так давно любимо!

Когда от мертвенных камней
Вернешься к пригородным хатам,

Не помня, от которых дней
Ты — родич весям небогатым,

Когда из сумерек трава
Шепнет в задумчивой печали
То имя, что едва-едва
Светимо в темносиней дали... —

Тогда ты веруешь: твой путь —
Не праздный росчерк пилигрима,
Но трудно длящаяся суть,
Что кем-то издавна хранима...

УХОДЯ

*...Укрой меня своей чугунной шинелью!
Обращение к Гоголю из письма Булгакова.*

*Надгробием Булгакову служит камень
с первой могилы Гоголя.*

Учитель, укрой меня тяжелой шинелью,
Шершавой посмертной тенью укрой! —
Повеяло мартовской первой капелью,
Но я далеко. За последней горой...

Вот взор мой насмешлив,
Язвителен голос,
Но сердцем я прост, словно "иже еси",
И я, как и ты, не предам ни на волос
Врожденной тоски
О безбожной Руси...

Твой ветер сквозит и легко, и сурово,
Твой слог петербургский
Хохлацки певуч,

Но горечь в крови, но болючее слово
Вспоила вселенная хлябей и туч.

Дороги державы разлезлись, как раки,
Сползая в задавленный тиной пруд.
По долгим шляхам погорельцы-бродяги,
По вечным ухабам
Пророки идут.

Звезду ли в межбровье,
Мякину ли в пузе
Сквозь вязкую кривду упорно несут? —
Но тропы их в братский завяжутся узел,
В отеческий
Трижды неправедный суд...

Поделится, странник, дерюгой шершавой —
Мы вместе бредем по наследной земле.
Нет, суд наш — не в гире кремлевской державы,
Лишь в этом тугом, самовластном узле.

И ныне, как присно, за честное слово —
Кусок из предсердия вынь до положь...
А все же — пускай упование не ново —
Острей топора только жертвенный нож.

Укрой меня, Гоголь, прохладой туманной —
Все выше в гортани огонь-токсикоз...
Вздыхнут лишь на миг родовую осанной
Полтавы лазурь
Да Андреевский взвоз...

Учитель, мы искры единого скола,
И камень един
Для двух ранних могил. —
Не будь ты земной чудотворец Никола,
Не будь я подстреленный влет Михаил!

Молчит трава, склоненная в предгрозы
К отяжелевшей выпуклой земле.
Трепещет леший —
Блещут очи козы
В крушинной паутинной полумгле.

Идет гроза, сбивая в стадо тучи,
Гнетет к земле перестоялый зной.
Притихла мышь в горячей и пахучей,
В густомолочной чаще травяной.

Кузнечика смычковые колени
Соломенную сухостью зудят...
Грядет гроза,
Стихия омовенья,
Сбивая жара переспелый яд.

И воздух душен, густ, исполнен хмеля,
Наперчен искрой серо-голубой.
Спешит гроза, как щучья печь Емели,
Шумит-гремит, бредет сама собой...

Напрягся леший,
Вздул тугие ноздри. —
Призывный запах мавок и купен
Утроен опьянением предгрозы...
И не унять детине дрожь колен.

ГОСТЬЯ

От черных кур — коричневые яйца,
От сонных крыльев —
Сумрачные сказы...
Качайся на ветвях ночи, качайся.
Дай Бог — о сучья ребрами ни разу.

Дошкольник-бука, ненавистник супа,
Над рассказами вскидываю брови:
От черных кур — кофейные скорлупы,
С двойным желтком,
Двойною искрой крови...

Вода на киселе, стократ прокислом,
Старуха-гостя, плесени золотка,
Носищем шевелит, до губ отвислым,
Но как ведь врет да как дурачит ловко!

И оглоушен я с полоборота,
И целый век мне будет столь же худо —
Но ты все ври, колдунья, про болото,
Где тащится хвощами чудо-юдо...

На ужин попросясь, жуя, бормочет
Про кума, что от ломтя в горле помер.
А в кукиши скукоженные очи
Какой-то свой прикидывают номер.

Жует — скрежещет старой мышеловкой
И пахнет перепревшими мышами,
Но травный лист подслушает, плутовка,
Морщинистыми острыми ушами.

От черных кур — серебряные яйца,
С налетом чая, как на старой ложке.
В Кощеевой клешне царевны пальцы,
Но сказы разом —
Истинны и ложны...

Страшай, вещунья,
Краснобайствуй снова! —
Вокруг меня сбредись, совсем живые,
Собаки, черепахи и коровы —
Все звери, шерстяные, роговые.

Все гербовые твари, родовые,
Стоят и дышат розовую пастью —
И сохраняют от Яги, от Вия,
От всяческой заразы и напасти...

Стогами пахнет, зверем и макухой.
От черных кур мой сон до жути ярок. —
Всего-то забрела на час старуха,
Пяток яиц оставила в подарок...

Бездомный ветер кривобокий
Ограды наземь повалил.
Стрекочут сойки и сороки
Над запустением могил.

В неровном проблеске апреля
Чернеют палые листы.
Мокры, засыпанные прелью,
Полуистлевшие кресты...

С крылами в синь,
С хвостищем в зелень,
Размашистый сорочий князь,
Отведав талых капель зелье,
Трещит, колышет веток вязь.

И перья радугой искрятся,
И глупый крик гортанно смел...
На голых ясенях кустанся
Уроды хмурые омел.

Тоска червивая змеится
В завалах прелой тишины...

Но как кладбищенские птицы
На диво яркие и сильны!

Никого ни о чем ни проси,
За пожухлую быль не цепляйся,
За кривое железо оси
В окоlesiце дробного пляса...

Жаль чего?..
Разве радужных пчел
На пиру травяного июня
Да сверчка во хмелю матиол,
В голубом молоке полнолуныя?..

Разве тени ступни на песке,
Бесполезно-жемчужного сора,
Пряди русой на детском виске
Да ничейного нежного взора? —

Вот и все...
Ни о чем не моли,
Обнимись с корешками кривыми,
Что грызут в поднебесной пыли
Земляное шершавое вымя.

Своей самоубийственной тропе
Сны Цезаря тождественны и кровны.
Как одиноко и темно в толпе,
Где пахнут жертвой пастыри и овны!

Как трудно и молчать и просто быть,
Когда нас даже трое или двое —
Я от роду не в силах был любить
Щербатый рот народного героя...

Когда не лезет в горло зла ломоть
И тянет жилы капищ песнопенье,
Ужели Ты, всевидящий Господь,
Мне жалуешь постыдное терпенье?

Зачем опять живой души зола
Собою кормит глинистый мой разум?
Какая жизнь линяла и ползла,
Свивалась в полукольца полужла,
Не взвившись плетью огненной ни разу!..

Мед Медичи стекает по губам,
И перстень Борджа жжет алмазом руку.
Ужель я Рим, лиловых пап науку
В махновском заточении предам?

Ужель мне "Аве" ливневый орган
На Пасху будет петь лишь издалёка?
Пожалуй, не прошамкали б упрёка
Родной Полкан и отчий таракан,

Когда бы от избы упорно ржавой,
От вседержавной, крепкоскулой лжи
Под пинии, под Мантуй витражи
Отпущен был бы я судьбой неправой...

Мне всласть — по-итальянски говорить:
"Репета, о синьора, пер фаворе",
Что значит: "Повторите, плиз, синьора..."
Мне отроду полуденная прыть

И смуглость юга любви и понятны.
Но, если б царь среди сугробных дел
Меня и вправду видеть захотел —
Зовите, я пешком приду обратно...

Но перед тем — Сильвестра Щедрина
И Гоголя приветить на террасе —
На Палатине, на закатном часе
И выпить склянку папского вина!

Но прежде — знать, как город вознесен
На семь холмов, на времени излуку,
Как перстень Борджа сон бормочет в руку,
Сей мраморный, медно-зеленый сон...

Стихи начинаю
Строить с крыши —
Первая строчка к небу ближе,
Последняя к земле...
Строю истово,
Много лет
Маленький храм из сосен,
Ясный, как осень.
Назову избою и пагодой,
Поселю там тихо,
Чуть дыша,
Голубую живую ягоду,
Похожую на земной шар.

За маем вослед золотится июнь.
И ласточки вновь небеса оживили.
О легкие, быстрые, острые крылья,
О черточки туши династии Сунь!

Неужто и впрямь мандарина гонцы
Пространства пронзили? —
Едва ли, едва ли...
А просто сто рисовых дней зимовали
В оранжевых глинах у желтой Ян-цзы.

Зеленая слива становится белой.
Как сочен июль, полновесен и дюж!
Как щедро цветистое лето поспело
Верхушкою смуглых улыбчивых груш!

Колдует над печкою бабушка Марфа,
В подсолнечном масле шипят кабачки.
Роняет цветы к подоконнику мальва,
И рдеют над ставней акаций стручки.

И солнце над известняковой оградой,
Над выцветшим суриком крыши встает,
И мальчик, играя под ветками сада,
О чем-то своем еле слышно поет...

И вторит листва потаенному пенью
О том, что другим не узнать никогда —
Как дышит, лепечет живой светотенью
В садовой разохшейся бочке вода...

ЗАПАХ

Бормотун, домовик неказистый,
Скособоченный временем том...
Эта книга из рук букиниста
Пахнет давним чужим табаком.

Нет, бывшее в потертой обложке
Я недаром сегодня раскрыл.
Горьковато-пахучие крошки
Встрепенули молекулы крыл.

Чей-то взор, узнающий и меткий,
Яркой искрою брызнул в меня,
Штрих-пунктирную ниткою редкой
Дернул зуб из молочного дня...

В этом дне моя кожа упруга,
Там я снова дышу и смеюсь.
Ни судьбы, ни порочного круга,
Ни своей немоты
Не боюсь.

Та же нитка на шею надета,
С белым кремнем, омытым в реке...
Налегке беспредельное лето,
Бесконечная жизнь налегке!

Свет веранды.
И деда приятель
Тем же давним горчит табаком...
Вишни красные, белая скатерть.
А лимонница под потолком...

Живому — детское движенье,
Пунцовый капельный набег
На кольчатое окружение,
На мертвый ассирийский век.

Живому — краткое старанье:
Тому, кто сплющил города,

Послать не перстень, но признание
О неподдельности стыда.

Когда высокий воздух отнят,
Грядет плоскоголовый суд.
О будущем лишь камни помнят
И больно — на раскол — поют.

Живому остается мало.
Прощален времени мотив.
Но в небе кратко промерцало —
И кто-то под камнями жив...

И Макбет, и Раскольников несчастны —
Злодейство гложет печень изнутри.
Не сыщешь хны, и не осталось басмы,
Лишь горький пепел в голову вотри.

Блажен, кто в силах дать воды злодею...
Исусе, ты бы искренне простил!
Но меж земным и горним судиею —
Удары крови, судорога жил.

И где мне взять высокое прощенье,
Где вера первородная моя
В отчизне всесстыда, всеуниженья,
В кривом пространстве полубытия?...

Небесный алыт, дворовый чад резины...
Давно пора забыть, как Робертино
Завидовал я долгих тыщу лет —
С тринадцати до паспорта вручения —

Был пресен вкус морковного печенья
И в линзе с глицерином мутен свет...

Бельканто и теперь в печенке где-то
Вибрирует. А прежде бела света
Не видел я, когда уже сверх сил,
С душой саднящей, с кирзовой гортанью,
Глотая угловатое молчанье,
Опять пластинку певчую крутил.

О солнечные трели Робертино...
У той любви быд едкий зев ангины,
У ревности, меж тем, не черный цвет...
Она, скорее, в ромбах Арлекина,
В расцветке шахмат следственно-причинной,
За мной ступала верно след во след.

Бредя асфальтом, чуял я отчасти,
Что в той кручине был задаток счастья, —
И фокус этот сладил царь Горох, —
И что душе для истинного пеня
Куда нужней, чем голое везенье,
Солено-горький повивальный вздох...

А ветер дул то холодно, то жарко.
Водил я в парк чепрачную овчарку,
И незаметно из рутины дней
В соседнем классе — небесам в острастку —
Блеснула поступь маленькой гимнастки,
И что-то чисто серебрилось в ней.

Была ли снова песня безголосой?
На все по геометрии вопросы
Циркачке я серьезно отвечал.
И зыбко, словно дискант издадека,
Светился легконогий абрис сбоку,
У странного начала всех начал...

Небесный алыт, с подворья чад резины...
Любовь да ревность — юные кузины.
Не рассудить, кто краше, кто умней!
Жаль одного: заметить, как стареют,
Добреют-расползаются, дурнеют,
Дабы исчезнуть за чертою дней...

ПЕРЕД ЦИКЛОНОМ

В знойные пагубные вечера,
Лая,
На вой переходит собака,
И в глубине предциклонного мрака
Полнится тьма вороного пера.

Тянет селитрою,
Прелым зверьем,
Укусно-угольным чадом шашлычным,
Мышью летучей,
При слове обычном
Жутко шмыгнувшею за окном.

Пахнет жестокостью смутных времен,
Средневековой ущербностью мира,
Юностью в кухне облезлой квартиры,
Жизнью
Ценою в трамвайный талон...

Веет ещё
Дьявол ведает чем
От обречённости песьего воя —
Свежеснесенною головою,
Самосожженьем астральных систем...

Но над угаром недобрых примет
Речка повеет линиями и тиной. —

Ровною влажностью пенициллина,
Мудрою плесенью прожитых лет.

Да подмигнет над зубчатой сосной
Голубизной дальнозоркой Венера:
"Чай, пронесет —
Не слетятся химеры
На кобелиный испорченный вой..."

ГУРЗУФ В АПРЕЛЕ

Как свежий кус рахат-лукума,.
Благоухал апрельский Крым.
И свата, шурина и кума
Поил мускатом даровым.

Апрельский воздух винно-влажен,
Бродильный сок ветвей игрист
И льдом артезианских скважин
Прохладно-чист, как декабрист...

Из всех скворечников прибрежных
Мне ближе и милей Гурзуф.
На камень средь черешен снежных
Сажусь, как на гаремный пуф.

Здесь справа — Чеховская бухта,
Морское зелье в чаше скал.
А слева — странник Пушкин (ух, ты!)
В оливах девицу алкал...

И здесь, за рубль башку катрана
Купив у шалых рыбаей,
Всею кожей чую вольный, пряный,
Гулливый дух семи морей.

И на скрещенье давних взоров
Шепчу приморскому гнезду:
"Твой бесшабашный пестрый норов,
Узоры птичьих разговоров
С бродяжкой рифмою в ладу!"

В холодный и сырой
И все ж весенний день
В подвальчик на углу
Зайти и выпить кофе,
И справа, у окна,
Где двух гераней тень,
Увидеть молодой
И чуть знакомый профиль.

И то, что мог бы счесть
Обычным пустяком,
Назвать живым лучом
В разломе вечной тучи.
И думать ни о чем,
О том лишь, что потом
Все будет, как теперь...
И, может, будет лучше.

Итак, добираться мне до Феодосии —
Лишь ночь, лишь чуток золотистого дня.
Там кровная мысль о двоюродном Осипе
Так бодро под ребра бодает меня!

Там облик египетский брезжит и слышится
Непойманный цокот-хорей башмаков.

Развеяна гневная Максова ижица,
Но свеж голубеющий плюш ишаков.

Здесь мажется бликами синь Геллеспонтова —
Играют ветра от щедрот Дарданелл.
Вот так, птица-цаца, гордыня виконтова,
Всех клавиш знаток, он играл, как хотел...

Привольно вдыхается нищее диво
Земли загорелой, зеленой воды.
Овечьих холмов травяные наплывы
Вдоль моря текут, вдоль текучей слюды.

Лоскутная, известняковая Каффа!
Как щедро — всего-то полсутки пути,
Чтоб в складках пиратского красного шарфа
Листок со взъерошенной рифмой найти! -

С шепоткою тмина, с корицею в мокко,
С угаданным клювом среди гуши на дне,
С такой молодою, не знающей срока
Пузырчатой радостью в желтом вине.

С рыбацкою лодкой, что еле белея,
Спешит, обгоняя кефаль и макрель,
В край ладана, смирны, тоски и елея,
Туда, где Эллада, Ливан, Галилея —
Озера и смоквы Заветных земель...

ПОЛИКУРОВСКАЯ ГОРКА

Прохладный май полощет фалды
Хмельного ветра-босняка.
Бреду по кручам старой Ялты,
По царству пестрого куска.

Над яйлой холодно и пусто
Молчат простор и синева,

И над часовней Златоуста
Сусалью светится глава.

Четыре купольные свечи
Над хламом хижин вознеслись.
И на любом цветном крылечке
Мяучит, пузырится жизнь.

В трущобах май. Светло и тихо.
Сиреневых глициний вязь
Клубится, пенится шутихой,
Змеей древесною виясь...

А под горой — свирепый рынок,
Шельмец, барыга, шкуродер,
Клубничной россыпью корзинок
Сверкает, как багдадский вор.

О радужный бедлам базара,
Торговцев алчные ряды,
Развалы нежного товара
Под оком Синей бороды!

О южный май в подкове горной,
В цвету иудиных деревьев!
И с мордой важною-притворной
Ступени стерегуший лев...

Все сказанное — только лишь прощанье,
И нету никаких иных причин
Для зыбкого на слово упования,
Для дела, недостойного мужчин.

Все сказанное — только лишь догадка
Про ярко-сильный сокровенный ход,
Про ту спираль, закрученную хватко,
Которой слово, ласточка-касатка,
Вернется в мир. —
И глину в клюв возьмет.

Как страстна и тепла земная глина
Под пальцами, под алым языком!
Сгорает купина, горчит калина...
Но ласточка вдоль струй аквамарины
Спасется
И зернистый склеит дом.

МАСТЕРСКАЯ ЗИМОЙ

Мандарином повеял сочельник,
Снегопадом, смолою сосновой.
Просветлись, бородатый отшельник,
Снеговой хрустящей обновой.

Замело на окраине хаты,
И запахи морозом овчины.
Распрямись, живописец лохматый,
Друг плечистый,
Крылатый детина!

Черно-белы, как буки и веи,
А внутри — снежиревого цвета! —
Декабри,
Где лоснятся медведи,
Калачами свернувшись до лета...

Ну, а ты, мой шатун, брат медвежий,
Ты, художник,
Ворча и пророча,

Видишь огненноглазые вежи
За кордонами вьюжистой ночи.

Разминая стоцветное масло,
Полночь шаркает бабкою Кристи...
И, покуда свеча не погасла,
Скачут ходики, маятник-прясло,
Светят рыжими белками кисти...

НИЖЕГОРОДСКАЯ КРУЧА

Стоишь на высоченном белом берегу.
Под сердцем —
Сына блудного сума.
А голос отчий — Аввакум и Брейгель,
Безмерная сугробная зима...

В могучем бреде, в исполинском беге,
В холмистом сне,
Случившемся с тобой,
Он виноват —
Вселенский снежный Брейгель,
Неутомимый Бог-мастеровой.

Он чувственно напряг тугие ноздри
На запах снега, льда, нагих деревьев,
Он смёл секунд предательские козни,
Широколобый, крутогрудый лев.

И все укрыл седой покой столетий,
Раздумью, вере и труду сродни,
И рыбаки,
В тепле упрятав сети,
В душе растят невиданные дни.

Как видно даль
Стоящему на бреге,
Как звонок тес надволжского кремля,
Как вечно имя —
Аввакум и Брейгель,
От неба и до неба
Вся земля...

ПОЛНОЧЬ

Просторен храм и радостен для сердца,
Его дверей не осквернит печать.
Рассудок и душа — единовѣрцы
В полночной страсти
Слушать и молчать.

Над ризами зѣвавший меж псалмами!
Не ты, не ты — хранитель высоты...
Летит душа над черными холмами,
Где пахнут волей темные цветы,

Где дышит ночь властительней рассвета
В безлунный самый —
Самый звездный миг,
Где нет ни пяди неба без привѣта... —
И этот храм все ереси постиг.

Летит душа. И боль ее, и правда —
Взмывать, переполняясь высотой.
И ей ни восхищѣния не надо,
Ни оклика убогого "Постой..."

Над землями,
Над спящими глазами
Нежнейшим звездам бесконечен счет.
Возвышен храм и радостен слезами —
Бесстыдно Млечность по щеке течет...

АМФОРА

КРЫМСКАЯ СИЕСТА

В час полуденного бденья
Кипарисовые тени
Тронут складку меж бровей,
И повеет в ноздри волей,
Острой влагой йода, соли,
Хлорофиллами ветвей,

Гераклическим железом,
Виноградным пьяным прессом,
Нежным телом южных лоз. —
То дрожит в настое Крыма
Дымка Греции и Рима,
Зной персидских абрикос.

В час полуденного бденья,
Когда резче песнопенья
Целлофановых цикад,
В гемузской синей башне
Прячет век позавчерашний
Маслянистый мгlistый взгляд...

Из-за полусферы Понта
Зелены тюрбаны Порты —
С минарета муэдзин
Выкликает час корана...
Там с гранатовою раной
Спорит блеском апельсин.

Ну, а здесь, в Юрзуфе грешном,
Взоры тянутся к черешням —
По четыре рэ кэгэ.

Я беру по три с полтиной,
Потому что с бабой Зиной —
На приятельской ноге.

В полдень сонны крабов клешни.
С кружкой вымытой черешни
Под шершавый кипарис
Я взберусь опять на кручу —
Здесь простор, отсюда лучше
Чуять всепланетный бриз.

Как раздался Понт Эвксинский! —
От Лапландии от финской,
Что далеко за спиной,
До Аравии песчаной,
Что струит мираж кальянный
Далеко передо мной!

АМФОРА

Округла амфора с зерном,
Речной песок белеет в трюме,
Как помогают волны думе,
Как сложен парус с кораблем!

Гудит кедровая доска,
Прогрета, солнечна, шершава.
Плыви! У мужества есть право —
Соленый ветер у виска.

Наполни амфоры уста
Оливковой, мускатной влагой.
Да осенит тебя отвагой
Твоя моряцкая звезда.

Да станет амфоры сосуд
Твоим надежным талисманом. —

В его обводе богоданном
Слились гармония и труд.

Магнитна, женственна, светла
Огнем обласканная глина,
А гулкой ноты сердцевина
Сродняет с ней колокола.

И Одиссеево вино
Под глиняной созреет кожей.
Платон — бесценен!
Но дороже —
Дорога, амфора, зерно!

Не я пишу стихи —
Они меня читают:
Прочтут июльский миг
И долгий зимний год,
Где до асфальта снег вовек не долетает,
Где быстрый след звезды — всегда лишь недолет.

Не я найду слова,
Но девушка в трамвае
С глазами из иной, евангельской, судьбы.
И светятся они, от света изнывая,
От искупившей все пронзительной божбы.

А я — всего лишь слух
И взор груженных женщин,
Закутанных старух, распахнутых мужчин.
Мне хватит звука, двух,
Мне нужно даже меньше
От бубна их надежд, от флейты их кручин...

Не я найду слова,
Но старец-Калиостро
С авоською в руке, с известкой на плече.
Его лукавый взор скользнет за угол остро,
За тысячу вперед протянутых ночей.

А клики ребятни
В дыму листвы осенней!
Кирпичные дворы, где правит листопад..
Их ритмам искони
Не нужно напряженья —
Стремительно точны их строфы наугад.

Не я виновник рифм.
Откуда эта детскость
Пришла бы мне на ум и на сердце легла,
Когда б в любом зрачке не колдовала меткость,
Когда б из полной тьмы планета не всплыла?..

ДОМ В КОКТЕБЕЛЕ

Беленый дом под охрой черепицы,
Что выцвела от зноя и дождей...
Который день и век ему приснится?
Аукнется который из гостей?

Здесь жил поэт — вакхическое чрево,
Охапка абрикосовых кудрей —
И мать его, в морщинах королева
Тевтонских неразбавленных кровей.

Холщовый элин, Хортицы наследник,
Влюбленный в египтянку Таиах,
Здесь жил поэт — всем звездам собеседник,
Ходок с полынной пылью на ногах.

Вот дом его — из корабельной башни
Я вижу бухты синь и Карадаг,
Его застолий ереси и брашна
Мускатным хмелем чую на губах.

Вот рокот Макса — россыпь тамбурина,
Ночной веранды шумная буза...
И всех смуглее — девочка Марина,
Зеленые понтийские глаза.

Она зовет себя веселой пеной,
Играет легким именем морским,
Но дар судьбы, но дар неубиенный,
Как темный материк, молчит за ним.

В руке Марины — искра сердолика
Чуть теплокровней искры серебра...
Густеет ночь и степью пахнет дико
И обещает свежий бриз с утра.

ЧАСЫ

Разноцветных зверей и растенья
Подарил нам июль для любви
И цикады нездешнее пенье
Растворил в разогретой крови.

Слюдяные скрипичные трели
На макушке горячей сосны
Марсианским песком шелестели
И сшивали лоскутные сны.

Хорошо.
Очень близко от моря.
Хвоей пахло и плотью жары.
В шелестящем волны переборе
Таял голос троянской сестры.

Что за имя она говорила,
Отпуская с ладони цикад?
Было солнечно,
Радостно было
День, седьмой... Всю неделю подряд.

Оседая оранжевой пылью
В часовом обоюдном стекле,
Блики атомов времени плыли,
Осыпая цветы на столе...

Что за имя —
Елена, Эллада? —
Тенью бриза ушло над виском?..
Длился полдень созвучья и лада.
На сосне рассыпалась цикада
Летописным троянским песком.

Далеко Генуя,
Но итальянский Сурож
Измерю снова вдоль и поперек,
Крамольный зной... — Не чиркая, прикуришь,
Цигарку ткнув в каленый скальный бок.

Утес граненый,
Каменный клычище
Над Понтом башни фряжские вознес.
Здесь море зеленой лагуны, чище.
Здесь жертвенною силой крут откос.

Зудит кузнечик в охре марсианской,
И ящерки шныряют в щели скал...
Ни генуэзский, ни венецианский
Давным-давно не слышен мадригал.

Червонный звон удачливой торговли
Порос полынью, пылью занесен.
Меняли турки над молельней кровлю,
Сафьяном пуфа оттесняя трон.

Но вслед и крик муллы, святой-бесстыжий,
Ушел в лазурь куда как высоко...
Далеко Генуя,
Венеция чуть ближе...
А ключ заветный с поднебесной крыши,
С откоса булькнув, канул глубоко.

Что есть судьба? Что есть душа? —
Отвека
Бездонный взор тревожных этих слов
Лишает сна и мира человека,
И хлеб себе добывшего, и кров...

Опять в степи моей густеет вечер,
Гнездовья птиц стихают в гуще трав.
Куманский камень-идол, мертв и вечен,
Темнеет, в плечи голову вобрав.

Звезда дрожит, чуть слышно корни дышат,
И ржой веков горчит полынный сок.
Размах небес Писаньем млечным вышит
О том, что мир и проклят, и высок...

И здесь, среди немеренного края,
Его волшбой полночною дыша,
Я лишь одно неодолимо знаю —
Что вправду есть судьба и есть душа.

Осеннее море июльского чище,
Прозрачней, стеклянное и холодней.
Осенней горы золотые глазища
Полны виноградных зернистых огней.

Прохладно и солнечно. Веет мускатом
От грядок кудрявых на спелой горе.
Не быть мне ни юным уже, ни богатым,
Не выиграть мне в муравьиной игре.

Зато мне осталось —
Вспорхнули фазаны
Из рыжей листвы виноградных шпалер,
И солнце взошло ясношеко и рано
На молодцеватый июльский манер.

Осталось —
Еще не остывшее море,
Сентябрьского воздуха мятная плоть
И в синем, чуть-чуть ледовитом просторе,
Горячих молекул золотая шепоть.

Сентябрь в Тавриде. Смоквы пожелтели,
Лиловыми медами налились.
Как отразились в каплевидном теле
Эдема высь и Палестины близь!

Как внятен шепот Ветхого завета,
Простых вещей и связей правота:
Пройдите соль и зной до края лета —
И тихий мед обрящете у рта.

Осенний Крым. Явление благодати.
Шуршит инжирной рощицы листва.
И близко непорочное зачатъе,
И рядом изначальные слова.

МАЯК НА УТЕСЕ

Кучук-ламбатский каменный хаос —
Столпотворенье глыб тысячелетних.
Затейник и игрун не из последних —
Резвившийся над берегом колосс...

Венчает циклопическую прыть
Утес, поросший травами и хвоей,
Но око его, буйное, шальное,
Ни чащам, ни столетьям не сокрыть.

В гранитном смуглом лбу оно горит —
То теплится реликтовой лазурью,
То, блажью переполнясь,
Бычьей, турьей,
Угрозы мечет за далекий Крит,

Буянит о минувших временах,
О вечносиних страждет Дарданеллах
О янычарах, кровожадно смелых,
С глазами, как вино Кара-Чанах,

О жаркопыльных ханских городах,
И шишаке-тюбане,
С минарета
Стенавшем правоверные заветы...
О дымчатой мечети Чатыр-Даг...

И вночь скорбит о терпком прожитом
Циклопье фосфорическое око.
Луна приходит с тюркского Востока,

Но Крым уже просторно и широко
Покрыт казачьим звездчатым шатром...

Светимое — то, что не смеет не сбыться,
Искристые гены движенья и света.
Так белая птица и алая птица
Светимы в полете
Крылатою метой.

Светимое зреет неявно, незримо,
Но росчерк его безошибочно тонок —
Так девушка первенцем тихо светима,
Сама лишь вчера
Загорелый ребенок...

У этого мира и дети, и птицы
Пребудут вовеки в наследственном коде,
Пока в твоих жилах отвага струится
И в душу твою бескорыстие входит.

Светимое —
Память и путь человека,
Нетихая совесть, нелегкая вера.
Единое море варяга и грека,
Дозорной планеты бессонная сфера...

Дочь, горлица,
С душой моею
Неразделимая душа,
Пока живу, я не посмею
Твоим дыханьем не дышать.

Средь перепутий и излучин
Я узнавать не устаю
Моей суровости созвучье —
Мятежность нежную твою.

И если вдруг вспylim,
Поссорясь,
То и тогда, сквозь пыл обид
Я слышу, как пичуга-совесть
В созвучии с моей болит...

ПОД СОЗВЕЗДИЕМ ЛЬВА

Мой львенок,
Цвет золотогривый,
Сиянье августовских дней,
Где полдни спелы, словно сливы,
Где щедрость мира все ясней,

Мой первенец, глядящий зыбко,
Одетый в сонные шелка,
Повитый отчею улыбкой
И женским счастьем молока,

Ты слышишь? —
В полночь кружит небо
Зверей огнистых карусель,
Раскачивая с львиной негой
Судьбу,
Планету,
Колыбель...

Перламутровая табакерка,
Воронцова исламский дворец,

Сарацина скрипучая дверка
В зазеркалье, в изнанку колец.

Мертвый князь с подбородком холеным
С потемневшего смотрит холста,
А над морем волнисто-зеленым
Грань клыка, как и прежде, чиста.

Грань лилового в дымке алмаза,
Мощный свет поднебесной горы
Не спасли от смертельного сглаза,
От разбойничьей в кости игры.

Бесноватая мутная сила
Пронеслась и по эти горам
И Архангела свет-Михаила
На лету обезглавила храм...

Но остался жемчужного цвета
Мавританский поддельный дворец
И на страже вельможного лета
Шесть натруженных львиных сердец.

Здесь под вечер дикарка-голубка
В арабеске стенает резной,
И по-тюркски селенье Алупка
Поминает княгиню с княжной...

Инжир, виноград и гранаты
Над крышами сизых лачуг,
Воздушные крылья пассата
И яркой воды полукруг.

И ты, и Гурзуф мой со мною,
Сентябрьские смоквы желты.

В смешенье прохлады и зноя —
Искренне запретной черты.

Как солнечно дрожь пограничья
Осенних и летних времен,
Как солон Гурзуфа обычай —
Крутой к синеводью уклон!

Как пенны цветные повадки —
Трущобных проулков спираль!..
Гаремные ягоды сладки,
И забран решеткой сераль.

А хан, красношерстою хною
Украшивший жирную грудь,
Пленен моей юной женою
И слюни не в силах сглотнуть.

Продам ли барану-сардару,
Любя, за ушко теребя,
Тебя, лепесток Ренуара,
Гафизову розу, тебя?

Отдам ли красу супостату
За звоны стамбульских кольчуг,
За дерзкий, пурпурней граната
Горящий на солнце, бунчук?

Не уставай, еще прощаться рано,
Еще по веткам ярко-зелен гул.
Могучий сфинкс с лицом Максимильяна
В лазурь залива лапы окунул.

Услышь дыханье этой бухты плавной.
Темны шипы на сфинксовом горбу,

Но свет играет думой своенравной
На каменном высокородном лбу.

Стихи — роса... Едва ль напьется птица.
Но есть магнитный, неизбывный зов.
И если звезды нам не дышат в лица,
Откуда у Завета столько слов?

Останься, не стыдись — прощаться рано.
Кто слышит зов, тот чисто говорит...
Так зорок сфинкс, двойник Максимилиана —
До римских львов,
До львиных пирамид!

Нет, я лежащих слов не понукаю,
Но лишь за летом лето окликаю,
И память то кремниста, то легка,
Как трелями расшатанный скворечник,
Как осенью заласканный орешник,
Как юркий посвист травного зверька...

Там что-то за окном весь день мелькало —
Зеленый трепет желтого овала,
Перемеженье света и листвы,
Зародыш рифмы в дробь светотени,
К веранде три сосновые ступени,
На мокрой грядке крохотные львы.

О карлы, химерические зевы —
Бордовый справа, золотистый слева —
Двоюродные крестники Дали!
В бугристых мордах копошатся пчелы,

И теплый гул медового глагола
Не замолкает в родственной дали...

И что-то дальше там, за дверью, было,
Что улыбалось и кололо мило —
Лучистое виденье существа
С бездомными влюбленными глазами,
С пропущенными начисто азами,
С веселым отреченьем от родства.

За ней тянулся шлейф великолепный
Плеяды мускулисто-раболепной.
Она была опасно хороша
Той красотой — терпкою и странной,
Тревожной, беспокойною, обманной,
Сыгравшей до последнего гроша...

Вот три лица, а может быть, четыре —
Окно прохлады в безвоздушном мире,
Вечерний запах слабого цветка.
Слюда зеркал, ракушечник оброка,
Наследных опасений подоплека
И маленькая с перлами рука.

Нет, я напрасных слов не понукаю,
И если день минувший окликаю,
То ради сна, что в сумерки придет...
Ведь сколько б стол и блюдец ни крутили —
Рассвет ростовщиком приходит или
Кривя усмешкой херувимский рот.

АЛЕКСАНДРУ ГРИНУ

Ветер занавеси клетчатые треплет
За распахнутою дверью у крыльца.

Утра трепет, молодого солнца лепет
У ключиц, у полусонного лица.

Ветер стенами дощатыми играет,
И, качнувшись корабельной плотью, дом
В полудреме угловато уплывает
За магнитный каменистый Меганом.

Киммерия, я плыву — твой гость нечастый, .
Я не плачу об утерянном ключе.
Злюка-ястреб, желтоглазый, голенастый, —
На костлявом капитановом плече.

Киммерия, из лилово-дымной сини
Веет свежестью имбирною зюйд-вест...
Итальянские глаза Карассарини,
Черно-мраморный феодосийский крест...

Хороши арбузы в Кафе на базаре,
Но недолго кофе пакостный хлебать.
Вислоусый обоюдоострый парий
Цепью якорною звякает опять.

Он забросит вновь рябую злую птицу
На костлявое и твёрдое плечо.
Будет то, что волей Божьею случится,
И над хлябью густочерною приснится:
Полдень. Ветрено, лазурно, горячо.

РАПАНА

Пурпура капля, полмира индиго —
Моря и раковины интрига.

Полупрозрачна, нежна и желанна,
В донном песке затаилась рапана.

Соли наростов аляповато
Скрыли в изнанке полоску заката,

Скрыли живые извивы барокко
От водолазова хищного ока...

Лодка — на случай пожарный страховка.
Тенью подводной, скользящую ловко,

На поводках пузырей серебристых —
Горизонтальные аквалангисты.

Я принимаю авоськи с рапанами —
В море, назад, мелюзгу и с изьянами!

Верен обычаю, я агрессивнее
К тем, кто огромное и красивее.

Пальцами рву из спирали моллюска. —
Небо, какому же Богу молюсь я?

Без интеллекта, зубов и пищалей,
Глухонемым защищались пищаньем...

Пурпуром смертным в живот мне стреляли.
Солнце пылало в Эсхилловом зале,

Там, где обрызганный пурпуром дико,
Некто качался на волнах индиго.

Вот он, за пальцем протиснувшись узко.
Взвыл безязыкою болью моллюска...

СРОКИ

Я справочники лакомо листаю —
Фисташка и болотный кипарис
Шесть тысяч лет ветвятся-зеленеют.
Наш путь земной немного покороче...
Когда ж устану попусту роптать,
Когда смирюсь,
Поставьте надо мною
Девичью тонкокорую фисташку
И сумрачный плечистый кипарис...
Хочу я в двух, мне кровных, ипостасях,
В двух кронах, бессловесно говорливых,
Прожить еще хоть шесть тысячелетий,
Из-под ветвей ловя голодным взором
Лимонницу,
Кутящую шесть дней...

Лазурью, сепией, сиеной,
Пещерной охрой золотой
Запечатлю благословенный
Таврийский берег молодой.

Восславлю бронзовым потиром
И детям-внукам откажу
Меж эллинским и скифским миром
Плодоносящую межу —

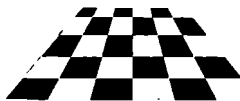
Полоску берега живого
Меж виноградной плотью гор
И плеском вод, где, что ни слово,
То с Одиссеем разговор...

Здесь перламутровы апрели,
Здесь амфоры на зыбком дне

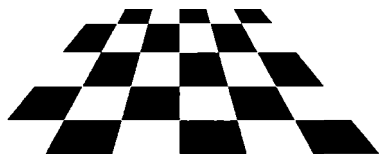
Столетиями семь дней в неделю
Нежны в эпикурейском сне...

Заговоренный полуостров
Над исцеляющей водой,
Твой кипарис шатрово-острый
Увенчан щедрою звездой!

Ты — свиток отраженных русел,
Завет, астральная печать.
И мне любви соленый узел
Не развязать, не разгадать!



Из книги "Во плоти" (1994)



И танцует к Ному. Кто из редких людей эмигранта

Мы ль не призваны, званы не мы ли
Хрипом ворона и петуха?
Век рассыпался лагерной пылью,
Горстью пепла, горою греха.

Да не имут убитые сраму.
Молочай серебрится на рву.
Скорбный храм
И тропа моя к храму... —
Поминаю, молюсь. И живу.

Для жизни духа нет плохих времен,
Как нету для нее времен хороших.
Гончарной глине предназначен обжиг,
Упорный жар со всех шести сторон.

Живущий неизбывно одинок,
И он немей при жизни, чем пристало.
Но тишь читать умеет между строк,
Но музыка — не медный лай кимвала.

Когда признанью не хватает слов,
То это оттого, что слишком много
Их сказано — без права и без Бога,
И смысл бежал из непробудных снов.

В пределе откровенья — тишина.
Она — и звон в крови, и дрожь ресницы.
Когда-нибудь, очнувшись ото сна,
Почувствуешь: яснее пелена.
И заново, в слезах,
Рискнешь родиться.

Огромная славянская страна,
Распластанная шкурою медведя!
Широк тв о й лоб, косматы времена
И мутно-золота полушка меди.

С твоим похмельным привкусом в крови
И мне бродить остаток дней по свету.
Беспутная! На путь благослови
И в эти дни, когда дыханья нету.

Напутствуй и за мать, и за отца
Собольей бровью, нежною и грозной.
В разбойной тьме молитвенность лица —
Вот храм тв о й белый над юдолью косной.

На кручах, на обрывах-берегах
Монастыри предсмертно светлолицы,
И ставший ветром безымянный прах
С небесным ливнем в пахоту ложится.

За эту глину, супесь, чернозем
Держусь полвека думою и сердцем.
Тобою крещены мы. И умрем,
Оплакав твой печальный оком,
Лишь молча усмехнувшись иноверцам...

ДЕБЮТ

За это приходится дырами в шкуре платить,
Короткою жизнью и тысячелетней тщетою...
Но, Боже, как сладко на слове хлеба замесить
И очи промыть родниковой певчей водою!

За это плати опозданием в борьбе и в гульбе
И каждому "здравствуй" — "прощай" отвечай
бестолково.

Соленая трещина на непорочной губе.
О млечное время, небесное первое слово!..

То было зимой, и по городу ель пронесла
Декабрьского леса тяжелые хвойные ветки.
В квартире был сумрак, парили окон зеркала,
И тявкал терьер за стеною у левой соседки.

За стенкою справа невидимый Карпов-сосед
Хрипуче-надсадно боролся с вечернею астмой.
И вспыхнула фраза! — И хода обратного нет
Ни в ясные дни, ни в века канители ненастной.

Минута, секунда... Но разве длиннее судьба?
Тавро золотое на серой обыденной шкуре!
Еловая песня в снегу... Набухают хлеба.
Замешаны здесь — а на Рейне хрустят, на Амуре...

Тополиный пух
Отвитап.
Голубиный дух
Тих и мал.

После ливня бел
Стал жасмин.
Цвел июнь, как пел
Отчий Сын.

Сизари снуют
Подле врат...
Где наш ум и труд? —
Стыдно, брат!

Время набекрень.
Сорван пласт.

Разве птичий день
Зерен даст...

Разве вновь на счет
"Раз, два, три"
К небу свет взойдет
Изнутри...

И продлится Дух,
Тверд и тих,
Как воздушных дуг
Семь цветных.

Лето. Зелень. Храм.
Сизари.
Буду жив — воздам. —
Изнутри...

С окрасом зебры, с тонкостью жирафа,
С павлиньим оком по низу крыла,
Мой парусник летит,
И август Кафы
Колышет у посуды выпела.

Здесь на отшибе, у дворца Стомболи,
У минаретов и узорных стен,
Тихи сады, от моря веет солью,
И зной времен течет без перемен.

Ну разве что купец, хозяин-барин
Не уберег под феской головы... —
На то и век — не больно лучезарен,
Безстыж, разбоек, мерзостей, увя...

Жар неподвижен. Время густо-медно.
От кофия слипаются глаза.
Но суре вслед орнаменты заветны,
И не повсюду сбита бирюза.

Снует мой махаон, цветок летучий,
Мой легкий геральдический зверек.
Когда б не падший взор
Звезды падучей,
И я б летал... Хотя бы между строк.

Жил по-людски я в корявом неангельском мире. —
Солью краюху, золою года посыпал.
И не спешил принимать дважды два за четыре.
Чаще, пожалуй, премудрую чушь забывал.

Право, премногие жали мне правую руку.
Гордость не очень умна, а гордыня — глупа.
Благодарю, как за хлеб, за ворожью науку
И не поставлю злодейских гробов на попа.

Вновь ли трубит приговор кумачовая тройка? —
Веком кирпичным я зренье и рифму вострил.
На каблуке износилась наследства набойка,
Но на два счета зрачок долетит до Курил.

Что там еще пропоет мне сестрица Шекспира?
Был я и нищ, и во сне по-дурацки богат.
Но и над жатвой чумы, и над пахотой пира
Тучи сверкают,
Века омовенья летят.

Есть дарованье — проснувшись, живою водою умыться.
И не седую развить сквозь лета —

Золотистую! — нить.
Сызнова травы цветут, проясняются Троицей лица. —
Легче юдоли запой,
Чем озноб жизнелюбья, избыть.

КИЕВ

Питер мечен костями, Москва — разливанною кровью,
А в Софийской свече оплывает отравленный воск.
Даже если уснешь, подлетает тоска к изголовью
И заточенным клювом голодным впивается в мозг.

Питер — в чаде болот, над Москвою — гульба да сивуха,
А по нищему граду когда-то великих князей
Неспроста протащила клюку и котомку старуха
И прошамкала рваную пастью: “Чекайте вестей...”

Это был белостенный судьбою возвышенный город,
Где над зеленью круч золотились шеломы ворот.
А сегодня змея лихоимства скользнула за ворот,
И никто в нем не чист и по правде никто не живет.

Если б мог я не знать, не любить... Не приклеиться
кровью

К приснопевчим твоим временам, письменам, именам,
Я б не видел в упор проглотившего совесть сословья,
Мне очей бы не ел воровской твой базарный бедлам...

Снова сердце мне рвет едкий запах библейской полыни,
Известковые лики тобой не спасенных детей...
О как зря Иоаннову слову не внемлешь доныне! —
Ибо в нем для тебя откровенье: “Чекайте вестей...”

Если можешь, очнись у черты небывалого мора. —
Снова Бог твой утоплен тобой в почерневшем Днепре.
Покаяния нет. Хруст и рыканье волчьего жора.
И хрипит на кресте воронье о батыйском костре...

Зерно бы только, твердое ядро —
А время сладит мясо протоплазмы.
И высветлит дубленое нутро,
И вылечит от сглаза и от язвы.

Один лишь светлой ереси кристалл,
Молекула нерастворимой соли —
И ты не сгинул, глиною не стал,
Не помешался от тоскливой боли.

Одна крупица соли за душой
Верней в итоге, чем подачка хлеба.
Настанет день для правды:
Мир большой!
И даже над Содомом — бездна неба.

ПРЕДЗИМЬЕ

Муравейник у корня смородины.
А не трону я их, пусть живут —
Муравьи, охранители родины,
Черный труд, коммунальный уют.

Рву я с веток осенние яблоки.
Рано выстужен воздух хмельной.
Ветер гонит по небу кораблики,
Лист несет над тобой, надо мной.

Царским посохом старец швыряется,
Простоокого сына казня. —
И никак этот сглаз не кончается,
Долгий сказ про тебя, про меня.

Кровь боярыни в каине-Павлике.
Вновь убитых в санях повезли.

Стыну я. Мы с тобою — лишь зяблики,
Щеки в гари и очи в пыли...

Залегли мураши под смородину.
Подморожен, хрустит чернозем.
Сизым маревом мачеху-родину
Покрывает отец-окоем.

Стынь в широкой, предзимней обители.
Шельмы жители, а не соврут:
“Ой и вволю мы радости видели —
Труд булыжный, соломенный суд...”

Обнимаю деревья осенние.
Жил бы лучше и я, если б мог...
Спит, под землю уйдя во спасение,
Муравьиный натруженный бог.

БИЛЕТ ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ

Неистребимый ястреба укол,
Зачатье осени... — Гомункулы у школ,
Родительской обласканные тенью.
В негнущихся ботинках пацанва,
Охапки астр и зыбкая канва
Скользящего за кадром оскуденье...

Глаз медиума, крапины крыла. —
Откуда весть благая снизошла
На Богом позабытые пенаты?
Откуда птица — пепел и зола —
Укол зрачка до сердца донесла?
Но и больней, и трепетней: “Куда ты?..”

Туда ли, где и я — тот самый гном,
Одетый гимназическим сукном,
Чей белый воротник пришит неровно?

Туда ли? — Там такой же синий день,
Речь фарисея черкает плетень,
Немалый срок дается мне условно.

Там в рое гномов каждый даровит. —
Художник, лихоимец, сибарит
Надели обувь с чистыми носами.
Щекочет ноздри запах свежих кож,
И мир скорей на школьницу похож,
Чем на вахтера с рыбьими глазами.

Сегодня ровно тридцать девять лет
Со дня, когда заманчивый билет
Вручен мне вкупе с пестрым хороводом.
И, если вдруг скользнет по строю свет —
Далече все, а четверти уж нет
Под пьющим душу ярким небосводом...

Немыслимо! Я тыщу лет живу —
По сути. Сорок с гаком — наяву.
Но я есть я как будто лишь отчасти.
Во мне вся блажь той праздничной толпы:
Те — ум и совесть, выпуклые лбы,
Те просто пьют, а та поет о счастье...

Там ястреб сойку в воздухе добыл,
Там ревность, лом цветной и гола пыл,
Куренье плюс иные криминалы.
День проползет, промчится сорок лет. —
Затем ли, чтоб еще один атлет,
Сопя надсадно, втиснулся в анналы?..

Должно быть, есть сермяжный некий смысл
В том, что сентябрьский воздух свеже-кисл,
Как яблоко, но никогда не сладок.
И ястреб — чист и зол — неистребим,
И кто любим, тот часто не храним,
Поскольку мы рабы своих повадок...

Не ностальгия — роздых на пути.
Лети же, птица хлесткая, свети
Пронзительным патрицианским оком.
Но тем же небом воротясь назад,
Верни иной, чуть потеплевший взгляд. —
Я жил и мало верить стал упрекам.

Кто мы с тобой, чтоб уповать на завтра?
Не в нашей власти даже беглый миг.
Гадая, ты лепечешь: "Уно, кватро..."
Но Тот, кто знает срок, скрывает лик.

На арамейском, греческом, латыни
Слова Его властительно просты:
"От млечной глины к погребальной глине
Отмерен путь.
И эта мера — ты".

Идущие землей — не властелины,
Заложники ухабов и канав.
Слова их мед, но их дела полынны.
И жжет им губы горечь сорных трав.

И мы с тобой всю жизнь учились счету,
Но нам не хватит пальцев на руке,
Чтоб оценить бесплодную заботу,
Наследство, что всегда дается моту,
Прощальный сон о детском молоке...

НАД ШАХТАМИ

Донцом рассеченный полуденный Кряж!
Я знаю преданья твои родовые —

У края провала цветы полевые,
И горький огонь поминающих чаш...

Но вот уже шрамы овражной земли
Июнь затянул молодую травой,
И над уцелевшей моей головою
Терновника ветки опять зацвели.

Над скопом хибар, где хворают отцы,
Где матери рвут сыromятную жилу,
Трущобное солнце детей оживило,
И прятко на грядке взошли огурцы.

И бабки под окнами — легче мышат...
Похоже — еще нас со света не сжили
Безбожные фабрики кривды и пыли,
Державные логова угольных шахт.

И солнце над скверной —
Вот замысла суть,
Которому нету земного названья.
И с неба сегодня не слышно признанья,
Что каждый уставший успеет уснуть...

Вырастают деревья и форму пространства меняют,
И уже не узнать обветшавшие за год дома.
И поспешные грозы веселую грусть проливают
На кирпичные улы, на каменные терема.

Зеленеют, блистают, густеют блаженные купы.
Как люблю я ветвей простодушную щедрую плоть!
Пусть уж чаша моя будет мискою нищего супа,
Только б снова дарил эти майские грозы Господь.

Только б снова омыл эти липы сверкающий ливень.
Вот стихает гроза. — Словно страсть, опадает вода...
И оттаял под сердцем
Зимы мастодонтовый бивень,
И почуял я вновь, как по жилам струится звезда.

Но так короток май и так смертны веселые грозы!
Тает юное время каштановых зыбких свечей,
И летят лепестки, — белизна с алой каплей угрозы, —
Шелухой опадают — ненужною, серой, ничьей...

Есть небесная суть, справедливая высшая сила,
Что по зоркости глаз и по имени нас нарекла... —
В ослепительный май, в глухоту декабрей пригласила,
И ветвей подвенечных,
И жизни не вечной дала...

Изранит суховей нелживые уста,
И Симон лишь траву из моря выймет сетью.
Но каторжник Роден, творя свои врата,
До смерти гнет хребет над глиною и медью.

Ни красноперых рыб, ни бронзовых людей —
Скольженье чешуи и вероломных взоров...
Как плавно входит бес в божественных детей
Сквозь рыхлые уста досужих разговоров!

На грани не пропасть, по лезвию пройти —
Вот скомканный чертеж любвеобильной жизни.
Узнаешь ли себя на всем былом пути,
Когда настанет час последней укоризне?

Ведь книга ни строкой не начата еще.
И где он, опий слов, развеянный беспутно?

В стекле июльский свет дробится горячо.
И стыдно жизнь забыть.
И вспомнить — душно, трудно...

И вот когда опять июнь настанет,
Качнусь на юг, ка Дон, Днипро и Волга,
Как пестрая ватага казаков
С варяжскими бунчужными чубами,
С клейменными ворожей сталью лбами,
С пурпурными хвостами бунчуков...
Что кровь моя? — Накоплена по капле
Из кринов сладких да лиманов горьких,
Из ливней материнских, отчих рек...
И потому, когда июнь приходит,
Мне жилы рвет тугих потоков память —
Сама судьба в седло меня бросает,
Ремень подпруги жадно затянув.
И сагайдак мне дарит Сагайдачный,
И в грудь вонзает твёрдые глаза.
И вот, скольжу дугой меридиана,
Лечу в огромном сне, все ускоряясь,
По зову рода, по магниту крови —
Чумацким Шляхом, муравой шелковой
Спешу на юг с тоской неодолимой,
Настоянной на соли и меду...
И слышу счастья смертную дуду,
Все помню, все. И наяву иду.

ШПАЖНИК

Теплые дни умываются щедро дождями,
Вволю смородины будет, малины — на диво.
Но отчего-то июньскими этими днями
Шпажника жду я особенно нетерпеливо.

Встань во весь рост гладиаторский,
Встань, гладиолус.
Шпажный клинок,
От рожденья до смерти свободный,
Алого цвета
Бесстрашный и искренний голос,
"Ствол кипариса —
Прямой и простой,
Благородный".

У ПОРТРЕТА

Я не люблю в пейзаже человека
И каюсь пред Создателем моим
В том, что его трудов дитя-калека
Глаза мне ест,
Как погорельцу дым...

Мне родственнее кроткая природа,
Прохладное молчание листвы —
Без жадного дыханья сумасброда,
Без суетных стенаний и молвы.

Но мне, кто грешен сам, совсем негоже
Раздаривать попреки-имена...
Вот старый холст — на темной его коже
Так свеж знакомый облик у окна!

Когда мне с венецийского портрета
Вдруг брызнет синь совсем дочерних глаз,
Во мне досады на земное нету —
Я склонен верить длящемуся свету,
Я помню — мы живем
Не в первый раз...

Бледно-лиловые астры в сумраке стылого сада
Светят над черной землею после тяжелых дождей.
Ярко-оранжевым ядом брызжут календул лампы.
Холодно, пусто. Часами нет ни собак, ни людей

В этих посадках старинных...
Только корявые лики
Разнорабочих деревьев, яблонь, черешен и слив,
Не покидают усадьбы. Да рассыпаются крики
Соек, снующих повсюду в поиске скудных пожив.

Полупрозрачные астры не по-сентябрьски озябли.
Рано повеяло стужей и соловецким вином.
Хлопнем по шкалику, братец, выпьем еще по три капли
И угловатые грабли в теплые лапы возьмем.

Вот и еще одна осень, палой листвы погребенье.
Листья становятся дымом, запахом и забытьем.
А в глубине, за ветвями, — близко-далекие тени:
Словно вчера еще,
В детстве по листопаду идем...

Не переделаешь себя. —
Согнешь — смешно. Сломаешь — больно.
Темны пути, грешны, окольны...
Послушай: и того довольно,
Коль сгинешь, все еще любя

Дочерний взор, запястий млеко
Зимою...
Мяту летних плеч...
Иль эту сбивчивую речь,
Строптивицу, полукалеку,

Которую не уберечь
Потом, оттуда...

ЗАЧАТЬЕ ОСЕНИ

Зыбкое солнце. Прохлада с утра.
Гроздей с вином накопила гора.

Троица диких лесных голубей
Прянула к югу, где дни голубей.

Ласточки ладятся в дальний отлет.
Вдруг и меня кто-нибудь позовет,

Вдруг кто-нибудь из такого же дня
Через пространство услышит меня...

Тихо. И могут дойти голоса —
Я ведь встречал, узнавая, глаза,

В радужно-карем и в синем ловил
Отблески космогонических сил.

Вот я вдохну — выдыхают они,
Те, кто парит в паутинные дни,

Те, кто реальней, чем света игра...
Желто-черна мусульманка-гора.

Вечеру время и осени срок.
И до конца не дочитан урок...

За себя не боюсь, но за малых моих, но за присных
Неспокойна душа, все болит среди ночи душа.
Я глотаю вино на сосновых, на глиняных тризнах.
Это сверстник опять в одночасье уходит, спеша...

И глотаю, давясь, злое зелье на нищих поминках.
Два гвоздя, две слезы да два слова поспешные вслед...
Смяты травы добра на горбатых, ничейных суглинках,
Чертов сполох крикливо топорщит разбойничий цвет.

За себя не страшусь, но за них — угловатое племя,
За оставшихся здесь, среди смуты, глазастых детей —
Не клянущ тебя, век, но прошу тебя, вздорное время:
Дрогни волчьей губою и юную кровь пожалей.

Ибо даже и зверю, и камню судилось понятие,
Что ниспосланы чада, ягнята, птенцы и щенки
Для того, чтоб над каинством выросли ясени-братья,
Чтоб свершалось свечение млечной девичьей щеки.

И не стану я клясть косоротое хищное время,
Ибо все-таки смерть оставляет живущих живей!
Но лишь звуком, развеянным в воздухе,
вздрагну над теми,

Для кого на земле —
Светопад, первоцвет, снеговей...

Когда все звонче яблок мясо,
Все ближе летних дней исход,
В лазури яблочного Спаса
Заметен бликов хоровод.

Подобно звукам Амадея
Они в гармонии слиты.
Великодушна их идея
Одушевления пустоты.

Священнодействие возможно
Смиренномудрию вослед.
Легко, легко, лишь чуть тревожно
Дробится августовский свет,

Как будто крохотная йота,
Прозрачнокрылая пчела,
Искала в воздухе кого-то,
Не дозвалась и не нашла,

Как будто время расставанья
Еще не завтра, а потом...
Как будто Моцарт чуткой дланью
Согрел бокал с другим вином...

ПОЙДЕМ ПО ЛЕСУ

Так дочка мне мила в своей задорной кепке.
Да я ли начинал мечтой про пацана?..
Десятый наш октябрь листвою пахнет крепко.
Дымят его костры,
Но высь его ясна.

Уход мой поутру и мой приход вечерний
Давно осенены свеченьем русских кос.
И все пытливей взор взрослеющий дочерний,
Все чаще о былом и будущем вопрос.

Пойдем, посмотрим, дочь, на солнечную осень,
На желтые шатры,
Кленовые ковры.

И спросим у листвы, у темных веток спросим
Про вещи стихи несуетной поры.

Порхает клена лист и кружит по спирали,
И тычется к земле багряным черешком...
Пока теплыню дни светиться не устали,
Пойдем по лесу, дочь, по осени — пешком.

По влажно-золотым развалам лесопарка,
Который — сущий лес для горожан и птиц,
По октябрю пойдем, где даже в куртке жарко,
Где ярок встречный круг велосипедных спиц...

Где школьницы везут кленовые букеты,
По мягким побредем, по лисьим рунам, дочь.
Там меж резных дубов стучат-шуршат секреты,
Как желудевым сном всю зиму превозмочь...

ГОНЕЦ ОТ КОЧУБЕЯ

Мне только пять.
И я еще не выше
Тележного кривого колеса.
Сестрица-жизнь с улыбкою бесстыжей
Еще не заглянула мне в глаза.

Еще "Полтаву" я не сам читаю,
А голос деда, высветлен и тих,
Казацкую обиду поминая,
Поет с печалью благолепный стих.

И не сверчковой музыкой унылой,
Но книгою наследной о былом
Захвачен я. —
Ночная степь укрыла
Коня гнедого с месяцем-челом...

“Кто при звездах и при луне” — струится
Из стариковских полнозвучных уст.
А за окном вздыхает полночь-птица,
Колышет сада ярко-черный куст...

“Зачем он шапкой дорожит?” — я слышу
И глажу книги стертую парчу...
Мне — пять. Еще я стремени не выше.
Но я скачу,
Но, видит Бог, — лечу...

Деревянные перила, деревянные террасы,
Деревянные ступени грустным голосом поют,
Ибо время все бездушной год от года, час от часа
Перемалывает в пепел перепончатый уют.

И зернистый, и слоистый, искры смол живородящий,
Плыл наследный дом сосновый, зыбок и одушевлен.
В летнем коконе веранды, в древесине говорящей
Перламутровую жилкой трепетал легчайший сон.

Были в сетке переплета разноцветны ромбы стекол,
Терем склеен был из хвои и стрекозьего крыла...
Кто звенел там чайной ложкой, кто орех щипцами
шелкал?
Чья беседа по овалу вокруг столешницы текла?

Кто там, в платье светло-синем, загорелыми руками
Над фамильною посудой рано утром ворожил?
Кто входил, ступая грузно, великаными шагами?
Я один сегодня помню, кто до смерти в доме жил...

Я один на свете вижу те сосновые ступени.
На веранде — капли воска, брызги битого стекла...

И в саду, давно ничейном, холодны дерев колени,
И записка поминанья одинока и бела...

Что ты лепечешь, тишайшая речка? —
Это о ней, о душе человеческой.

Птицею вскрикнул ракитник уснувший —
Это про нашу бессонную душу...

Травы живые, русалочки воды,
Исповедальные очи природы,

Ночью от смятого изголовья
К вам отлетают наши любви.

Вы затаили, лилейная тайна,
Белую юность багрового Каина.

То, что в стихе не сбылось, не пропелось,
Вас осенило, озерная светлость.

Мудрых лесов инфракрасные совы
Выловят мышь ускользнувшего слова,

Букву склюет, серебристую мошку,
Маленький гений в дерюжке — соловушка.

И запоем мы — и зов наш безгрешен
В девичьих рощах воздушных орешин.

ЛАДА

Как славно улыбается собака,
Восточноевропейская овчарка!

Хоть эта раса очень схожа с волком,
И морды их — ну, на одно лицо...

Как честно улыбается собака,
Чистейшего чепрачного окраса, —
Приветливая преданная Лада
На стройных золотящихся ногах!

Как умно улыбается собака,
С клыков язык потешно свесив набок!
Ее глаза доверием лучатся
И многое умеют говорить...

И говорят они: "Я понимаю
Не только "Фас, апорт, вперед и рядом" —
Мне ведомо еще совсем иное...
Но главное, я очень вас люблю!

А ведома мне времени жестокость —
Всего десяток лет живут собаки,
И хворую дряхлеющую суку
Хозяевам в квартире не стерпеть.

И потому приходит мрачный доктор
И в душном "черном вороне" казенном
Смердящую от хвори животину
Увозит по науке усыплять...

Как мудро то, что в школе будут дети,
К которым я за долгий век привыкла.
И ваш укол иглой стальной гуманной... —
Конечно, мудр...
Я очень вас люблю".

В мае гремело,
И пахли нарциссы
Вслед за грозой и пряно, и резко.
Ветер с тетрадей сдувал биссектрисы,
Влажный сквозняк развевал занавески.

Май взбеленялся и веял страстями,
Будто бы стеблями — прямо из сада...
Что-то цвело в этот месяц над нами,
Что называть и грешно, и не надо.

Я и теперь, убоясь суесловья,
Неабсолютным, неподлинным звуком
Не назову наши взоры любовью,
Солнце и дождь и фрамуги со стуком...

Не назову твое давнее имя —
Истинней то, что летуче-воздушно.
Ливни стихали, а небо за ними
Радужно было и великодушно.

Парты-галеры,
Зрачок директрисы...
Наши крамольно сплетенные руки...
Белые, в зелени мокрой, нарциссы.
Свежесть грозы над соломой науки.

Донец, шафранный август, зноя спелость.
Неодолимый солнечный запой.
Там напролет все дни бродить хотелось
Песчаною прибрежною тропой.

Там пахла ночь русалочьей водою,
Темны и тяжки были всплески рыб.
И ты была столь ярко молодою,
Что мне казалось — я навек погиб...

Во тьме на берегу костры горели,
И таял дым над заводью речной.
Ужель все было? И ушло ужели?
Горчит вино неясною виной...

Где ж эта лодка, лунная дорога,
Прохлада рук и крови тяжкий зной?
Та юность лишь предчувствовала Бога...
Но, ангел Божий,
Ты была со мной!

21 ИЮЛЯ 1993 Г.

С милыми сердцу Ириной, Еленой,
С нунцием папским и юношей Ю
Над яркоструйной, индиговой, пенной,
Над карасанскою бухтой парю.

Нунций чуть лыс и зовется Эрмано.
Как ни крестись — а двоюродный брат...
О мой лиловый, сиреневый! Рано
В душу я взял аромат ваш и яд.

Вздымем по склянке пурпурного зелья
И на чужих поострим языках.
Впрочем, случайно и кратко веселье —
Не захмелеть и синице в руках...

Боже, земная мне кровней обитель,
Но в облаках улыбнись обо мне!

Вряд ли воитель, лишь искры хранитель,
Выпью и в волны войду при луне.

Савонарола грохочет за рошей —
Метящий время полночный прибой...
Звезды все колче, столетье все плеще..
Отче! И все же призри мои мощи,
Дай еще миг —
Объясниться с собой.

КИММЕРИЯ

Здесь волны шепчут имя Пифагора,
Шуршат: "Анаксимандр, аквамарин..."
Здесь нету слов для жалоб и укора,
И круг пространства-времени един.

И этот круг, живая эта сфера,
Верней — взаимопрониканье сфер,
Искрят то алой альфой Гомера,
То опереньем весельных галер.

Так детородно Понта колыханье,
Так страстен стон волнующихся вод!
О, выслушай еще одно признание
И продолжай свой кесарийский ход,

Клочок земли с налетом перламутра;
Где целый век в виду холмистых гряд
Встречаю я аттическое утро
И провожаю варварский закат!

И если б каплю пурпура для тоги
Сумел я здесь добыть, залетный росс,
Да видят беломраморные боги —
И я свернул бы с каменной дороги,
И я бы в эту охру с хрустом врос...

Просторней, солнечней, смуглее
Мои наследные края.
А там, где плакал Пауль Клее,
Туманом напивался я.

От града Нюрнберга до Кельна
Цветна туманов полоса.
Довольно, Грета, о довольно! —
Вино и яд — твои глаза.

Горчит и жжется, Маргарита,
Тобой надпитая судьба.
Реторта и купель разбиты.
Больна бесплодьем ворожба.

У острокровельного дома
Тропа не в силах повернуть...
Могло случиться по-иному,
Но в тигле не вскипела ртуть.

Но рыхлый философский камень,
Скупой алхимии завет
Взметнули только сизый пламень,
Не алый, нет. — И чуда нет.

И вся ты — даль. Ты чужедушна.
Надменные твои уста
Нежны сегодня и послушны —
А нет на них любви креста...

И нет крыла на нашей встрече.
Герани Альбрехта красны.
Молись, строптивый человеке,
У алтаря чужой страны.

Глотай прощальней и смелее
И хмель, и воздух бытия.
Но там, где плакал Пауль Клее,
Там одинока тень твоя...

ВИНОДЕЛИЕ

В полночь булькает баллон,
Начиненный изабеллой.
Светосилой ночи белой
В угол кухни загнан сон.

Тих и чист ночной ноябрь,
Снегом пахнет сквозь фрамугу.
Напишу страницу другу
Безбоязненно, как встарь.

Из взаимной тишины
Объявлюсь, не обвиняя,
В окликании не зная
Ни обиды, ни вины.

Напишу десяток фраз —
Как в стекле, у батареи,
Изабелла,
Пенясь, зрея,
К стуже вызреет как раз...

Как чуть слышный винный дух,
Отдающий медом бортней,
Молодой, предновогодний,
Слит со свежестью фрамуг...

*Пламенистый параллелограмм...
В. Набоков*

Здесь облик Баха тучен в темной раме,
А там — деревья снежны за окном.
И в пламенистом параллелограмме
Сквозь иней стекло
Весть влетает в дом

О том, что в белых ветках — пенье взмаха,
Что ноты вертикалей так чисты!
Нет в музыке прижизненного страха,
А есть морозный воздух высоты.

Мы не похожи на свои портреты,
Едва ль похожи на своих детей.
Огнистый ромб — летучий сколок света,
И он — из стаи памятных вестей:

О небе Иоганна Себастьяна,
О вздохе неразгаданной души,
О том, что жизнь цветна, а смерть обманна,
Что до и после все лучисто-странно
И в кирхе Баха звонки витражи...

ТАМ, НА РЕЙНЕ

О, как мне хочется на круче Рейна встать!
Я не напился воли и рейнвейна.
В миру смирен почти благоговейно,
Сам для себя обидчик я и тать.

Пусти меня, постылая, туда,
Судьба моя, косматая овчарка!
Мне на морозе и в рубахе жарко —
Душны твои лишайные стада.

Не заклинай — я все равно уйду
Под глину, в облака или под воду.
Уйду — я чужд и трудному народу,
И сонному народному труду.

Но с каждым словом на губах ясней
Зола и соль... И мне крови тягучей
Не отворить над златокрылой кручей,
Не исцелиться до скончанья дней...

Как будто вечный крест наш и завет —
Отдать себя десятому закланью...
Нет, не умнеет и не верит знанью
Душа, в которой слиты тьма и свет.

И ты смолчи — я все равно вернусь,
Чтоб от пурги замерзнуть и обиды.
А там, над Рейном, не подам я вида,
Как грусть твоя смертельна... —
Лета, Русь...

Не знаю ничего.
А то, что знал, забыл.
И слову своему, ни одному, не верю...
Земная речь моя не напряжет ветрил,
А небо ни числом, ни схимой не измерю.

Свой путь не объясню.
Но, чем упорней рвусь
К надменной глубине, тем более теряю
Опору бытия: плоть-радость, душу-грусть...
Тем ближе у виска черноголосье грая.

Прости, моя судьба, —
Мне мало от тебя

И дружества вина, и скудной ласки хлеба.
Гордыня ль в никуда меня ведет, губя,
Иль к строгим алтарям хранительница-треба?

ЕРЕСИАРШИЕ ПРУДЫ

Одним не скудеешь, нагая земля,
Под ветром, под взмахами плети —
Светящейся плотью... — Родят и поля,
И девы, вчерашние дети.

Державным железом, вахлацким ножом
Столетия тебя привечали.
Но тошим коржом, горевым куражом
Жила — избывала печали.

Над осенью Ересиарших прудов,
Над золото-черною тишью,
Над палой листвою предзимних садов
Вдыхаю твое чернокнижье.

И в зыбком узоре озябших ветвей,
В прощальном шуршанье кармина
Мне брезжит свечение сути твоей,
Монаршьей твоей сердцевины...

Одним не скудеешь — за пагубой свар
Краса все блаженной родится. —
Оброк одоления, ереси дар
Голубишь во чреве, царица!

По Ересиаршим, лишь сердцу слышна,
Пройдешь ты легко, Берегиня.

Во взоре — осеннее небо без дна,
И грешные губы в малине...

Что-то было и есть, и пребудет со мной,
Что накликало солнцем, землей и луной -

Прорасту и листьями, ветвями шепну
Про орешника сны, про корней тишину...

А иначе зачем же, не зная конца,
Кличет это во мне — как о ветре пыльца,

Как о травах суглинок, о гнездах трава,
Как о небе хрустальная птичья молва?..

Что-то было со мною за тридевять эр,
Когда рык породил горделивое “эр”,

И легчайший изменчивый лик мотылька
Сеял великолепные “эли” и “ка”...

Это было тогда, и, умножившись, есть,
Только эха имен не дано мне прочесть...

Но дано мне пройти вдоль заросшей межи. —
Вон двухлетний мальчишка смеется, бежит,

В белом платье, за ним — загорелая мать...
Оглянусь,
Чтобы снова полмира понять.

И за Каином вслед Святополк,
С волчьим взором,

С ухмылкою лиса,
Брата Глеба и брата Бориса
Окаянным железом посек.

Острый отблеск качнул купола —
Брызнул вишнею жемчуг на митре...
Захлебнулся царевич Димитрий,
И слеза его землю прожгла.

Ала кровь его в супесь вошла,
Не растаяв,
Зерном округлилась.
А что семенем тем породилось,
И доныне-то Русь не сочла...

И все рыщет юродивый тот,
Кычет рваной, дырявой гортанью,
Как в последнем ордынском тумане,
Царедетоубийство грядет...

ПЕЧЕНЕЖСКОЕ МОРЕ

Меж кромкой вод и кручею иду
Через пространство ласточек снующих,
Облюбовавших глину берегов
Для сотен гнезд.
Их стаи неустанны —
Они и средь кривых корней сосны,
Подмытых прошлогодним половодьем,
Снуют, ныряют в родовые норы,
На корневищах вислых отдыхают...
А узкая песчаная тропа
Меж охрою пещерного гнездовья
И небом, отразившимся в воде,
Ведет меня все дальше вдоль обрыва —
Туда, где зелень хвой береговых

Становится туманной, сине-сизой...
Какой простор! —
Земля, вода и солнце
Породнены властительным покоем
И легким летом броуновских птиц.
Как ясно дышит время —
На кордоне,
На стыке печенег, Руси, кипчаков
Приостановлен Северский Донец,
И море в добрых сорок километров
Зовется Печенежским...
Долог путь —
Над головою зной столетий веет.
А глупая бездомная бутылка,
Сознание потерявшая в песке,
Не в силах это чувство обескрылить...
Чуть слышный ветер овеивает сосны,
И вдоль лучей, полетных трасс касаток,
Так несомненно мира разбеганье!
Так явственно пространство —
Вширь и ввысь!
А за кремлями круч желто-зеленых,
За древней вспоминающей водою,
За полногрудой мощью окоема
Так видима
Пронизанная солнцем,
Огромная, просторная страна!

Я доныне —
Руси и Батыя
Лубяной сыромятный солдат.
И секретные совы седые
Из глазниц моих мрачно глядят.

Здесь, в родимой сермяжной державе,
В заповеднике хищных вождей,
До сих пор я отречься не вправе
От чужих мутноглазых затей.

Потому,
Что не вышел из строя,
Сам прилюдно себя не казнил... —
А, что сам я не сделал с собою,
Приняв душу кривой и рябою,
То со мной волчий век сотворил...

ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА

(из Миколы Зерова)

Благообразный Иосиф...

Аримафеи житель благочинный
И тайный Иисуса ученик
К руке, гвоздем израненной, приник
И плоть Господню в пелену кончины

Повил... И солнце черное кручины
Явило Иудее грозный лик
Как знак того, что для людей и книг
Настал великий миг первопричины.

И с тихим плачем ночь сошла на сад —
Кресты и холм, и стражников отряд, —
Все спит, объято густо-синей мглою.

И, призрачны, с поникшей головой,
Пронесут жены дар печальный свой —
Душистый нард и мирру, и алоэ.

Время выпито. Крыса Тиберий
Сладострастным удушен платком.
В полумертвые очи империи
Ветер севера хлещет песком.

Ветер пагубы сыплет в глазницы
Черно-желтый червивый песок.
Вспыхнет полночь — гроза разразится,
Синим пламенем срезав висок.

Хрип Калигулы, клекот Нерона...
Ливень стихнет — никто не забыт.
Ночь нежна — ни клинкового звона,
Ни любовного стоны навзрыд.

Это длится протяжное время.
Пахнет долгом доспех вороной,
Но пространство в соитии с теми,
Кто бессмертному ливню родной.

Но и им, кто летит легконогого,
В ком стихия звучанья вольна,
Не дана привилегия Бога —
Времена, тяготение дна...

Ни шумеры, ни Рим, ни сегодня
Настоящих не скажут имен.
Письмена и слова — только сводня.
Посвященный — смолчать обречен.

КВЕДЛИНБУРГ

Там скупое, пасмурно-тепло
Апрель восходит осторожный,
И тучный коршун тяжело
Взлетает с груши придорожной.

И чтя воскресный перекур
Медноголосием обедни,
Всплывает город Кведлинбург,
Нетронуту тысячелетний.

Под краппом, охрой черепиц
Дубоворебрые фахверки —
Плеяды угловатых птиц,
Всегда готовые к поверке -

Укрыли в жилистой душе
Седого долга разуменье
О несогбенном палаше,
О Лютеровой грузной тени...

Там, как музейный арбалет,
Глядящий в око иностранца,
Строга премудрость тыщи лет
Под серой чешуею сланца.

Но замок с княжеской горы,
Когда-то лютый и богатый,
На смену в правилах игры
Глядит теперь подслеповато...

И солнце, пристальный хирург,
В бельмо вонзает луч летучий. —
И отвечает Кведлинбург:
“Герр доктор, лучше, право, лучше...”

Так редко можно видеть суть до дна.
Желанье горячо, по-детски жадно.
А глубь, коль и не всякий раз темна,
То неизменно —
Царственно прохладна.

Огонь искрил по сердцу и челу,
Но, сотый раз в порыве обжигаясь,
Я стал намного бережней к теплу —
И не клянусь,
И молчаливей каюсь.

Горит от Моисея купина,
Но пламя рвется и речет неладно.
У истины есть имя — тишина,
Она же — глубь,
Что царственно прохладна.

Булыжная глушь — тупиков катакомбы,
Проулков тряпье — заскорузлость извилин,
Реклам допотопных квадраты и ромбы,
Лупатых часов металлический филин...

Все это — тот город, где странно и смутно
Сновала твоя угловатая юность,
Любить не умея, взрослея подспудно,
В батрацкой одежде бездомно сутулясь...

Но миру ненужные — небом любимы.
С апрелем душа неизменно светлела.
Как пряны весною фабричные дымы,
Как звонки стрижей быстротелые стрелы!

Опять лиловела столетняя копоть,
То яблоком пахло, то влагой фиалки.
И новой листвы целомудренный коготь
Светил потаенней, нежнее весталки.

И в воздухе веяло вольно, раскольно.
Дышалось так смело и разом тревожно.

Что двух разоренных церквей колокольни
Над городом плоским парили безбожно.

И в думы крылатое что-то входило.
И залит был город без края, без меры... —
Бурливым ли хмелем апреля-кутилы?
Живой ли водой
Нескончаемой веры?..

Заросший пруд и селезень зеленый,
Разбрызгавший по крыльям изумруд. —
Над тихой ряской, над водою сонной
Утиные супружества снуют.

То — снова тягой продолженья рода
Охвачена пернатая весна,
И перезимовавшая природа
Легко хмельна и благостно ясна.

Апрель, тепло.
И все, кто выжил, живы.
Скворец, взлетая, чуть качнул ольху.
И светятся две вековые ивы
В нежно-зеленом солнечном пуху.

Ливень июльский утих. —
В старом плодовом саду
Лесом запахло грибным.
В зелени после дождя
Дышит хронометр живой:
Падают капли секунд
С лиственных желобков.

Чмокнуло, в почву упав,
Спелое яблоко. —
Час.

Над олеандром парусник проплыл,
Едва глотнув от розового яда.
В час предвечерний первая прохлада
Уже коснулась лепестковых крыл.

На волнорезе дует свежий бриз,
А здесь, на плавном склоне, чуть повыше,
Здесь — гуще зной, томительнее, тише,
И хмелем истекает кипарис.

Здесь веет крымских пиний благодать.
И этих смол, горячих веток, глины —
Не откупить за гривны и полтины,
У нищего счастливец не отнять.

Живи — ведь снова парусник снует
Над выбеленной зеленью оливы.
И тот, чьи сестры-ветви легкогивы,
Чьи крестники летучие игривы,
Тот — видят боги — не сейчас умрет!

В ЗНОЕ

Пятница нынче. Число 23-е.
Плавится солнце и каплет с небес.
Сна византийские знойные сети
Тысячелетию сплел базилевс.

Там, в васильковом зрачке василиска,
Властно и выпукло отражено

То, что замедленно, смутно, неблизко,
То, что прошло, но уйти не должно.

Полночь — вот время магической лени.
Кант начинается в лунной тени,
И Амадея нездешнее пенье
Ночи, пропитанной лавром, сродни...

Но иногда в златояром расплаве
Понт, бирюзовым набычась зрачком,
Явью блеснет о трагической славе. —
Вспрянет столетье и рухнет ничком.

И вот тогда в раскаленном потоке,
В белом зените июльского дня
Родственный некто, громадный, жестокий,
Глиняноликий, сапфировоокий,
Голосом треснувшим спросит меня...

ЛОВЛЯ

Здесь влажному ветру склоняются плавно
Дремучие плавни, дремотные плавни,
И чубом бунчужным, лиловей, чем ирис,
Играет певучий казачий папирус.
Здесь тайные ямы азовских лиманов
Укрыли плечистых сомов-уркаганов,
И стонут обжорливой свадьбой сазаньей
Прогретые отмели знойной Кубани.
Азартная ловля, свирепая ловля —
Младенческий век, тростниковая кровля,
Истертые весла, смоленая лодка,
Курень камышовый, дымящийся кротко
На том берегу, где ракушечьи души
Спрессованы в хрупкую желтую сушу...
Здесь сладкие связки просоленной рыбы
И снасти рыбацкие колом и дыбом,
Здесь сам чешуей обрастаешь за месяц

Вдали от забытых петляющих лестниц.
Шептало паучье премудрое племя,
Что в клейком пространстве запуталось время...
Но над циферблатом лимана кружили
Парящего коршуна чуткие крылья...

* * *

Здесь, сейчас или где-то, когда-то,
Неприветливый, скаредный мир,
Ты полюбишь меня, словно брата,
А отнюдь не настройщика лир.

Ты окликнешь меня, малoverный,
И взволнованнокровной рукой
Пыль сметёшь равнодушья и скверны
С давней книги...
И там, за рекой,

Я опять опущусь на поляну,
Мертвым птицам вернув голоса.
Это будет не поздно, не рано...
И, персты вынимая из раны,
Лишь на миг отведёшь ты глаза.

* * *

О солнце с ветром, радостная смесь!
Так жадно молоко кобылье с кровью,
Волчище жёлтый, не глотал Бату,
Как я вдыхаю в юности и днесь,
Обряжен в шкуру сивую воловью, —
Напиток этот — волю, красоту
И дерзкую, стокрылую надежду.
О, лейся, солнце, бей мне, ветер, в вежды!
Да сломит свет погибели черту!

ПОРЫВ СТУЖИ

Ветер студеный шальной налетел,
Наколотил яснобоких каштанов. —
Светятся россыпи глянцевого тел,
Словно плоды марсианских баштанов.

Ветер внезапный, богемная блажь,
Дерзостным холодом брызжет на листья,
В охру макает лохматые кисти,
Про семиколерный свищет витраж.

Кличет, бродяга, предчувствует пир
И багреца, и кармина, и злата,
Где в ледяной завихряется мир
Все, чем предсмертная осень богата...

Травы покроеет студеной тишь,
Остекленеют до Пасхи лягушки.
Заиндевелых каштанов игрушки
Стащит в нору острозубая мышь...

У ОВРАГА

Замерз, обнищал и в сугробе оглох
Февральский потрепанный чертополох —

Овражное семя, разбойный цветок,
Колючей кусачей материи клочок.

Набил снеговой буерака мошну.
Чешуйчатый шарик в руке разомну —

Мочаленый сивоголовый будяк
Щепоткою зерни осыплет за так...

Папаху лиловую август смахнул,
Но снится всю зиму малиновый гул,

Но луковки-шишки усохших цветков
Разбужены россыпью птичьих кивков.

За деревом черным замру не дыша,
На миг свиристея узнав и чижа.

Увижу, как сладко щеглам прилетать —
Морозное цепкое семя клевать.

Б. Чичибабину

Доживем до весны, мой певучий возлюбленный старче!
Долетим до травы вопреки шелудивой зиме,
Вопреки срамоте этой жизни, изрядно собачьей,
Доживем. И, даст Бог, обнаружимся в ясном уме.

Я вгляделся в упор в свой пропитый, прокуренный город.—
И в сигарке его вспыхнул дымного смысла намек:
Он и духу — плевков, он и брюху холопьюму — голод.
Счет грехам он забыл, и ничто не идет ему впрок...

Я вгляделся в лицо моей жертволюбивой Отчизны.
О, как стыдно сегодня смотреть нам друг другу в глаза!
А на шраме холма, на разломе кладбищенской тризны
Некий отсвет дрожал, без которого выжить нельзя...

Подорожник — прохлада дождя на горячечной ране —
Да по небу прочерченный птицей рифмованный след. —
Нас не предал лишь свет безымянный — на сломе,
на грани.
А опоры иной не найти нам еще триста лет.

Дотужим до весны — там щедрее, там больше дыханья
В голубом и зеленом, чем здесь в тараканьей тоске.

Домолчим, чтоб услышать, как арию чистописанья
Прогорланит скворец о хмельном первозданном
листке!

ТЕОРЕМА ДОЖДЯ

Сине-пепельный жук в дымно-розовом пьян тамариске.
И светим, и неярок подернутый влагою май.
Акварели мазок, с побережья обрывок записки:
“Приезжай на неделю, у моря лачугу снимай”.

Еще жив старикан, отставной пехотинец и плотник.
И за тыщу-другую вконец измелъчавших рублей
По стакану нальет и про баб напоеет, греховодник,
И сиреневый сумрак сгустится и станет теплей.

Заколышется воздух, повеет ночью волною.
Хлебосольной брехне и не верю — а и не сужу...
Встанет месяц над морем, над спелою крымской весною
И подарит касанье укрывшему нас шалашу.

А в четыре утра заорет петушище хохлатый,
Срамно гребнем тряся и на сонный взлетев кипарис...
Здесь, на склоне горы, так лучисты рассветные хаты,
И тропа к лукоморью
Так бодро торопится вниз!

Давай подружим —
Кофе пить,
Глядеть, кто больше невезучий,

А звуки наших несозвучий
И не винить, и не таить.

Давай опять туда зайдем,
Где Надя в дружеском наряде,
Где зерна пахнут,
Как оладьи
Каким-то давним детским днем.

Вдохнем простой минуты суть,
Когда из жареной ракушки
Торчат две туркиных макушки —
Не в красных фесках,
Ни чуть-чуть.

Пусть малый прок в беседе той,
Где мы себя не рассудили,
Лишь вслед словам по-птичьи пили
Глоток горчащий и густой.

Все ткутся дни, все вьется нить. —
Кофейная такая дружба,
Когда совсем немного нужно —
Вдвоем два слова обронить...

Кафа, оливы, ракушечник, полдень.
Ртутная зелень, упорная желчь.
Горькой маслины атгический корень
Зноем не высушить, не пережечь.

Кафа — олив серебрянные ветки,
Лепка облупленных особняков.
В этом июле знакомые редки
Здесь, на кайме киммерийских песков.

В этом июле, на выдохе лета,
Вязче дожди и шершавей жара.
Стал уязвимей зрачок амулета,
Злей и азартней навывлет игра.

Но и на вывихе тысячелетья
Я не поверю землистым глазам. —
В ливень укроюсь рыбацкою сетью
И отпущу все грехи небесам.

Лечит веранда затишьем негордым.
Здесь, под сосновым, в сучках, потолком,
Ласточки с красно-коричневым горлом
Сладили клювами глиняный дом...

Кентавр, пернатые триремы,
Лазурь, аттический пейзаж.
Дождя и солнца теоремы,
Клавиры виноградных чаш.

В предолимпийское столетье
Мир свежеемыто хорош,
И Пифагорово наследье
Плывет в Коперников чертеж.

И тянутся ему навстречу
Сегодняшние облака,
Где облик перистый помечен
Жемчужной прядью у виска.

Та утренняя проба духа,
Заря кифары и пера,
Живительна для глаз и слуха,
Для чуткострунного нутра.

То предрассветное столетье
Для зрячего — недалеко.
Макрель, вскипая, пенит сети,
Густеет козье молоко.

И брынза сочная пастушья
Ячменный радует ломоть... —
И беглый миг великодушья,
Живой грозой пройдя над сушью,
Навеки освежает плоть!

ВЕТХИЙ СЛЕД

*Наказание мое больше,
нежели снести можно...
Бытие: 4, 13*

Опять все ночь — и гнет, и яд раздумья.
Дай, Отче, сил бессонницу стерпеть.
Речист Фома, но не ценитель "Сумме"
Хрипун, полуязыческий медведь.

Небесные диктанты Аквината
Не вылечат. — В земном смятенье быюсь
Который век... И вновь, не сторож брата,
Двойной несправедливостью казнюсь.

Кровь и железо в яростном накате
К соитию рвутся, раздирая плоть...
Но я ли не молил небес о брате?
И чем же Ты ответил мне, Господь?

Так дашь ли силы вынести безумье,
Когда ответа не было и нет?
Нет истины ни в разности, ни в сумме,
Исхода нет ни в кротости, ни в глуме. —
И свежей мстостью пахнет ветхий след...

Стужей убитую горлицу
Поднял со снега. —
Легка,
Перисто невесома,
Словно и не жила...
Или доныне летит...

Алтарные врата уже раскрыты,
И желчный поп с неправедным лицом,
Скрипя, кадит елейно-ядовито
С виною затаенной пред Отцом.

Я имени греха его не знаю,
Мне только всякий раз трудней дышать
В тот миг, когда я чувствую: по краю
Опять крадется потаенный тать.

Из-под парчи — нечистый, пегий волос...
И вот слова о вечном, о святом
Завыл, запричитал фальшивый голос
С ползучим, перешибленным хребтом...

Прости, Господь, но я ему не верю,
Я чую в нем несчастье, порчу, лжу.
Прости, что я опять ошибся дверью —
Ищу Твой Храм, а в капища вхожу...

Отцветают пионы, и зреет клубника —
Их смешавшийся запах и легок, и густ.
И склонен над землею июнь солнцелико,
Как над ягодной грядкой пионовый куст.

Отцветают пионы — усыпали землю
Лепестками пунцовых и розовых гамм.
Не оглянется лето —
Торопится, внемля
Новым дням молодым, новым юным цветам.

Восьмикрылая дрожь — белокрылая пара.
Кратки, кратки объятья
Четы мотыльков...
И садовник-старик, молодой от загара,
На ладони ласкает уколы шипов.

Дети выросли — стали чужими.
Чашка вдребезги — лей, не желей.
Не прочтется сосновое имя
Над раскисшею глиной полей.

Все, кого ты любил, предавали,
Ибо сказано: перлов не брось,
Но в тиши затаи и в печали
Хрупкой зерни нездешнюю горсть.

Лето зябче, душа все дырявей.
Склянка — об пол, другая — полна!
Вот и пьешь, но и в этой забаве
Для смиренья не хватит вина.

Тогда хотелось побыстрее
Крылом ударить и взлететь,
Тогда моложе и острее
Анапеста звенела медь.

Но оказалось, что для взлета
Нужней не пылкие уста,
А всевлюбленности работа
И самоедства правота.

Отдай единственное сердце
И жизни лакомый кусок. —
И, может быть, тугая дверца
Раздвинется на волосок. —

И луч огня в шагреня вонзится...
Но ты успеешь осознать,
Что глупые — другие! — птицы
Умеют по небу носиться,
Поскольку не умеют лгать...

НАБРОСОК КАРАНДАШОМ

Зимой грачиных гнезд шары
Черны,
Как головы на кольях. {
Царит бездарный серый колер,
И жестче правила игры.

Средь мокрой уличной зимы
Помят, простужен лик прогресса. —
Из прежних снежных занавесок
Носовиков нашили мы.

И дворник поутру,
Чуть пьян,
Ворчит,
Что дрянь "теперя" зимы,
Что дырки в космосе творим мы,
А в Мексике дурит вулкан...

В ЛАВКЕ ЖИВОПИСЦА

Мускус, стоцветный товар москательный,
Пихтовых масел рабочий елей...
Дар свой душевный и век свой скудельный
В тигли упорные влей.

Дышат Гомером холсты и картоны.
Путь Одиссея свежей, чем анис.
Миги искомые. Лишь годы исконны,
С плачем ушедшие вниз,

С плачем упавшие в топкие воды,
В сурик и охру окисленных глин...
Теплый стакан со щепоткою соды —
Лекарь изжог и седин.

Зыбкое тело в папирусной коже —
Хлебная корка, стручок и орех.
Плоть на осенние листья похожа
И на оборванный смех.

Тело неверно... Но запах, но мускус —
Правильных сил москательный товар,
Гончих зрачков перламутровый мускул,
Кисти прицельный удар!

Так отыщи же мне, нежная злюка,
В лавке с сусеками, ради Христа,
Пурпур со взрывчатой спинкою лука
И с благородным оттенком бамбука
Латку льняного холста...

Приходится нечто из воздуха зимнего брать,
Выхватывать искру из беглого встречного взора,

Чтоб снова сумели слова кавалькадой скакать,
Серебряной дробью звенеть по камням разговора.

Строка оживает, когда поспевает пора —
Предельное время, пока еще внешне земное, —
Когда интонаций и звуков, и ритмов игра
Минует излом и взмывает воздушной волною.

Когда Леонардо и за полночь краски кладет
На тополь, на грушу, то левую руку да Винчи
Тосканское небо по звездным зарубкам ведет
И винт астробии в полную меру отвинчен.

Тоскана лазурная, русской метели зима... —
Какие живые, друг друга влекущие краски!
Когда-нибудь вновь флорентийских кремлей терема
Багряную кожу на снег отряхнут без опаски.

Песчаные львы, паруса-багряницы
По легкому небу, по зыбкому морю
Скользят невесомо. Светлеет и длится
Пространство,
А время темно априори.

Сливались со львами пшеничные львицы,
Полны были солнцем летучие гривы.
Пространство на музыку плоти дробится,
А время, как мертвый палач, молчаливо.

С какою надеждою звали мы лето!
И как всею грудью — взхлеб, неустанно
Вдыхали свободу огромного света,
Забыв, что свершенное — самообманно...

Да, алая влага звенела по жиле,
Хмельные ветрила по небу летели. —
Мы все на заветную встречу спешили,
Но пристальны сфинксовы очи на Ниле,
Но время ревниво... —
И мы не успели...

Есть нечто неизбывное и злое
Исконно
В человеческой судьбе.
И слабые слова у анаоя
Ни мне помочь не в силах, ни тебе.

Есть обреченность там, в глубинном слое...
Ее назвать и отвести нельзя.
Как будто бы нечистое былое
Тревожит, обличая и грозя.

Когда бы знать, за что награда эта,
Чтоб год за годом не сходить с ума...
Но мшением смердящие скелеты
Вмурованы навек во все дома.

О, если б небо думало иначе! —
Но я не жду спасительных вестей.
О нас с тобою я давно не плачу...
Жалею
Малых, ласковых детей.

Опять букет сирени на столе.
Есть в слове "май" магическая нота,

Есть моложавость, свежесть поворота
И пряный запах панны на метле.

Легко минуты сложатся в века,
Но снова, снова трепет ожидания
И чуда остродетское желанье
Вернутся с гроздью майского цветка.

И странно будет думаться о том,
Что жизнь как будто вновь пошла сначала,
Подсвечена сиреневым мелком
Из давнего кленового пенала.

Сиреневое облако взошло
Над письменным столом чернорабочим.
Наука, опыт — мачеха и отчим.
Мне не изжить младенчества, но впрочем,
Я благо в этом вижу, а не зло.

Две сойки прилетают в сад —
Летят на сладость виноградин.
Земле скудеющей отраден
Их перьев радужный наряд.

Слоится веером крыло,
Искрит лазурною полоской
Над жухлой осенью неброской,
Едва хранящею тепло.

И пряно пахнет палый лист
В готовой для кострища куче,
И еле слышно лист падучий
Летит, шурша о ветви, вниз.

Густеет лиственный настой.
Вобрав скупых лучей истому,
Сияют мошки невесомо
Над свежевскопанной грядой.

Крест не роняя с крестовины плеч,
Вершину видеть над разливом мути.
И внешние случайности вовлечь
В движение воли,
В ток духовной сути.

И Духа неизбывного печать
Не уставая узнавать повсюду,
Решусь за день до гибели начать
Иную жизнь!
Решусь. — И с тем пребуду.

На склоне лет узнал я зиму,
Охоту, уток над прудом.
Щетинный вепрь пронесся мимо,
Круша лещину напролом.

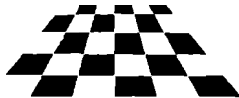
А нам пора уже вернуться
В свой дом, тулупы сбросить с плеч
И, засветив свечу на блюде,
В камине истово разжечь

Сосновые дрова. — Не надо
Первосвященнее огня...
В крови — вечерняя отрада
На воле прожитого дня,

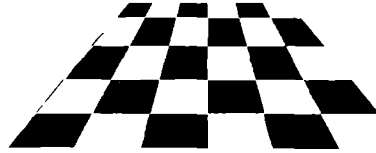
Дня свежавыпавшего снега,
Морозно-дымного ствола...
В окне темнеет. Лыдисто Вега
Над крышей, над холмом возшла.

Тепло в дому. В усталом теле
Есть легкость поздней правоты.
Мы лишь на четверть поседели.
А о душе и о метели
Молчать умеем — я и ты...

Все, что Господь послал мне,
Справедливо
В полнейшей мере —
Вымолено честно
Соленым потом, горечью раздумья
И верой,
Дымно-сладкой, как вино.
Все, что я вызнал,
Названо давно —
Когда еще не просыпалось Слово...
А только Время распахнуло глаз,
Младенческий, счастливо-удивленный,
На глиняном челе...



Завязь "Седмицы"



ПЕРО

Лишь с летящего почерка все начиналось когда-то,
Лишь со взора ревнивого, с юной до дрожи руки.
Под лиловою строчкою выцвела давняя дата. —
Рим и Трою с тех пор поглотили снега и пески.

И полмира с тех дней в деревянной тяжелой одежде
На плечах домочадцы и други во тьму унесли.
Странно жить и теперь.
Но тогда, но в мальчишеском прежде,
Трепетала душа, отрываясь от вязкой земли.

Мне уже не посмечь на воздушное царство венчаться,
Как в те первые дни, когда мир был до капли живой.
Снова в тесном дворе домовиной гремят домочадцы,
И влетает в окно вдовий вой, вековой, мировой...

Оттого и вращали в перо неумелые пальцы,
Оттого прорезался во лбу неулыбчивый глаз,
Что мы все, как один, на минуту по свету скитальцы,
А еще через миг будет некому вспомнить о нас...

Шевелятся разбухшие, вечножующие туки
Погребальных холмов...
И на каждой юдоли — тавро.
И за воздух хватается новорожденные руки,
Чтобы некая птица в ладонь уронила перо...
1995.

Синие джинсы сменили вельветки.
Преобразились в блондинок брюнетки.

Век 21-й взошел над 20-м,
Пискнув, на кварки рассыпался атом.

Только одно, — наказание и милость, —
Не изменилось, не изменилось! —

Юная женщина вечером мая
Быстро пройдет, небеса разрезая.

Замерший мир рассечет на две части
Тонкий пунктир нетерпенья и счастья.

Звезды по небу рассыплются, точно
Хрупких следов отраженные точки.
1983.

И что ни год — опять друзей моих все меньше.
И нет уже того, кто был иных верней.
Трезвее воздух дней,
Но взоры юных женщин —
Все ярче по весне, прощальнее, хмельней.

Истаяла зима. И глина снег впитала,
Просел, чуть покосясь, простой сосновый крест.
И с тополя скворец, бесстыжий завывала,
Опять на весь погост
Взахлеб зовет невест.
1989.

Между пламенем желтым и белым морозом
Возникает бубенчатый зов Рождества.
Между слабым ответом и вечным вопросом
Быть не может и нет никакого родства.

Но и то хорошо, что морозно и снежно
В некрещенной и тысячезвездной ночи.
Пахнет хлев молоком, и колышется нежно
То ли имя души, то ли пламя свечи.

А когда пеленает Мария Младенца,
Очи добрых животных лелеят вертеп.
И ягненок, ложась, подгибает коленца,
И вдыхает ноздрями соломенный хлеб.

Зазвонит бубенец, колокольчик на шее,
А Иосиф ладонью потреплет руно,
Чтобы агнец тучнел, завитками белея,
Ибо взыщет горячего мяса вино.

Но ни лунам, ни глинам назад не вернуться. —
Ночь Святая сбылась, и все прежнее — сон.
А завтра во всем Вифлееме проснутся
Чада, камни, смоковницы новых времен.

Между жизнью короткой и правдою долгой
Прохудилось до дыр одеяло родства.
Нитка рвется, и палец изранен иголкой...
Но студеная ночь дышит хвоею колкой,
Но трепещет в пещере огонь Рождества.

1995

У Никольского собора
Синь вечерняя густа,
Осыпая снег с узора,
Проскрипели ворота.

С полутемной колокольни
Отзвонило медью шесть.

В стылом воздухе невольно
Ощутилась вести взвесь...

От грифонов шири невоской
Бил проулками сквозняк.
Шел, нахмурясь, Достоевский
С бледной кипюю бумаг.

И втроем псалом запели
За литым стеклом дверей,
Будто втрое в самом деле
Обещали стать добрей,

Слово ладаном обмана
Не тянуло из щелей,
Словно снежная осанна
На гранит легла светлей...

То под ветром Достоевский
Воротник у горла сгреб
И, набыченный по-детски,
Поднял полнолунный лоб.

С черным ветром Азраила
Не один ли на один
Белый выгиб лобной силы,
Ледяной аквамарин?..

1985

ПРАГА

Из пражской глины вылепленный Голем
Гордится шестипалою звездой.
Горчит апрель миндалем, алкоголем,
Винительной синильной кислотой.

Едва глотну — и вот июль нагрел,
Влетают пчелы в королевский Град.
Я снова здесь, и вновь из пражских гранул
Разноплеменный вырастает сад.

Под лепкой, под затеями убранства
Хранит едва ль не каждый здешний дом
Следы смешенья плавного славянства
С германским твердо-правильным углом.

И Рильке акварельная кручина,
И полуночный Кафки самосуд,
И грустный отзвук имени Марина
Меня по узким улицам ведут.

Но, зажимая треснувшую голень,
Откуда сера каплет на песок,
За мной вослед хромает грузный Голем
И, заскорузлым каркая паролем,
Обломком глины целит мне в висок.
1995.

АПРЕЛЬ В БРАУНШВАЙГЕ

Весенний, белый и лиловый дым,
Цветенья дым, ласкает млеком веки.
Здесь благостно. И потому чужим
Ты будешь здесь и ныне, и вовеки.

Здесь тихо. И апрель у древних стен
Цветет еще нежней, еще моложе.
И воспаленной жаждой перемен
Не режет глаз он и не ранит кожи.

И в воздухе почти растворены
Преданья о бесплодности усилий.

И патиной — лазурью седины —
Покрыта медь церковных крыш и шпилей.

Старинный город охраняем львом
Из бронзы золотисто-кудреватой.
Внимай ему. Но все, что о своем
Промолвишь... —
Будет слов напрасной тратой.

1994

Будет день, и будет пища,
Из кофейника вода
И шершавое жилище
С табуреткой для труда.

В гроб стола рука уложит
Юность черканных листов,
На которых век умножит,
Как всегда, на ноль твой зов.

Там, в бумагах, буквы только,
Закорючки, письма.
Дню от рифмы нету толка,
Нет ни мяса, ни вина.

Сей в ночи — авось, и будет
Злак твой камню вопреки...
А задремлешь — май разбудит
Щекотанием щеки.

А проснешься — дуй скорее
Вдоль обиды и вины!
Вновь захочется хорея,
Снега, хруста, свежины.

Кружат ангелы и черти
Хороводы на листе —
В знойно-снежной круговерти,
В самоцветной нищете.

На хрена тебе богатство,
Если музыке ты люб?
Поцелуй седому братству
Складку певчую у губ...

1994

Запах флоксов, дурман увяданья,
Бело-розовый дым октября.
Вкус прощенья и привкус прощанья.
Полудрема коры и зверья.

Тихо. Только ребенок-синица
Сыплет маленьких нот дребедень.
А под стылое утро приснится:
Храм Крестителя, теплые лица,
Пасха, звон,
Купола и сирень...

1992

Мы время пьем, как воздух или воду.
Бескровный полузапах, полувкус
Свидетельствует строгую природу,
Едва ли снисходящую до чувств.

Нам ведать своенравный ход потока —
Не по плечу. И нечто мы, должны,

Должны ему — без милости, без срока...
И без любви в него погружены.

Но время множит Дух! —
Вот тень намека
На равенство. Вот гончим псам — амбре.
Печаль и гнев — все равно неглубоко.
Мы вырастем из стадии упрека.
И точки нет. Есть острое тире...
1994

Немного пчелиного меда,
Две капли смородинных слез
Из длинноресничного года
До нынешних дней я донес.

На кряжистых сливах подвешен,
Гамак допотопный скрипел.
Был взор ее юный так нежен,
Так синью пугливо звенел!

Созданье игривое это
С котенком сибирским в руке
Осталось лишь россыпью света,
Лишь дробью смятенья в виске.

Крамольно и больно хотелось
Коснуться пшеничных волос.
Но выбрал я взора несмелость
И крови полосу унес —

Затем, чтоб у зимнего края
Я девочку вспомнил во сне,
Что, лапкой котенка играя,
Запястье царапает мне...
1995

И не разлюблю никогда я свое одинокое дело —
Мальчишечью дудку,
Соленую память в горсти.
Который уж раз через ржавое ухо продела,
Как нитку, судьба...
А не брошу я ноши в пути.

Опять наречет нищета простаком и разиней.
Когда б и поверил я злобной хозяйке своей,
Мне в душу войдут — золотой мой, лиловый и синий...
И зимнюю копоть омоет со щек снеговей.

Мой ангел — метель.
А в июле — он ливень-хранитель.
Недвижность мне равно средь стужи и зноя страшна.
Подвального века, могильного времени житель,
Лишь взлетною силой я поднят с химерного дна.

И не попрекну никогда я свое придорожное счастье —
Кленовую дудку,
Дождем ополосканный гай...
Все ветра ищу, и просты мои ловчие снасти. —
О, братец мой, ветер!
Возьми эту дудку, разыграй!

1994

Какое горбатое зимнее поле!
Как мечется ветер над стылой страной!
Но мне не отречься от дымной юдоли,
И ереси не позабыть ни одной.

Недаром светлейший поэт и повеса,
Крупитчатой речи певец-Амадей,

Все слышал в метели стенания беса —
И кума, и свата российских людей.

И в жилах — мороз, и в крови нашей — вьюга,
И сечены стужей шершавые рты...
Но чу, колокольцы Крещенского луга! —
Молитесь о Пасхе под снегом, цветы!

И я не стенаю об отчей юдоли,
Где тешатся с бесом пурга да луна.
За веком сугробным, за льдистою голью
Мне зеленоглазая Пасха видна.

И свет из очей нам не выдует время,
И буду живым я, коли не умру...
Мы — цепкие корни, мы — крепкое семя,
Терновые стебли на крестном ветру...
1991

Эта сыгранная чисто
Книжка маленьких сонат:
Снег, снигирь, румянец, свисты —
На Крещение в аккурат.

В сушняке чертополоха,
На пригорке ледяном,
Снова свищет “жить не плохо”
Гном, подкрашенный вином.

Подрумяненный кагором
Дымный пух, летун-игрун —
Жив над пригородом-вором
И честнейших полон струн.

Рдеют яблочные грудки
Непогибелых пичуг:
"Жить да жить!" — Впрягаясь в сутки,
Навостряет слух битюг.

На его косматой морде
Человеческая грусть,
А во лбу белеет орден
За давно отцветший куст.

На бедре его мохнатом
Иней крупно-серебрист.
"Жить да жить!" — порхает атом,
Рдеет надо льдом покатым
Дух, тепло, евангелист...

1995

Есть правда одиночества. Оно
Жестоко, но целительно-высоко.
Чутье слепца и ястребово око
Ушедшему от скопища дано.

Когда-то сон огромный нас слепил.
Затем и сон, и явь вместились в малость.
И что же нам в конце концов осталось? —
Ответь, осенний ветер, брат-зоил!

Осталось тесной комнаты тепло.
На черно-сером, на предзимнем свете,
Когда уже и в полдень не светло,
Когда все, долгожданное, прошло
И упорхнули к дальним гнездам дети...

1995

ПЕЙЗАЖ С ВЕСАМИ

Шуршат вороны жухлою листвою,
И под рябиной, смертно-огневою,
Белеют снега нищенские горсти.
Зима идет. А с нею снова гости —

Свои татары со своей уздой...
Тоскливо под славянскою звездой,
Хоть это и обычнейшее дело...
Земля едва в ложбинах побелела,

Но стужа полной чашей пролилась
На желтый лист...
Черней, чем власть и грязь,
Вороньи шайки долгими часами
Копаются химерными носами

В пожухлых ворохах былой красоты...
Держу в руке — не удержу — вссы:
Горчит душа и тянет крылья к дыму,
И тшится пережить вражину-зиму...
1994

ОТВЕТ

Вражды и злобы сладострастье
И ревности змеиный рот!
Как не узнать вас снова? — Здрасьте,
Извольте проползать вперед.

Ведь суд мой — пред иною дверью...
Собою клятый по ночам,
Себе когда-то я поверю...
Но не чешуйчатому зверю,
Не вам, любезным сволочам!
1995

ПУТЬ МАРФЫ

М.Р.Ш.

Там целый май — цветы в просторном доме,
Все лето напролет, до октября.
Вечерний век мой тает в окоме,
Но там в те дни я жил совсем не зря —

Прохладным, юным... Смуглым и горячим,
Обласканным неведеньем златым.
И очень легконогим, очень зрячим,
И нежащим в ноздрях тончайший дым

Предчувствий...
Не измерить расстоянья
До той калитки с погнутым кольцом.
Растаял век, не дав светлей признанья,
Чем данное тогда твоим лицом.

Твой, моя Марфа, путь ключом искрится
И утоляет жажду доброты.
Целуют окна ласточки-сестрицы,
И в нашем доме каждый день цветы.

И ты, кто суежилась о премномом,
Едва ль сомкнуть умея окоем,
Жива и в том июле легконогом,
И ныне — в трудноверии моем.

Друг милый, не избыть мне твои очи,
Не смыть с души их свет-голубизну.
А смеркнется — и средь осенней ночи,
Даст Бог, я с этой памятью усну.

1994

Черно-синий ворон сел
На пшеничные ворота.
Землю, известь, кость и мел
Грыз в цыганском детстве кто-то...

Не поведаю всего,
Книгою заклят священной.
Сам похож я на него
Сурьяною лобной веной —

На него, кто мел и кость
И крестительную глину
Зажимал упорно в горсть,
Заживляя пуповину...

С ним я рысьим взором схож
И медвежьей связан жилой.
Но не зван я и не вхож
Под его палат стропила.

Бог стадам своим судья.
Нам тоской не поделиться,
Даже если ты да я,
Позабывшись, сблизим лица...

Каждый свой кулак грызет,
Свой секрет мурует в стену.
И пьянее пьет, чем мед,
Горько-дымную измену.

Не виню и не сужу.
Словно Авель, смертноокий,
Вновь по ржавому ножу
Ров перехожу глубокий.

Были подлы времена.
Ан, гляди! — пришли подлее.
Тонет в омуте вина
Хлеба дитятко, белея...

Ворон-враг, незванный гость
Гвоздь вбивает в домовину.
И младенец гложет кость,
Чтоб скорей вернуться —
В глину...

1995

ИМЯ-ГРУСТЬ

Из карлика злобного вылеплен ловко
Улыбчиво-мудрый учитель-отец.
У пёсего века — чабанья сноровка
Пасти малодушных двуногих овец.

Мы склеено блеем, курдючное племя,
О том, как нам сладки осот и полынь...
Собачья година, косматое время,
Отринь меня желтым оскалом, отринь!

Не в силах и ангел прожить бескорыстно.
Я помню лишь двух дорогих мне людей
С глазами добра...
Но доныне и присно
Я ими храним от смертельных вестей.

Мусолит и дьявол священное чтение,
Но в русской поэзии Дух не избыт!
Здесь Анна и Осип — рассветные тени.
И я их свечением летним умыт.

Но темная давит виски мне тревога
О кровной земле, что в кромешной судьбе

Еще и доныне не вызнала Бога,
Поныне еще не вернулась к себе.

Когда же нас вновь повлекут на закланье,
Ни словом, ни трепетом не отрекусь.
Я помню и днем о ночном Иоанне.
Глаза моей родины в стылом тумане,
А имя звучит, как заклание, — грусть...
1994

Ф.Ульбрихту

Холодная весна идет,
И продают на Пасху вербу,
Понеже обновляет веру
Евангелический народ.

Забудем ли, саксонец мой,
Как были юны мы когда-то,
Когда звенели брат на брата
Граненой склянкой гулевой?

Увы, то выпито давно...
Но мы единства не избыли,
Хоть и ушло из нашей были
Легкотекущее вино.

Форзиция в цвету нежна
И ярка в дрезденском тумане.
Как правильно — без упования
Свой трезвый возраст пить до дна!

Твой замкнутый двужильный круг
И мой чертеж — не очень схожи.

Но разность нашу не итожу. —
Она обманчива, мой друг!

Цветет форзиция. Желты,
Золотопенны ее ветки.
Саксонского упорства предки
Глядят с дворцовой высоты.

И в угловатости забрал,
В суровых рыцарях из камня
Порука твердая дана мне
В том, что еще не кончен бал,

Что в сумрачном апреле есть
Пасхальных благовестов звуки
И, стоящая всей науки,
Раз в год о верном сердце весть...
1995

ПЕРВОПЕЧАТНИК

Мой Гутенберг средь инкунабул —
Восстал юпитероподобен...
Апрель с когтистых кровель капал,
И воздух влажен был и сдобен.

Лучи, колокола, валторны
В дрожащие сплетались сети,
И львы из бронзы злато-черной
Зевали сладко, словно дети.

Я вновь ступал на землю готта, —
Нет, не чужую для России, —
Кивая патриарху Отто
И юной предпасхальной сини.

Я вспоминал, что Пасхи праздник
Зовется "Остерн" у германца,

И добрый от вина лабазник
Мне путь подсказывал до Майнца,

Где жил мудрец с главой медвежьей,
С лесною хвойной бороною... —
О, как весною веет свежей
Над книжностью его седою!

Ивану Гутенбергу, герру,
Спою на Пасху "Аллилуйя".
За человеческую веру,
Как в церкви, руку поцелую.
1994

КВАРТАЛ САН-ПАУЛИ

Порядком в кухне, свежую едой,
Речной прохладой веет ветер Ганзы,
И дни мои нестройной чередой
Уходят — поперек дороги Ганса.

Германским буком мне едва ли быть. —
Мой нрав попорчен ропотом осины.
И не постичь мне ни тевтона прыть,
Ни плавное коварство мандарина.

Сан-Паули полночная свеча
Цветет над блюдом уличного бала,
Где черными синкопами рыча,
Лиловой пастью влажен зазывала,

Где муравьиной цепкостью вкраплен
В янтарь своей харчевни китаёза...
И нагл, и простодушен Вавилон,
И полон разноцветного наркоза.

Гуляет Гамбург, город городов.
Резвится оборотистая Ганза

И каждому от праведных трудов
Дарит шансон или обмылок шанса.

На Реппербане рдеют фонари.
Во тьме, под иероглифами ночи, —
В заботах от заката до зари
Прельстительниц искательные очи.

Почти не жаль их срамной красоты,
Их юности, пошедшей на продажу. —
Без трепета лилейные цветы
Несут на лицах синих мух поклажу.

Почти не грустно и на этот раз
Смиряться с перевернутостью мира.
Почем ночное солнце этих глаз?
О, не дороже ль венского клавира?..

Хмелеет Гамбург. Темною водой
Пахнёт свежо от гавани соседней.
И дни мои нестройной чередой,
С обедом разминувшись и с обедней,

Отчалят от ганзейских берегов,
Чтоб никогда сюда не воротиться,
Где фанза Чанга и Мими альков
Дробят звериный лик больших веков
В неразлично-крохотные лица...

1995

Когда б не музыка, не травный ветер тихий,
Когда б не трепет сизоперых крыл,
Я б с бабой злой, с судьбою-поварихой
И миски клейкой каши не сварил.

А так — глотну воды, живу и знаю:
Не должен сам, а долг чужой прощу.
Игла тесна. Но есть тропа иная —
Там птица, бесприданница лесная,
Слетает к вечнощедрому хвошу.
1995

Раздвоенность у нас в крови. —
Наш русский ангел всех печальней.
Он благостен лишь сутью дальней,
Но тягостен для визави.

Снедает мягкотелость нас.
И ленность мысли неизбывна.
Нам чужда и почти противна
Энергия разумных фраз.

И по расхристанной степи
Уходит взор к земному краю.
Я очень трудно засыпаю,
Но ты, душа, уж лучше спи! —

Какого бы еще рожна
Ты вновь, сестра, не возжелала,
Самоубийственное жало
Ты выявить обречена.

Так гибнет ни за что пчела,
Ладонь случайную ужаля...
Туманно. Хочется тепла.
Там, где-то, вся в дыму миндаля,
Весна у моря зацвела.

1995

НА АЙ-ПЕТРИ

Прохлада и чебрец. Набыченный козел,
Наследовавший нрав заржавленной пружины,
Стеклянные глаза, грязно-седой камзол
И лучшие рога Ай-Петринской вершины.

Лачуг дырявых свист. Навалом мусор-вздор
Насыпал раб земной у входа в поднебесье.
И, будто бы шепча младенческий укор,
Трепещет на ветру поодаль редколесье.

И этот березняк уже не смерд сажил —
Когда-то и сюда, знать, поднимались люди —
То с саженцем в руке, то с ковшиком белил,
А то с глотком вина в охотничьем сосуде.

Прохлада и чебрец. Прозрачно-жидковат
Обрывистых вершин предсумеречный воздух.
Там где-то, у подошв, скликают газават,
Но тишь небесных трав настояна на звездах.

Распахнут окоем. — Ракушки городов
Нанизаны внизу на нити побережий.
За веком век плывет над яйлой без следов,
И лезет на козу лупатый здешний леший.

1994

ИЗ ЛЕТНЕГО ДНЕВНИКА

Дня не пройдет, чтобы в теннис полдня не стучали.
Скачет вдоль моря лимонный, стремительный мяч.
Солоно плечи темнеют, бледнеют печали.
Брызги понтийские, шарики золота вскачь!

Смуглые руки со струнной ракеткою ловки.
Сосны на склонах сочатся настоем хмельным.

В ИМЕНИИ

Вздохнуло время. — Сполохи кумиров
Дождями смыты начисто с небес.
Лишь влажно-синей пригоршней сапфиров
Мерцает выдыхаемое "эс"...

И там, где поспешал юннат Набоков
По мотыльковой северной тропе,
Всё так же чист озон воздушных токов:
Губам — пьяней, свежее — голове.

В тени проспавшись, на поляне — звонка
Полуденного леса тишина.
Стремительно-неловок взмах ребенка,
Крохмальна ловчей марли белизна.

Ладонь уколет рыжая иголка,
На башмаке развяжется тесьма...
Лимонница взлетит — обрывок шелка,
Китайского любовного письма...

А колокольцы вышли к речке в Выре,
Сиреневы, лиловые, голубы...
Свидетельствуя равновесье в мире,
Кивают плавно: "дважды два — четыре"
Их ангельски-младенческие лбы.

1994

ВОЛОШИНСКИЙ ХОЛМ

Знойная сухость — таврийская муза.
О, как бессмертник лилов на холме!
Четки, насечки — кузнечика узы.
Аве! — июлю, и август в уме.

Платину плавит понтийское лето,
Цезий в изложницы Цезарей льет.
Царственна в полдень зенита монета —
Аверс ликует, звенит оборот.

А базилевс сухотравья, кузнечик,
Чалый скакун, цымбаларь да скрипаль,
Снова седлает бессмертника венчик
И озорует, соломенный враль.

Нет, не сидится в тени да за чаркой. —
Соли и зною ресниц вопреки
Снова взбираюсь на холм янычарский,
Море лаская у правой руки.

Здравствуй, полынный мой родич, Волошин! —
Дымно прадедовское "Цоб-цобе"...
Каждый, рождаясь, приходит непрошен,
Чтобы хоть слово спросить о себе.

Нам же, казаче, и выбора нету,
Если хлебнули глаза синевы:
Пешими рифмами молимся свету
Аж до креста у повинной главы...

Вот и топчу я чебрец, поднимаясь
К пепельным веткам могильных олив.
Мы умираем? — Обидная малость...
Мир наш — обиды не ведая, жив!

Вспомни! — Кузнечики брызжут над склоном,
Крылья расправив в химерном броске,
Крылья, что цветом искрят потаенным —
То бледно-алым, то нежно-лимонным,
То растворившим лазурь в молоке...

1995

ТРОСТНИК

Золотистый мой, певчий тростник,
Полудетская гибкая статья!
Век мой строг — а я все не отвык
Твоим зыбким причудам внимать.

Кровной тяги избыть не сумел. —
С молоком стригуна на губе
От засушенных, от праведных дел
Ухожу, мой неверный, к тебе...

Норов твой, ежечасно иной,
Тонко корою флейтой зовет.
И тревожно смятён надо мной
Малокровного солнца излет.

Чую ветром надломленный крик,
Знаю — болью повенчан с тобой,
Светлоокий мой, хрупкий тростник,
На обводе зрачка голубой...

Знаю все, но у ветра прошу,
У гневливца прошу невпопад:
"Не умом,
Но лишь сердцем грешу —
Не вини, не казни моих чад..."

Эти стебли, чей облик так прост,
Угловатость речных моих птиц,
Эту ревность-любовь,
Токсикоз
Бледно-нежных папирусных лиц..."
1987

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Захер-Мазох, Мисима, Каббала
И дюжина других запойных книжек...
Коран един, яко един Алла,
Но сердцу мил зернистых слов излишек.

Запью глоток багряного вина
Глотком осенним солнечного ветра.
Средь книг и жен — не хуже ни одна,
Ведь равно ждут и Федра, и Деметра.

Сентябрьский город летом обуян.
Зной щедро-золотист, как Илиада.
И я, от долгой молодости пьян,
Спать не смогу без новой капли яда.

Ладонь твою в свою ладонь беру
У алтаря — у книжного развала.
Хочу, чтобы в скудеющем миру
Одной зеленой буквой больше стало.

И мне опять твои глаза нужны,
Чтоб нечто знать о будущем сегодня,
Чтоб невесомый голос тишины
Спасти от тяготенья преисподней...

Две мои страсти сращены в одну:
Зов женщины, чье эхо — детский гомон,
И лепет фолианта, где в плену
У тела гнома —
Небожитель Гофман...

1994

Ракло и тремпель — харьковские цапки,
Похмельями зачатые слова.
Трущобами замазанные сказки,
Ветвистая — над мусором — трава.

Да, я любил те дымные бурьяны!
Осеннее мальчишество мое
Бродяжило по листопаду пьяно,
Лишь затемно царапаясь в жильё.

Ни злого века, ни чумного места
Незамутнённый взор не признавал.
И жизнь была желанна, как невеста,
В те дни, когда я легок был и мал.

На Рымарскую улицу вернемся
К листве лимонной черного двора.
В далеком дне средь осени проснемся
И снова будем молоды с утра.

И удивимся вновь живучей сини
Над копотью дворовых чердаков. —
В кривом окне на хрупкой мандолине
Играет мальчик жилками висков.

И вновь мы будем теми, кем не стали,
И снова нам сулит звезду достать
Плебейский город из травы и стали,
Босяцкая и ангельская статья...

1995

ОБЩЕЖИТИЕ В БЫВШЕМ ЕПАРХИАЛЬНОМ УЧИЛИЩЕ

По дрожащим стеклам грозы
Бьют озонною волной —

И, забыв веков занозы,
Кельи молоды весной!

Знал и я в былые годы
Средь кондовых тяжких стен
Тени светлые восхода,
С тонкой талиею тень...

Бум головолomных сессий
Да стипендий краткий грош,
Что на длинный зимний месяц
Мы растягивали все ж,

В расширителях полночных
Тесных танцев толчея... —
В незабытый час урочный
Это все сдавал и я.

И когда волною майской
Принесёт сюда опять,
Мне общага скажет: "Здравствуй,
Пятью пять — всё двадцать пять!"

И, свистя-бубня аллегро,
Вдруг замечу за плечом
Парня, мускулистей негра,
С апельсиновым мячом.

Шар оранжевый шершавый,
Трубкой ватмановский лист —
Твои скипетр и держава!
Правь же, правь, баскетболист,

Правь над ливнем и любовью,
Правь над книгой и числом,
Над прекрасно древней новью,
Над великим ремеслом!

Звонче, новое правленье!
Словно юный женский смех,
Твои влажные сирени,
Мой весенний политех.

1982

МОЗАИКА МАЯ

Влажные майские переулки,
Мальчик с собакою на прогулке.

Крашена солнцем песочная шавка,
Мальчик без шапки, город без шапки.

Пестрые стаи ребячьего писка,
Женской ладони белеет записка...

Отрока лепет ломается альтом,
Марево дышит над мокрым асфальтом.

Солнцем в авоське качается булка.
Вымыто небо глубоко и гулко.

Город —
Как вольная зона озонов,
Месяц сирени до самых балконов.

Окна открыты, распахнуты двери. —
С новым дыханьем,
С цветеньем доверья!

1982

Цикады и сверчки, о здравствуй, Моцарт милый!
Летучие смычки, о здравствуй, певчий дар!

Какою нутряной, какой небесной силой
Отмечены, июль, бемоль твой и бекар?

Семь зерен, семь семян, семь нот благоуханных
Размечут в темноте цикада и сверчок.
Помилуй нас, Господь, в душе небесталанных,
Смягчи еще гортань и не гаси зрачок.

Прости за хрипоту, за почерка изъяны. —
Покаюсь, повинюсь и снова тихо рад
Тому, что я — из них, из их ночного клана,
Из пьющих синеву таврических цикад.

Когда погашен свет, так властен пьяный воздух,
Что хочется отдать слова и письма
За камертонный звук, за этот звездный роздых,
За эти семь глотков летучего вина.

Мы в оны времена совсем по-птичьи пели.
И лишь потом сплели словес лукавых сеть.
Но помнится от гнезд, от лиственной купели:
Воистину, дышать и означало — петь...

1992

В южном воздухе вызрел гранат,
Кровник яхонта, лала собрат,
Для ума и для сердца полезный.
Густорозовый колер в плоды
Из рудой просочился руды,
Из подпочвенной жилы железной.

В южном городе — цокот и гам,
На базаре — шанхайский Сиам
И Багдад персианский впридачу!

Источая властительный зуд,
Мятой розой червонцы цветут,
Усмехаясь над медною сдачей.

В южном полдне — томительный зов
О извечной основе основ —
О живительной купле-продаже...
Аксакала торжественный лик,
Зазывалы пронзительный крик,
Заглушающий вопли о краже...

В южном воздухе вызрел гранат. —
Продается по пять пятьдесят,
По цене не для нашего брата.
И, начертан торговой рукой,
Завлекает анапест такой:
"Очень вкусная!
Фрукта граната!"

1987

Я слишком смертен или слишком жив.
Мне с каждым ближним тягостно и трудно.
И, в дальний ящик рифмы отложив,
Я убеждаюсь все верней подспудно:

Нельзя всю душу музыке отдать,
Не подавившись ласкою народа.
Призри мою безродность, Божья Мать,
Прости меня, Господнего урода...

1996

Между Арсением и Анной,
Двадцать четвертого июня
Слоился зной благоуханно,
То липой вея, то петуньей.

Сновали мотыльки огнисто,
И был их пыл похож на шалость.
И воздуха теплынь так чисто
Прохладой вдруг перемежалась.

В июньский день двадцать четвертый,
Перед Арсением, за Анной,
Какой любви, какого черта
Опять душе хотелось странной?

Когда б я кликнул поименно
Все дни мои, минуты даже,
Нашелся бы хоть след резона
И в маете моей, и в блажи?

И вот зову я миг летучий,
Прилив тепла под знаком Рака. —
Там дня рожденья Анны случай,
Мой сон, мой отблеск Зодиака.

Июнь еще в цвету, в надежде. —
Поют, со звоном чашки бьются.
И вновь я, — не мудрей, чем прежде, —
Готов дожидаться, обмануться,

Позвать друзей на именины —
На склоне и судьбы, и лета.
Давно окончены смотрины.
Виновны те же, кто невинны...
Но снившееся! Где ты, где ты?

1995

Коробка красок, две любимых кисти,
Таврийский мир, огромный и цветной.
Златится полдень, как алтын в монисте,
И веет в душу чебрецовый зной.

Полгорсти красок, три листа картона
Упрятаны в походную суму.
Холмы — изгибы женственного лона,
Зеленый вдох пожухлому уму.

Привольный вдох и выдох ярко-синий,
И алый лепет юности в крови,
И птичье право — среди хвои пиний
Из клюва в клюв отдать глоток любви.

По киммерийским, по заветным тропам
Над вечною магнитною водой
Уйду, чтоб светлорусым Пенелопам
Двойник мой снился, смугло-молодой.

Уйду туда, где гнезда выют агаты,
Где каменные башни Карагач.
Возносит круто, дерзостно-крылато,
Всем ханам шах и всем купцам богач.

В коробке красок — цокот сердолика,
А радостная шалая мазня
Плеснула на картон три звонких блика —
От степи, что арканом пахнет дико,
От синего Ясонова огня...

1991

Мало желтого, больше кармина
В вечеряющих крымских лесах.
Снова осень приходит с повиной,
С поволокой в неверных глазах.

Влажный сумрак — как ладан обедни.
Ни души на морском берегу.
Словно в этом краю — я последний,
Да и сам уцелеть не смогу.

Холодна и просторна свобода,
И предсмертно чиста тишина.
Отпеванию царского рода
Даже страсть помешать не должна.

Никого от веков не осталось —
Ни властителя, ни дурачка.
И большая, как время, усталость
Проникает в глубины зрачка.

А широкая темная птица,
Опускаясь кругами с небес,
На безмолвную гору садится,
На потухший карминовый лес.
1995

ДЕНЬ СТУЖИ

Мороз лимонногрудую синицу
Сбивает наземь с ветки ледяной.
День стужи... — И с тобою он случится,
Птенец-душа, льняной мой, кровавой.

Долбит огрызок хмуро ворон-птица,
Но горсть ярко-соломенных пичуг
Хранит средь стужи дружеские лица
И мечет звонкий бисер свой на юг.

Спасибо им — в сибирщине студеной
В стеклянные пронзительные дни
Трудней прожить без малой, тонкозвонной
Столь краткий срок порхающей родни.

И ты звени, лимонный крон, синица:
“Где зяблик, где серебряный клинок?”,
Чтоб не спешил я ворону сгодиться,
Уснуть у грубошерстных мира ног.

Звени, пока морозною иглою
Январь под сердце не уколет влёт.
Тогда мы станем петь в нездешнем слое,
Тогда тебя на небе к аналою
Жених твой, летний зяблик, поведет...

1994

И на Лысой горе, на Голгофе,
За Холодной тюремной горой
Снеговой — свежемолотый кофе,
И мерцает во тьме аналой.

В честь Казанския Матери Божьей
Освящен краснокаменный храм.
Век мой — зимний, но я-то все тот же,
Вновь по-детски внимающий вам,

Вам, в сочельник открытые двери,
Снег, оклада иконного блик,

Запах грусти, надежды, потери
И хранительной Матери лик...

В зимний вечер тоска изначальна,
Сквозь метель все бывшее видней...
А душа — просветленно печальна
В ожидание Рождественских дней.

Век мой отдан без спросу Иуде,
Но пока я живой человек,
О прощенье молю
И о чуде
В непростительном Господом веке...
1992

ПАМЯТИ БОРИСА ЧИЧИБАБИНА

Надежды не сбываются. И в этом —
Обязанность и право бить дуплетом.
И в шахматы игра, и в карамболь
Шлифуют это нужное умение.
Всяк, видящий затылком, без сомненья,
И перец перемелет свой, и соль.

Надежды не сбываются. Напрасно
Троянская жена была прекрасна,
И Пенелопа пряжу берегла.
Все может быть. Однако, не по плану.
И только сдуру, смолodu да спьяну
Мы верим в силу буквы и числа.

Подобно сну с самим собой валетом
Опасное искусство — быть поэтом.
Я даже титул этот не хочу
Произносить. Вернее, опасуюсь
Гневить судьбу. — Ведь, лишь пробьется завязь,
Как тотчас жди и тлю, и саранчу.

Я многих знал помеченных стихами, —
С их краткой верой, с долгими грехами, —
Любя из них, живых, лишь одного...
Но этого достаточно, ей Богу,
Ведь редкому из нас, единорогу,
Дарована единственность его,

Дано неукротимое уменье
На глине замесить стихотворенье,
Зачать слова уже не от ребра —
От кровеотворяющего ритма...
И лишь тогда рождается молитва,
Когда на жизнь и смерть идет игра.

Упиться — стыдно. Уповать — не надо.
Уже и то немалая отрада,
Что осень на погосте хороша.
Текущий пламень поминальной водки
Омоет сухость огрубевшей глотки. —
Так и живем — и помня, и греша.

Живем себе...А о тебе, кто умер,
То снова зачастит под сердцем зуммер,
То вздымется соленая тоска.
И взор твой брызнет синью васильковой,
Светлыню кротко-дерзкою, рискованной
Из-под бровей, лохматей колоска.

Надежда — только детский сон. И все же
Мне верится, что раньше или позже
Нам будет встреча тайная дана.
Почти без слов. И только осень снова
Плеснет нам по глотку вина земного,
Пронзительно-небесного вина...

1995

ВДОЛЬ ЛАБЫ

Это Дрезден, это Прага,
Острроверхие кремли —
Там, где брага и отвага
В лоне камня расцвели.

Замки, панцырь-оболочка.
А из окон — злата ток,
Словно бы под сердцем квочка
Нежит в извести желток.

Спит Флоренция на Эльбе.
Воды зимние черны.
Гуще бы в сочельник ель бы!
Вьюги, колкой свежины!

А коль глянет Цахес криво
У саксонского моста —
Рядом чешский город-диво,
Речи сестрины уста.

О, вдоль Лабы ездки эти
Меж заснеженных столиц! —
В обгоняемой карете
Экивоки тонких лиц.

Словно кисти и клавиры
И смычок волосяной
Дружат в этой части мира
С разлюбезной стариной.

Черный Дрезден, Злата Прага.
Трепетанье пары крыл.
Вьюга, писчая бумага —
Рильке голубя сложил.

И летит вдоль Лабы птица,
Вдоль чудес известняка.
В этот лётный путь влюбиться —
Право, легче пустяка.

Вот и я, хоть и хирею, -
А вовсю гляжу на свет. —
За пургу, за сверхидею
Любит жизни ахинею
Хореический поэт!

1995

ФЛАМАНДСКИЕ ПРОГУЛКИ

*....но странною любовью
М. Лермонтов*

Что мне Брюссель? И что я сам Брюсселю?
Его и вовсе не видать отселе.
Там без меня льняные кружева
Плетутся, и кудрявится капуста.
А на Руси всю зиму — стыло-пусто.
Да так, что и не выразят слова.

Гляжу в окно со странною любовью.
Разбойной старью, воровскою новью
Любовь сия испытана вполне.
Но, сколько бы ученые мудрилы
Не тратили бумагу и чернила,
А истина едва ль блеснет в окне...

Вот маленькая правда — город Ахен.
Там вежливо немецкая мамахен
За тридцать марок мне продаст билет
До самого, извольте, до Брюсселя,
Где март теплее нашего апреля
И где я не был сорок с лишним лет.

Где после привокзального постоя
Негаданное утро золотое
Заплещет над бульжником Гран Пляс.
И птичий рынок, кавардак весенний,
Фламандское разбудит воскресенье,
Утешит слух и обласкает глаз.

Над Фландрией, над крышами Брабанта
Взлетает птичьих лепетов бельканто.
Большая Площадь продает цветы.
И примул колера, хоть простоваты,
Но Рубенса окликнут, словно брата,
И к Брейгелю попросят в сваты.

Атлантикою веет в лона улиц,
И раковины разнородных устриц
Мерцают свежей влагой на лотке.
Да ведь не стать, как тот брюссельский мальчик, —
Одетый только в бронзу отливальщик, —
Беспечным и с душою налегке...

Так что ж Брюссель? Изящная шкатулка,
Счастливая от краткости прогулка... —
Влюбляться мне заказано давно. —
Полубокал вина в полупритоне,
Вокзал, опять вокзал. И на перроне —
Мысль трезвая, что мне своей иконе
В своем углу креститься суждено...

1996

Не больше часа в белом самолете,
Не больше ночи в поезде зеленом —
И вы, смутясь и торопясь, войдете
Туда, где правят юности законы.

Там вкус вина смешается и соли,
И там повсюду будет привкус солнца.
Лиловым ветром позабытой воли
Повеют с древних склонов колокольцы..

Была ладонь ее солоновата ,
И горячи нетронутые губы,
Спускалась ночь почти что без заката,
И лето шло стремительно на убыль.

И юность к окончанию катилась —
К подножью от вершины Аюдага —
И все прошло,
Забылось и простилось.
И близко всё —
Каких-нибудь полшага...

Жизнь оказалась щедро, странно длинной —
И ныне
Так же колко, как в семнадцать,
Обводом моря, лунною долиной,
Тропою кипарисной пробираться...

И, может быть, вы просто не умрете,
Вдохнув свободы над волнистым лоном. —
Не больше часа в белом самолете,
Не больше ночи в поезде зеленом...
1985

Позови меня молча, глазами. —
И да сбудется воля Его!
Но пред плахою, но пред часами
Никому не отдам ничего.

Позови меня нежно и кротко.
Как томит нерастраченный стыд!
Так весеннего воздуха водка
Волчью пару в овраге пьянит.

Продолженью земного блужданья
Нужен мозг и до ночи труды.
А священному зверю желанья
Дам я крови и свежей воды.

Я ведь вижу — вдвойне одиноко
Нам дано это поле пройти...
Ну, а ласка вернее упрека
И в конце, и в начале пути.

Позови же без тени укора,
Ибо слабость — твоя правота.
Себялюбий мышинная ссора
Тишине да не тронет уста.

1995

Страстная пятница. Выносят плащаницу.
Вечерняя молитва чуть слышна.
Над церковью Полярная зеница
Легко и высоко вознесена.

И в том, что мой алтарь — опять вне храма,
Гордыни нету, Господи, о нет!
Под строгим небом я молюсь упрямо,
Где явней голос Твой и неподкупней свет.

Здесь, в сумраке снесенного кладбища,
Толкают влагу вязов корневища
К ветвям из-под оплаканной земли.

Апрельский воздух — веянье печали.
Но что-то глубже грусти — там, вначале,
В помеченной распятием дали...

1996



**“ДНЯ НЕ ПРОЙДЕТ, ЧТОБЫ ТЫСЯЧИ
ЛЕТ НЕ ПРОШЛО...”**

Что значит “Избранное” для поэта? Пора соби-
рания словесного меда — по живым цветам-листам пяти
книг. Оказавшись под одной обложкой, многие стихо-
творения из разных сборников словно засветились навстре-
чу друг другу, обозначились вехи Пути. Пора подведения
предварительных итогов? Может быть, и так, но присмот-
ритесь: в “Листах пятикнижья” Сергея Шелкового — завязь
новой книги, уже возникающей в образах и звуках:

Снова проснусь я, как будто проросшее семя.
Воздух огромен. От сини до сини светло.
Странно устроено живородящее время —
Дня не пройдет, чтобы тысячи лет не прошло...

Сергей Шелковый — мастер. От сборника к сбор-
нику гармоническая природа его “странного занятия” ста-
новится все более очевидной. Уже в первой книге “Всад-
ник-май” (1985) выявлен первородно “летний”, воздуш-
ный и светоносный, характер его словесной пластики. Но
тот первый сборник, интуитивно-точно названный своим
именем, помечен “чувством рожденья”, помечен часом
начала и “взмаха крыл”, временем, когда “ставит легкий
июнь ногу в стремя”, когда “липы город оведают улыбкой
непорочных уст...” Время же последних книг поэта “Врата”
(1993) и “Во плоти” (1994) — это уже пора плодоношения,
когда естественное сгущение образности и философии
являет в слове лирико-философскую зрелость и
завершенность. Стихи этих книг — словно спелые яблоки
на ладони. Они наполнены живыми, незабываемыми обра-
зами и сочными красками.

Когда все звонче яблок мясо,
Все ближе летних дней исход,
В лазури яблочного Спаса
Заметен бликов хоровод.

Подобно звукам Амадея
Они в гармонии слиты.
Великодушна их идея
Одушевления пустоты.

Герой стихотворений Шелковского живет с “остродетским” желанием чуда — и оно оказывается совсем рядом, осуществленное во плоти. Это — и “простодушная щедрая плоть” ветвей, легкий шелест деревьев, плещущих как “живое зеленое знамя”, и “коммунальный уют” мурашей, и “цветок летучий” — махаон. И все это “вещественно и необманно”. Запечатлевая божественную вешность бытия, поэт вправе сказать: “Платон — бесценен! Но дороже — дорога, амфора, зерно!” Пестрая, трепетная плоть мира, отраженная в слове, быть может, призвана искупить чью-то никчемную, загубленную жизнь, нашу “гибель — гульбу”...

Хотя поэт признается, что не любит “в пейзаже человека”, сами его пейзажи очеловечены — в том идеальном смысле, когда говорят об искре Божьей в человеческой душе. Поэтому-то и уповает герой — “искры хранитель” — на великодушные природы, очищенной от “жадного дыханья сумасброда”, от “суетных стенаний и молвы”. А человек всё-таки появляется “в пейзаже”. Пусть он не трижды, как Пётр от Иисуса, а многожды отрекался от самого себя, но все-таки нашел в себе силы снова поверить в неизбежность жизни.

Но вот уже шрамы овражной земли
Июнь затянул молодую травую,
И над уцелевшей моей головою
Терновника ветки опять зацвели.

В июне — на юг, на юг летит душа героя, спешит он сам “По зову рода, по магниту крови — Чумацким Шляхом, муравой шелковой...”. Движение образов во многих стихах Сергея Шелковского подчинено закону крымского притяжения. Вот он, “заговоренный полуостров” поэта, символ животворного пересечения и переплетения, — вопреки всей жестокости исторического пути, — языков,

религий, народов. Вот она, земля обетованная его души: читая "Киммерию", почти физически ощущаешь, как сопряжены в легкой материи строки огромные культурные пласты, опять-таки, лежащие "в пейзаже", словно проступая сквозь пейзажные зарисовки. Энергетический источник этих стихов, насыщенных многообразными аллюзиями, наверное, в способности "сверхинтенсивного переживания культуры" (по выражению Лидии Гинзбург), когда все её явления и эпохи словно становятся мгновеньями собственной жизни героя. Когда "дня не пройдет, чтобы тысячи лет не прошло..."

Здесь волны шепчут имя Пифагора,
Шуршат: "Анаксимандр, аквамарин..."
Здесь нету слов для жалоб и укора,
И круг пространства-времени един.

И этот круг, живая эта сфера,
Верней — взаимопроницанье сфер,
Искрят то алой альфою Гомера,
То опереньем вёсельных галер.

На таврийскую землю Сергея Шелковского, чуть опережая отсветы евангельские, ложатся античные блики, здесь витает "певучая тень Александра"...

Как справедливо заметил Мандельштам, "поэт не боится повторений и легко пьянеет классическим вином". Так Пушкин, словно что-то припоминая о себе, просил катулловского мальчика наполнить чашу "Пьяной горечью Фалерна"... Ахматова, хорошо зная обо всем этом по себе, высказывала предположение, что "поэзия сама — одна великолепная цитата". Поэт и сам, наверное, не знает, как, почему это происходит, но наступает миг "священной жертвы", когда не нужно искать слова — они сами его находят, преодолевая культурно-временные пласты и, вместе с тем, неся в себе — в сверхсжатой материи стиха — память о каждом. И "всемирная отзывчивость", при-сушая поэзии Сергея Шелковского, отнюдь не идейная установка, она воплощается уже на уровне "внутреннего образа, звучащего слепка формы" (Мандельштам). Не

потому ли и в пластической игре образов "Листов пятикнижья", в особенностях поэтической техники таится нечто существенно большее, чем владение "пешими рифмами"?

Не я виновник рифм.

Откуда эта детскость

Пришла бы мне на ум и на сердце легла,

Когда б в любом зрачке не колдовала меткость,

Когда б из полной тьмы планета не всплыла?..

В стихах Шелковского сдвинуто, слито вечное, незблемое, "геральдическое" и мгновенное, казалось бы, обречённое на скорую гибель; одно просвечивает в другом, потому и назван махаон не только "цветком летучим", но и "легким геральдическим зверьком"...

А как преобразила дворовая гитарная песня слушателя — всегда сердитого, мрачного "хмельного дядь Мишу", уведя его далеко-далеко от его "безногой тоски".

Не гремит он давно деревянной тележкой,

А лицо его, осоловелое, злое,

В ту минуту свстилось почти безмятежно,

И осталось такое, донныне такое...

Такие мгновенья, сохранные в слове, утверждают право поэзии быть. Вопреки ветхозаветному "Всё суета сует..." и марк-аврелиевскому "Скоро ты забудешь обо всём, и всё, в своей черёд, забудет о тебе". Поэт не может с этим согласиться:

Услышанное не вернется в хаос,

Увиденное явлено на свет.

Может быть, именно это упрямое нежелание согласиться с исчезновением даже малой части мировой гармонии и является одним из главных импульсов для поэтического высказывания. "Бог сохраняет все"... Наверное, немало сохраняет Он устами поэта, его забывающей душой.

Есть у Сергея Шелковского целые вереницы "невзрослых стихотворений", словно отправленных в

детство, освещенных "чуть хмурой добротой" деда и небесной добротой бабушки, "друга милого". Поэт неустанно возвращается к своему началу, туда, где "стены и заросли родины давней, полные гулких, зовущих имен" ("Рождение", из книги "Три времени судьбы", 1989). Там, в тех краях — никогда не изменяющий источник человечности, прозрачного воздуха его стихотворений. И там же — вечно-живые образы тех, кого "нет шестнадцать лет и десять", но память о ком "не засыпать глиной и песком":

О, как по имени кликнуть мне хочется
Тень, что качнула вишневую рощицу,
Плач затаив...

Глядя на мир не благостно-затуманенно, но пристально и мужественно, поэт не может не брать в себя родную и чужую боль, не превращать её в свою. Даже тогда, когда, пробираясь через траву, "идет на плач" ночной птицы, "сквозь птичью смертную беду людское что-то различая". Тем более дар сочувствия и сопереживания, — качество истинно поэтическое, — не может оставить его безучастным и к прошлой, и к нынешней боли отечества:

Наша правда крива и гугнива —
На плечах её рваный наряд,
У нее половецкая грива
И шляхетский неласковый взгляд.

Но если нельзя забыть и "днем о ночном Иоанне", о "Святополке с волчьим взором, с ухмылкой лиса", если сказано горько о часе нынешнем "В этот век срамоты, в эти дни оловянного взора нам осталось так мало живых исцеляющих слов", то это оттого, что вера в общее исцеление поэту самому внутренне необходима. Ведь лирического героя поэзии Сергея Шелкового невозможно оторвать от его корней, от той земли "на стыке печенег, Руси, кипчаков", которая сегодня зовется Слободским краем. Не оторвать его от тех плавно-холмистых пространств южной Руси, которые Шелковий в своей эссеистской прозе о Булгакове и Гоголе благоговейно именует Первороссией. Недаром еще в дебютной книге "Всадник-май" он

произносит с истинно сыновьим чувством:

Спасибо, жизнь, за три восьмых
Моей великоросской крови
И пять восьмых моих любовей
Из белых мазанок босых.

Сильное, глубоко укорененное дерево с радостью трепещет ветвями на ветру. Так и двуединая, взращенная Россией и Украиной, душа поэта распахнута навстречу всем ветрам: "Мой ангел — метель. А в июле — он ливень-хранитель. Недвижность мне равно среди стужи и зноя страшна". Тяга к воссозданию объемности, подвижности стиха, страсть к смысловой многомерности, к окликациям, слоениям в музыке и живописи строки отличает характер поэзии Шелкового. Его слово почти всегда обладает потенциалом нового движения, распахивания образа. Так огромные пространства Азии могут начинаться прямо здесь, на Благбазе, "у россыпи прилавка" (Благовещенский базар в Харькове).

В стихах Шелкового нередко ощутима интонация исповеди и молитвы. Иначе и быть не может, ведь неподдельная, неразделяемая с жизнью поэзия — наверное, более всего есть "разговор с Богом". О ком же из живущих не замолвит слово поэт в этом перешептывании с Небом? Но: "О нас с тобою я давно не плачу. Жалею малых ласковых детей". — Главная его молитва — о будущем, о идущих следом, о выживании надежды как таковой:

За себя не страшусь, но за них — угловатое племя,
За оставшихся здесь, среди смуты, глазастых детей —
Не клянущ тебя, век, но прошу тебя, вздорное время:
Дрогни волчьей губою и юную кровь пожалеи.

А между тем, существует не только "внешняя" опасность: сражение за человеческие души чаще всего происходит внутри нас. Именно об этой схватке, о страшной опасности человеческого безбожия непрестанно болела душа провидца Федора Достоевского.

Всегда ли мы становимся победителями — судите сами, но дорогого стоит горькое восклицание-предупреждение поэта:

Как плавно входит бес в божественных детей
Сквозь рыхлые слова досужих разговоров!

...Совсем иные слова, слова "по ту сторону тишины" составили книгу "Листы пятикнижя" Сергея Шелкового. Воистину поэту удалось "на слове хлеба замесить", есть у него золотой запас настоящих, замечательных стихотворений, среди которых — "О Хронос и Харон...", "Я солнце страстью ящериц люблю...", "В мае гремело...", "Бледно-лиловые астры...", "Донец, шафранный август...", "Виноделие", "Ловля", "Волошинский холм", "Между Арсением и Анной...", "Летний дом", "Мало желтого, больше кармина...", "Небесный альт...", "Шмель на малине...", стихи, обращенные к Борису Чичибабину. В них и во многих других строках, вошедших в первое "Избранное" Сергея Шелкового, запечатлены мудрость пройденного пути и зрелость таланта. Стихи эти покорили сердца многих читателей и были сочувственно встречены старшими мастерами — Борисом Чичибабиным, Юнной Мориц, Евгением Рейном. Остается пожелать поэту не избыть "озноб жизнелюбья", чтобы каждый раз, как впервые, окликали и непокоили его дух "светопад, первоцвет, снеговей...". Чтобы душа его всегда жила в ожидании знака "извне и во плоти". В ожидании чуда.

Игорь Лосиевский.

Содержание

Из книги "Всадник-май" (1985)

Отрочество	4
"За то спасибо, Теплый Плес..."	4
"В душе светло..."	5
"Так кто же я..."	5
Заморозки	6
"Ребенок мой..."	6
Родство	7
"Друг, ты не жалуешь собак..."	7
Ночью	8
Хронология	8
"Дедово было — стало отцово..."	9
"Дано тебе счастливым быть..."	10
"Сизифов зимний день..."	10
От мая до сентября	11
Радио	12
"Помнишь, бабушка, в июне..."	12
"Где-то в полночи страшно пропело..."	13
День рождения	14
Старые марки	15
Прежнее имя	16
Удача	16
Туристка	17
"Земля парит..."	18
Залив	18
Село Сквородиновка	19
"Мчится по снегу к метро на свиданье..."	20
Поморье	20
"Когда весной гроза пройдет..."	21
Встреча	22
Плач из камней	23
Лето по старому календарю	24
"Над водой закатной..."	25
"Вот и май прошумел, всадник-май пролетел..."	25
Признание	25

Из книги "Три времени судьбы" (1989)

Послевоенное	28
Степная весна	29
Песни после войны	30
Город	31
Утро работы	33
Рождение	34
Передник с мальвами	35
Двое	36
Батьково сердце	36
Харьковская крепость	38
Полыни кровь	39
Шарукань	40
"Какое благо..."	40
Кормилица-осень	41
Поезд	42
Боянова гора	43
Бессонница	44
Зерно	44
Чудо о Сатурне	45
Перед осенью	45
Старый пес	46
Виноградник	47
Школа	48
Урок географии	49
У озера	50
Прилет	50
Цикада	51
"Как рванулось Стожарами небо..."	51
Летний дом	52
"Старый ялик к осине причален..."	53
"Девятилетний, загорелый..."	53
"Лето, лето..."	54
Конец августа	55
Роща	55
"Как вырваться за грань того, что было..."	57
"Видится Бунин, сухой и прямой..."	57

Негатив	58
Тридцатилетье	58
"Бессмертным слыть..."	59
Бор	59

**Из книги "Шиповник, сто сердец
дарящий" (1990)**

Неизбывная стая

Во здравие	62
Отрывки хроники	63
Терна брат	64
При дороге	65
Допотопная песня	66
"Смерть неминуема? Так что ж?..."	67
"Магеллановы гуси над миром летят..."	67
"И снова глянет на меня..."	68
Вечера Купалы	69
"О Хронос и Харон, хрипучие прозванья..."	70
Завет	71
"Почти наивно..."	72
Арсению Тарковскому	72

Деревья среди камней

К жизни	74
Двор по утрам	74
"На улице Пушкинской..."	75
После грозы	77
Мороженщик	78
Тетрадь	78
"Мне муторно с недобрыми людьми..."	79
"Эти выцветшие марки..."	80
Игрища	81
"Закатный час..."	82
"Охапка белых астр в стеклянной вазе..."	83
"Люби меня..."	83
"Где улыбалась ты? Где мы встречались..."	85

"Ты молода и странно хороша..."	86
Старая конура	86
Осенние игры	87
Из окна на третьем этаже	87
Айва	88
Зимняя торговля	89
"Уже грачи гортанно стонут..."	89

Колесо или стремя

Благовещенский базар в Харькове	90
"Сельский двор..."	92
Бессловесные	92
"Раковинами и книгами..."	93
"Иволга лимонная живет..."	94
Лесничество	95
"Казань..."	95
Подмосковье	96
Суздаль	96
Ночная просека	98
"Бывает день..."	98
"Выносив джинсы от голубизны..."	99
Гурзуф	99
Полдень Крыма	100
"Я солнце страстью ящериц люблю..."	101
Дед Андрей	101
Утро Ясона	102
Альпинист	103
Синдбад	104
Похищенный рецепт	105
"Только там..."	105
"Не понапрасну, не случайно..."	106
"Я помню лето вдохновенья..."	107
Погоня	108

Из книги "Врата" (1993)

Земная соль

"Я делал то, что мог..."	110
"Смысл жизни заключен лишь в ней одной..."	110

"Вернулся я, а тополи срубили..."	111
"Что ломиться..."	112
"Босым обойду его травную пойму..."	112
"Коснемся сокровенно..."	113
"О грешная земля, клейменная обидой..."	113
"Услышанное не вернется в хаос..."	114
Пасха	115
"Кто рядом — чужд и нем..."	116
"И рыдать не смогу..."	116
"Шмель на малине..."	117
"Мне бы всплыть из сурьмы океана..."	118
"Мы говорим о несоединимом..."	119
"И все яснее: жизнь не удалась..."	119
"Я просто мальчик..."	120
"И вот за дюжиной смертей..."	120
Чистый четверг (из М. Зерова)	121
"Наша правда крива..."	122
"И Моцарт чуял зов..."	122
Жуки-олени	123
"Библейская дождливая погода..."	124
"Останусь, ибо вы со мною..."	125
"На выбеленных скалах Тарханкута..."	126
Врата	126

По путям твоим

"Глазу больно и воздуху знойно..."	127
"Дышать, бродить по белу свету..."	127
"Все! Наконец домой вернуться..."	128
"Углем, маслом, темперой, гуашью..."	129
"Густой электризованною влагой..."	130
21 июля 1991г.	131
"Живая, влажная земля..."	131
Уходя	132
"Молчит трава..."	134
Гостя	134
"Бездомный ветер кривобокий..."	136
"Никого ни о чем ни проси..."	137
"Своей самоубийственной тропе..."	137
"Мед Медичи стекает по губам..."	138

"Стихи начинаю..."	139
"За маем вослед золотится июнь..."	139
"Зеленая слива становится белой..."	140
Запах	140
"Живому — детское движенье..."	141
"И Макбет, и Раскольников..."	142
"Небесный алыт, дворовый чад резины..."	142
Перед циклоном	144
Гурзуф в апреле	145
"В холодный и сырой..."	146
"Итак, добираться мне до Феодосии..."	146
Поликуровская горка	147
"Все сказанное — только лишь прощанье..."	148
Мастерская зимой	149
Нижегородская круча	150
Полночь	151

Амфора

Крымская сиеста	152
Амфора	153
"Не я пишу стихи..."	154
Дом в Коктебеле	155
Часы	156
"Далеко Генуя..."	157
"Что есть судьба?..."	158
"Осеннее море июльского чише..."	159
"Сентябрь в Тавриде..."	159
Маяк на утесе	160
"Светимое — то, что не смеет..."	161
"Дочь, горлица..."	161
Под созвездием Льва	162
"Перламутровая табакерка..."	162
"Инжир, виноград и гранаты..."	163
"Не уставай, еще прощаться рано..."	164
"Нет, я лежачих слов не понукаю..."	165
Александр Грину	166
Рапана	167
Сроки	169
"Лазурью, сепией, сиеной..."	169

Из книги "Во плоти" (1994)

За мускулом зрачка

"Оттого, что я жизнью пьянел..."	172
"Мы ль не призваны..."	172
"Для жизни духа нет плохих времен..."	173
"Огромная славянская страна..."	174
Дебют	174
"Тополиный пух отвитал..."	175
"С окрасом зебры..."	176
"Жил по-людски я..."	177
Киев	178
"Зерно бы только, твердое ядро..."	179
Предзимье	179
Билет первого сентября	180
"Кто мы с тобой, чтоб уповать..."	182
Над шахтами	182
"Вырастают деревья..."	183
"Изранит суховей нелживые уста..."	184
"И вот, когда опять июнь..."	185
Шпажник	185
У портрета	186
"Бледно-лиловые астры..."	187
"Не переделаешь себя..."	187

Зачатье осени

"Зыбкое солнце. Прохлада с утра..."	188
"За себя не боюсь..."	189
"Когда все звонче яблок мясо..."	189
Пойдем по лесу	190
Гонец от Кочубея	191
"Деревянные перила, деревянные террасы..."	192
"Что ты лепечешь..."	193
Лада	193
"В мае гремело, и пахли нарциссы..."	195
"Донец, шафранный август..."	195
21 июля 1993 г.	196
Киммерия	197

"Просторней, солнечней, смуглее..."	198
Виноделие	199
"Здесь облик Баха тучен..."	200
Там, на Рейне	200
"Не знаю ничего..."	201

Ересиаршие пруды

"Одним не скудеешь..."	202
"Что-то было и есть..."	203
"И за Каином вслед Святополк..."	203
Печенежское море	204
"Я доныне..."	205
Великая пятница (из М. Зерова)	206
"Время выпито..."	207
Кведлинбург	207
"Так редко можно видеть..."	208
"Булыжная глушь..."	209
"Заросший пруд и селезень зеленый..."	210
"Ливень июльский утих..."	210
"Над олеандром парусник..."	211
В зное	211
Ловля	212
"Здесь сейчас или где-то когда-то..."	213
"О солнце с ветром..."	213
Порыв стужи	214
У оврага	214
"Доживем до весны..."	215

Теорема дождя

"Сине-пепельный жук..."	216
"Давай подружим..."	216
"Кафа, оливы, ракушечник..."	217
"Кентавр, пернатые триремы..."	218
Ветхий след	219
"Стужей убитую горлицу..."	220
"Алтарные врата уже раскрыты..."	220
"Отцветают пионы..."	220
"Дети выросли — стали чужими..."	221

"Тогда хотелось побыстрее..."	221
Набросок карандашом	222
В лавке живописца	223
"Приходится нечто из воздуха..."	223
"Песчаные львы..."	224
"Есть нечто неизбывное..."	225
"Опять букет сирени..."	225
"Две сойки прилетают в сад..."	226
"Крест не роняя..."	227
"На склоне лет..."	227
"Все, что Господь послал мне..."	228

Завязь "Седмицы"

Перо	230
"Синие джинсы сменили вельветки..."	230
"И что ни год - опять..."	231
"Между пламенем желтым..."	231
"У Никольского собора..."	232
Прага	233
Апрель в Брауншвайге	234
"Будет день, и будет пища..."	235
"Запах флоксов, дурман увяданья..."	236
"Мы время пьем, как воздух..."	236
"Немного пчелиного меда..."	237
"И не разлюблю никогда..."	238
"Какое горбатое зимнее поле..."	238
"Эта сыгранная чисто..."	239
"Есть правда одиночества..."	240
Пейзаж с весами	241
Ответ	241
Путь Марфы	242
"Черно-синий ворон сел..."	243
Имя-грусть	244
"Холодная весна идет..."	245
Первопечатник	246
Квартал Сан-Паули	247
"Когда б не музыка..."	248

"Раздвоенность у нас в крови..."	249
На Ай-Петри	250
Из летнего дневника	250
"Иду вдоль моря..."	251
В имении	252
Волошинский холм	252
Тростник	254
Книжный развал	255
"Ракло и тремпель — харьковские цацки..."	256
Общежитие в бывшем епархиальном училище	256
Мозаика мая	258
"Цикады и сверчки..."	258
"В южном воздухе вызрел гранат..."	259
"Я слишком смертен..."	260
"Между Арсением и Анной..."	261
"Коробка красок..."	262
"Мало желтого, больше кармина..."	263
День стужи	263
"И на Лысой горе, на Голгофе..."	264
Памяти Бориса Чичибабина	265
Вдоль Лабы	267
Фламандские прогулки	268
"Не больше часа..."	269
"Позови меня молча, глазами..."	270
"Страстная пятница..."	271
 И. Лосиевский "Дня не пройдет, чтобы тысячи лет не прошло..."	 273

Ш44 © Шелковый С.К., 1997
Листы пятикнижья: стихи. — Харьков.
"Майдан", 1997. — 292с.
ISBN 5-7707-9394-X

**Шелковый
Сергей Константинович**

*Листы пятикнижья
стихи*

*Редактор: Лосиевский И.Я.
Технический редактор: Гатальская О.В.
Сдано в набор 5.01.96.
Подписано к печати 15.05.96
Формат 60х90 1/16. Бумага офсет №1.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Уч.-изд.л. 12. Заказ № 335
Верстка фирмы "Программ-Асс"
Печать типография №16*

***Сберегательный Банк Украины —
Ваш надежный и компетентный
партнер***

Суперобложка
работы автора.
Покровский собор
и Озерянская
церковь в Харькове.

